

Приятного чтения!

Завтра

Гийом Мюссо

- [Часть первая](#)
 - [День первый](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [День второй](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
- [Часть вторая](#)
 - [День третий](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
- [Часть третья](#)
 - [День четвертый](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [День пятый](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
- [Часть пятая](#)
 - [День шестой](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
- [Часть шестая](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
- [ПРОШЕЛ ГОД...](#)
 - [Перезагрузка](#)
- [Благодарности](#)

- [Сноски](#)

Гийом Мюссо
ЗАВТРА

Любовь, известно, где не пройдет, сумеет пролететь.

У. Шекспир «Два веронца»

Часть Первая

СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

День Первый

1 Среди Призраков

Мы не те, кого показывает нам зеркало. Мы те, кто отражается в сияющих глазах.
Тарун Дж. Теджпал^[1]

Гарвардский университет
Кембридж
19 декабря 2011 г.

Амфитеатр переполнен студентами, но в аудитории мертвая тишина. Стрелки на бронзовом циферблате старинных настенных часов показали два часа сорок пять минут. Лекция по философии молодого преподавателя Мэтью Шапиро близилась к концу.

Эрика Стюарт, студентка двадцати двух лет, сидела на первом ряду и не сводила с преподавателя глаз. Вот уже целый час она безуспешно пыталась привлечь к себе его внимание, согласно кивая каждому его замечанию и всем своим видом показывая, как заворуженно она его слушает. Усилия пропадали втуне, однако безразличие преподавателя делало его образ еще притягательнее.

Моложавое лицо, короткая стрижка и пробивающаяся бородка наделяли Мэтью Шапиро необыкновенным шармом в глазах студенток, и не одна вздыхала о нем. Потертые джинсы, высокие ботинки, водолазка — Мэтью был похож скорее на студента или аспиранта, чем на своих коллег, что с суровым видом шествовали по студенческому городку. Однако привлекательная внешность была не главным его достоинством, главным было красноречие.

Мэтью Шапиро был одним из самых популярных преподавателей в студенческом городке. Он преподавал в Кембридже пять лет, и на его лекции с каждым годом приходило все больше студентов. Молва о нем ширилась, и вот уже чуть ли не восемь сотен студентов записалось в следующем семестре на курс лекций по философии. Теперь преподаватель вынужден был их читать в самой большой из аудиторий Север-холла.

«Если философия не избавляет ум от страданий, она бесполезна».

Каллиграфически выведенная на доске максима Эпикура выражала суть лекций Мэтью.

Он стремился, чтобы его лекции были понятными и полезными беседами, и не любил загромождать их абстрактным теоретизированием. Поводом к рассуждению всякий раз становился реальный случай. Мэтью начинал беседу с разговора об обыденной студенческой жизни, с обсуждения проблем, знакомых каждому студенту: страха провалиться на экзамене, горя из-за разрыва с возлюбленным, тирании чужого мнения, поиска смысла в приобретении знаний... Поставив проблему, он призывал на помощь Платона, Сенеку, Ницше, Шопенгауэра. Благодаря живости изложения великие философы неожиданно оказывались не занудами из университетского учебника, а близкими добрыми друзьями, способными дать полезный и утешительный совет.

В своих умных, приправленных юмором лекциях Мэтью не брезговал и так называемой поп-культурой. Фильм, песня, мультимедиа — все могло стать предлогом для философствования. Даже телесериалам нашлось место в его философском курсе. «Доктор Хаус» становился живым примером в разговоре об экспериментальном познании, робинзонада «Остаться в живых» давала повод порассуждать об общественном договоре, рекламщики из «Безумцев» помогали изучать эволюцию отношений между мужчиной и женщиной.

Но если «прагматическая философия» Мэтью сделала его звездой студгородка, то из-за нее же ревнивые коллеги всячески клевали его и называли верхоглядом. По счастью, высокие баллы, которые получали на экзаменах ученики Мэтью Шапиро, их успех на студенческих конкурсах свидетельствовали пока в его пользу.

Группа энтузиастов даже засняла его лекции и выложила на Ютьюб. Их инициатива привлекла внимание одного журналиста из «Бостон Глоуб», и он написал о молодом преподавателе статью. Еще одна статья о нем появилась в «Нью-Йорк таймс», после чего Мэтью предложили создать «антиучебник» по философии. Он написал его. «Антиучебник» великолепно продавался, но популярность не вскружила голову Шапиро, он по-прежнему возился со своими студентами и заботился об их успехах. Однако светлая полоса вскоре сменилась черной. Следующей зимой Мэтью Шапиро потерял жену. Она погибла в автокатастрофе. Безвременная жестокая смерть угнетающе подействовала на философа. Он продолжал читать лекции, но увлеченность, которая воодушевляла всех, погасла, и лекции потускнели.

Эрика прищурилась, стараясь яснее рассмотреть преподавателя. Потеря надломил Мэтью. Черты его лица обострились, глаза погасли. Но траурная одежда, сумрачный взгляд, аура меланхолии еще опаснее для незащищенного девичьего сердца.

Девушка прикрыла глаза и замерла, слушая низкий, хорошо поставленный голос, который заполнял аудиторию. Голос, утративший энтузиазм, но сохранивший волшебное свойство — дарить уверенность в себе. Солнечные лучи лились через окна, согревая просторную аудиторию, светя в глаза средним рядам. Эрике стало так хорошо, так спокойно от умиротворяющих звуков бархатного голоса. Но каким коротким оказался светлый миг! Она вздрогнула от резкого звонка, возвестившего конец лекции. Не спеша стала складывать книги и тетради, дожидаясь, чтобы аудитория опустела, и тогда робко подошла к преподавателю.

— Что вы тут делаете, Эрика? — удивился Мэтью, узнав ее. — Вы прекрасно сдали курс философии в прошлом году. Вам нечего делать на моих лекциях.

— Я пришла благодаря афоризму Хэлен Роулэнд, который вы так часто цитировали.

Мэтью сдвинул брови, пытаясь вспомнить, какой именно из афоризмов имеет в виду девушка.

— «Больше всего мы сожалеем о тех безумствах, которые не совершили, когда была возможность». — Девушка призвала на помощь все свое мужество и продолжила: — Чтобы не сожалеть, я решила совершить безумство. В общем... В будущую субботу у меня день рождения, и я... Я бы хотела... Пригласить вас поужинать.

Глаза Мэтью слегка округлились от удивления, и он сразу же постарался вразумить свою ученицу.

— Вы же умница, Эрика, а значит, знаете сами все сто пятьдесят причин, по которым я откажусь принять ваше приглашение.

— Но не потому, что вам оно неприятно, правда же?

— Не настаивайте, прошу вас, — оборвал он ее.

Эрика вспыхнула, оробев, застыдившись, пробормотала несколько слов в свое оправдание и пошла к двери.

Мэтью вздохнул, надел пальто, завязал шарф и тоже вышел на улицу студгородка.

Зеленые газоны, красивые здания из темного кирпича с девизами, выведенными по-латыни на фронтонах, — неподвластный времени Гарвард был пронизан британским духом.

Выйдя за порог Север-холла, Мэтью закурил сигарету, закинул рюкзак за плечо и направился к Ярду, обширному двору-парку, откуда на километры разбегался лабиринт дорожек, ведущих к учебным корпусам, библиотекам, музеям, общежитиям.

Парк тонул в мягком осеннем свечении. Вот уже десять дней неожиданное для осени солнце дарило обитателям Новой Англии тепло бабьего лета, особенно отрадное в эту пору.

— Господин Шапиро! Отбейте мяч!

Мэтью повернул голову в сторону, откуда донесся голос. К нему летел футбольный мяч. Он ловко поймал его и отправил обратно к игрокам в квотербэк, которые его и окликнули.

На всех лавочках Ярда сидели студенты с открытыми ноутбуками на коленях. С лужаек доносился смех, всюду велись оживленные разговоры. Здесь как нигде ощущалось дружелюбие молодежи самых разных национальностей. Здесь соседство разных культур складывалось в богатство. Серый и бордовый, два цвета-фетиша знаменитого университета, мелькали на футболках, куртках, рюкзаках. Желание быть гарвардцами преодолеvalo различия.

Проходя мимо Массачусетс-холла, монументального здания в георгианском стиле, где располагалась дирекция и общежитие первокурсников, Мэтью опустил руку с сигаретой вниз. Но не тут-то было! Мисс Мур, главная помощница ректора, стоявшая на ступеньках, сердито взглянула на преподавателя и призвала его к порядку: «Господин Шапиро! Сколько раз я должна вас предупреждать, что курить в студгородке запрещено!» И присовокупила еще несколько слов о вреде табака.

Мэтью и не взглянул на нее. С неподвижным лицом прошел мимо. Он хотел было ответить, что умереть для него плевое дело, но сдержался. Еще несколько шагов, и он, миновав массивные ворота, вышел за ограду студгородка и очутился на Гарвард-сквере.

Сквер на самом деле был обширной, гудящей, как улей, площадью, занятой палатками, книжными магазинчиками, маленькими ресторанами и кафе с террасами, на которых сидели студенты и профессора, одни, продолжая читать лекции, другие переустраивать мир. Мэтью порылся в кармане и вытащил проездной. Он уже двинулся по пешеходной дорожке по направлению к станции метро, собираясь сесть на красную линию и через четверть часа быть в центре Бостона, как вдруг старенький «Шевроле Камаро Купе» ярко-красного цвета вылетел, фыркая, из-за угла Массачусетс-авеню и Пибоди-стрит. Молодой преподаватель резко отпрянул назад, чтобы не попасть под колеса автомобиля, что со скрежетом затормозил прямо перед ним.

Стекло опустилось, и Мэтью увидел перед собой русую гриву Эйприл Фергюсон, своей соседки. После смерти Кейт он стал сдавать верхний этаж своего дома.

— Хэлло, брюнет-красавчик! Подвезти?

Мотор «Камаро» оглушительно рычал в тихой заводи, где ездили в основном на велосипедах.

— Спасибо, отдаю предпочтение городскому транспорту, — отклонил Мэтью любезное предложение. — Ты гоняешь, будто играешь в «Жажду скорости».

— Да ладно! Брось свои пешеходные замашки! Я вожу отлично, и ты это знаешь!

— Не настаивай. Эмили уже лишилась матери. Не хочу оставить дочь сиротой в четыре с половиной года.

— Не преувеличивай! Давай влезай скорее, а то я тут все движение перегородила!

Подгоняемый со всех сторон яростными сигналами, Мэтью покорился и со вздохом упал на сиденье «Камаро».

Едва он успел застегнуть пояс безопасности, как «Камаро» вопреки всем правилам дорожного движения резко вильнул влево и помчался на бешеной скорости на север.

— Бостон в другую сторону, — успел сообщить Мэтью, схватившись за ручку дверцы.

— Мы на секунду смотаемся в Белмонт. Тут езды всего ничего. А за Эмили не беспокойся, я попросила няню посидеть еще часок.

— Не предупредив меня? Я же тебе говорил...

Молодая женщина снова нажала на акселератор, и они помчались так, что у Мэтью перехватило дыхание. Олимпийски спокойная Эйприл снисходительно покосилась на него и протянула картонную папку.

— У меня, кажется, появился покупатель на эстамп Утамаро, — объявила она. — Усек?

Эйприл была хозяйкой галереи в Соут-Энде, специализирующейся на эротическом искусстве. Женщина обладала поистине редким даром находить среди хлама неведомые шедевры и перепродавать их потом с немалой выгодой.

Мэтью начал с того, что освободил папку от резинки, а японский эстамп от кофточки из настоящего шифона, в которую он был завернут. Эстамп оказался шунгой^[2] конца XVIII века, изображал куртизанку и ее клиента во время акта любви. Образец такой чувственной акробатики. Откровенность сцены смягчалась изысканностью рисунка и богатством тканей. Лицо гейши чаровало тонкостью и изяществом. Ничего удивительного, что такого рода гравюры так полюбились потом Климту и Пикассо.

— Ты уверена, что хочешь с ней расстаться?

— Я получила предложение, от которого не отказываются, — сообщила она голосом Марлона Брандо из «Крестного отца».

— Можно поинтересоваться, от кого?

— От крупного коллекционера-азиата. Он в Бостоне проездом, навещает дочь. Похоже, он готов совершить покупку, но в городе всего на один день. Такая возможность, как ты понимаешь, еще раз скоро не представится...

«Шевроле» выехал из студенческого квартала и покатил по скоростной дороге вдоль Фреш Понда, самого большого озера в Кембридже, а потом дальше в Белмонт, небольшой жилой городок западнее Бостона. Эйприл ввела адрес в GPS и стала следовать указаниям механического голоса, который привел их в очень богатый и очень уютный квартал. Окруженная деревьями школа, за ней площадка для игр, парк, спортивный комплекс. Неподалеку стояла даже тележка с мороженым, которую продавец привез сюда, словно бы из 50-х. Несмотря на запрет, «Камаро» обогнал школьный автобус и остановился на тихой, застроенной небольшими особняками улочке.

— Ты со мной? — спросила Эйприл, забирая у Мэтью папку.

Мэтью отрицательно покачал головой.

— Лучше подожду тебя в машине.

— Я задерживаться не собираюсь, — пообещала Эйприл, смотрясь в зеркало заднего вида и напуская волнистую прядь на правый глаз, как это делала Вероника Лейк.

Достав из сумочки помаду, она подкрасила губы, довершив этим последним штрихом образ роковой женщины в красной кожаной куртке в обтяжку и в футболке с глубоким вырезом.

— А не слишком ли вызывающе? — подначил приятельницу Мэтью.

— «Я совсем не плохая, меня так нарисовали», — промурлыкала она в ответ голосом Джессики Рэббит из мультяшки «Кто подставил кролика Роджера».

И наконец-то выпрямив свои длинные ноги в легинсах, зашагала к дверям самого большого коттеджа на этой улице.

Мэтью смотрел ей вслед. Эйприл нажала на звонок. По части сексапильности она могла дать кому угодно сто очков вперед: идеальные пропорции, осиная талия, потрясающая грудь. Воплощение мужских грез! Но — увы! — Эйприл любила не мужчин, а женщин и всегда и всюду объявляла о своем пристрастии к однополый любви.

По этой, кстати, причине Мэтью и взял ее себе в соседки, зная, что никакие двусмысленности ему не грозят. К тому же Эйприл была умницей, фантазеркой, умела пошутить и повеселиться. Хотя характер у нее был не из лучших, в выражениях она не стеснялась и порой впадала в страшный гнев по пустякам. Однако как никто умела ладить с малышкой Эмили, а это было для Мэтью дороже всего на свете.

Эйприл исчезла за дверью, и Мэтью перевел взгляд на другую сторону улицы. Мамочка с двумя малышами украшали сад перед домом, готовясь к Рождеству. Да, действительно, до Нового года осталось немногим больше недели, и при мысли об этом он снова почувствовал острую тревожную боль. Близилась годовщина смерти Кейт: ужасный день 24 декабря, превративший в 2010 году его жизнь в тоску и мучение.

Три первых месяца после катастрофы Мэтью чувствовал только неутолимую боль. Она не отпускала его ни на секунду. Опустошала. Мучила. Разверстая рана. Впившийся вампир, высасывающий жизнь. Пытаясь избавиться от пытки, он готов был на самые радикальные средства: подходил к окну, готовясь выпрыгнуть, искал крюк, куда привяжет веревку, хватался за таблетки, собираясь выпить смертельный коктейль, приставлял дуло к виску. Останавливала мысль о маленькой Эмили: с ней-то что будет без него? Он не имел права отнимать отца у своей дочери, не имел права уродовать ей жизнь.

Бурное горе первых месяцев сменилось унылым туннелем тоски. Жизнь замерла, остановилась, завязла в безнадежности, которой не виделось ни конца ни края. Мэтью не сопротивлялся, он покорно терпел свою беду, наглухо закрывшись от жизни. Потеря была невозполнимой. Будущего не существовало.

По совету Эйприл он все же совершил невероятное усилие и записался в группу поддержки. Сходил на одно занятие, попытался найти слова, чтобы выразить свое горе и разделить его с другими, но больше ходить туда не стал. Чем могли помочь ему дежурные фразы сочувствия и чужие житейские уроки? Он предпочел свое одиночество и бродил по нему, словно призрак, ничего не желая, ничего не ожидая. Отсутствуя.

Но прошло какое-то время, и ему стало казаться... Не то чтобы он ожил. Нет. Ему показалось, что боль понемногу отпускает его. Просыпаться было по-прежнему неважно, но в Гарварде, во время лекций или на совещаниях преподавателей по профориентации, в которых он теперь участвовал без прежней активности, ему вдруг становилось как будто немного легче.

Он не стал таким, каким был, но словно бы мало-помалу смирился со своим новым состоянием, с головой уходя в философию, которую преподавал студентам. Фатализм стоиков и бесстрастие буддистов помогали ему терпеть жизнь такой, какая она есть: изменчивой, заведомо лишенной стабильности, постоянно эволюционирующей. В ней ничего не стояло на месте. А счастье? Хрупкое, как стекло, оно было всего лишь кратковременным жизненным опытом...

Теперь, дорожа мелочами, он вновь начинал ощущать, что у жизни есть вкус. Прогулка в солнечный день с Эмили, футбольный матч со студентами, удачная шутка Эйприл. Из этих малостей он строил плотину, которая не позволяла бы разливаться горю, не подпускала бы его, удерживала на расстоянии.

Но плотина оказывалась непрочной. Боль подтачивала ее, прорывалась, хватала за горло. Достаточно было пустяка, чтобы горе вновь разнуздывалось, бушевало, топило в воспоминаниях. На улице женщина обдала ароматом духов Кейт... Мелькнул плащ того лее фасона... По радио передавали песенку, которую они любили слушать, когда были так счастливы... Фотография, случайно найденная в книге...

В последние дни ему снова стало намного хуже. Приближение ужасной годовщины и радостные предновогодние хлопоты — все было связано с Кейт, все о ней напоминало.

Уже не раз он просыпался посреди ночи с бьющимся сердцем, мокрый от пота, мучимый одним и тем же воспоминанием:

кошмаром последних минут Кейт. Мэтью сразу же примчался в больницу, когда туда с места аварии доставили Кейт. Но ее коллеги (а она была врачом) ничего не могли сделать, чтобы вернуть ее к жизни. Он встретился со смертью лицом к лицу. Смерть отобрала у него женщину, которую он любил. Им с Кейт было отпущено всего четыре года счастья, но какого!.. Полного совершенного взаимопонимания! За четыре года люди только намечают тот путь, который пройдут вместе. Их путь оборвался. Но встреча была уникальной, такое не повторяется. Стоило Мэтью подумать об этом, и он снова впадал в отчаяние.

Слезы выступили у Мэтью на глазах, когда он заметил, что крепко сжимает обручальное кольцо, которое по-прежнему носил на безымянном пальце. Сердце у него колотилось, как сумасшедшее, пот выступил на лбу. Он опустил стекло, нащупал в кармане джинсов успокоительное и положил таблетку под язык. Лекарство медленно таяло, химия действовала. Пройдет несколько минут, и сердцебиение выровняется. Мэтью прикрыл глаза, помассировал веки, сделал глубокий вдох. Чтобы окончательно успокоиться, ему нужна была сигарета. Он вышел из машины, запер дверь, сделал несколько шагов по тротуару, закурил и глубоко затянулся табачным дымом.

Горечь никотина мягко обволокла горло. Сердце забилося ровнее, и он сразу почувствовал себя гораздо лучше. Прикрыв глаза, подставив лицо осеннему ветерку, Мэтью наслаждался сигаретой. Отличная погода. Сквозь ветви светило солнышко. И до чего тепло! Даже подозрительно! Несколько минут Мэтью так и стоял неподвижно, не открывая глаз, наслаждаясь покоем. Потом открыл глаза и увидел, что в конце улицы возле одного из коттеджей собралась небольшая толпа. Он двинулся туда, ему стало любопытно, что там такое. Коттедж, типичный для Новой Англии: двухэтажный дом, обшитый досками, с высокой, будто на кафедральном соборе, крышей и множеством окон.

Перед домом на лужайке хозяева устроили что-то вроде распродажи. Этакое «опустошение чердака», какие нередко устраивают в этих краях, где люди меняют свои жилища не меньше пятнадцати раз за жизнь.

Мэтью смешался с толпой зевак, что сгрудились на лужайке. Распродажей руководил мужчина примерно его лет, лысый, в квадратных очках, с нахмуренными бровями и бегающими глазами. В черном с головы до ног, он держался очень прямо и чем-то напоминал квакера. Рядом с ним сидел песочного цвета шарпей и грыз игрушечную кость из латекса.

Школьные занятия только-только кончились, так что время для распродажи было выбрано самое подходящее: на лужайку мигом налетела желающая погулять ребятня. Да и вещи, которые продавались, были соответствующими: деревянные рамочки, сумка для клюшек для игры в гольф, бита и перчатки для бейсбола, старая гитара Гибсон... К ограде прислонился велосипед BMX, традиционный новогодний подарок начала 80-х, рядом с ним роликовые коньки и скейтборд. Мэтью побродил между столиков, рассеянно взглянул на навал игрушек, которые сразу напомнили ему детство: йо-йо с деревянными светлыми дисками, кубики-рубики, детские книжки вроде «Гиппопотам-жадины», летающая тарелка, «Эрудит», гигантский плюшевый пришелец из космоса, фигурки персонажей из «Звездных войн»... Цены бросовые. Владелец и впрямь хотел избавиться от всего, что тут было, и как можно скорее.

Мэтью направился к выходу, собираясь покинуть развал, но тут его взгляд упал на пятнадцатидюймовый MacBook Pro. Не самая последняя версия этой модели, скорее всего, предыдущая или даже чуть раньше.

Мэтью подошел, взял ноутбук в руки и стал рассматривать со всех сторон. На алюминиевом корпусе красовалась виниловая самоклеящаяся картинка: Ева, похожая на красавиц Тима Бёртона, изысканная, сексуальная, и в руках у нее яблоко, напоминающее логотип знаменитой фирмы Apple. Внизу под картинкой можно разобрать подпись «Эмма Л.». Вот только непонятно, то ли это подпись художницы, которая ее нарисовала, то ли автограф бывшей владелицы ноутбука.

«А почему бы и нет?» — подумал Мэтью, еще раз взглянув на фирму. Его старенький Powerbook отдал богу душу в конце лета. Конечно, дома у него стоял персональный компьютер, но без ноутбука тоже не обойтись. Хотя вот уже три месяца он этот расход откладывал на потом.

Ноутбук оценили в четыреста долларов, и Мэтью счел эту цену разумной. Сейчас он не купался в золоте, так что можно было считать, что подвернулась удачная покупка. Преподавательская зарплата в Гарварде была вполне приличной, но после смерти Кейт он решил во что бы то ни стало сохранить их дом в Бэкон-Хилл, даже если это было ему не совсем по средствам. Потому-то он и стал сдавать верхний этаж Эйприл, но даже с платой, которую она вносила, выплаты по кредиту съедали три четверти его доходов, оставляя ему весьма скудные возможности для маневров. Он даже вынужден был продать свой коллекционный «Триумф» 1957 года, мотоцикл, которым так гордился.

Мэтью подошел к продавцу и показал ему ноутбук.

— Он ведь в рабочем состоянии, не так ли?

— Нет, одна коробка для виду! Разумеется, он работает, иначе бы я его не продавал за такую цену! Это компьютер моей сестры, я сменил ему жесткий диск и операционную систему, так что он теперь как новенький.

— Отлично, тогда я его покупаю, — решился Мэтью, поколебавшись пару секунд.

Он достал бумажник и с огорчением обнаружил, что у него только триста десять. Смущенный, он попытался поторговаться, но продавец заявил, что о снижении цены не может быть и речи. Мэтью обиделся, пожал плечами и собрался уходить, но за спиной вдруг услышал веселый голос Эйприл.

— Разрешите мне подарить тебе этот ноутбук! — попросила она, удерживая продавца.

— И речи быть не может!

— В ознаменование продажи эстампа!

— Ты получила столько, сколько хотела?

— Да, но не без приключений. Паренек решил, что за такую цену имеет право на одну из поз Камасутры.

— «Беда мужчин в том, что они не могут спокойно посидеть на месте», — процитировал Мэтью.

— Вуди Аллен?

— Нет, Блез Паскаль.

Продавец протянул им ноутбук, который успел уложить в коробку. Мэтью поблагодарил его кивком головы, Эйприл расплатилась, и они поспешили к машине.

Мэтью настоял, что за руль сядет он. И пока они медленно продвигались к Бостону, зажатые пробкой, он вдруг понял: только что купленный ноутбук навсегда переменит его жизнь.

Собаки меня никогда не кусали. Только люди.

Мэрилин Монро

Бар ресторана «Император»
Рокфеллер Плаза, Нью-Йорк
18 часов 45 минут

Из бара «Император», расположенного на самом верхнем этаже Рокфеллер-центра, открывается сказочный вид на Манхэттен. В обстановке бара удачно соседствуют традиционность и дизайнерские новшества. Обновив в нем многое, художник не тронул панели с деревянной резьбой, столики в стиле ар-деко и кожаные клубные кресла. Благодаря всему этому в «Императоре» царила уютная атмосфера старинного английского клуба, удачно сочетаясь с современностью в виде ярко сияющего бара из стекла, пересекающего все помещение.

Тоненькая Эмма Ловенстайн легко сновала между столиками, поднося бокалы с вином. Посетителей знакомили с разными винами, и она, блистая врожденным даром красноречия, рассказывала историю изысканных напитков. Молоденькой сомелье удавалось заражать окружающих своим воодушевлением. Она располагала к себе всем — изяществом хороших ручек, точностью движений, искренностью улыбки, но больше всего энтузиазмом, присущим юности, которым ей так хотелось поделиться.

Дегустация подвигалась к концу, балет официантов готовил предпоследний номер.

— Тартинки с ветчиной и пармезаном, — объявила Эмма, и в зале послышался одобрительный гул: приглашенные, попробовав, отдавали должное поданному блюду.

Эмма налила каждому по бокалу красного вина, не показывая этикетку, а затем в течение нескольких минут отвечала на вопросы, перечисляя особенности налитого вина, стараясь, чтобы клиенты лучше их прочувствовали. Наконец объявила:

— Вино из винодельни Моргон, Кот-дю-Пи, сухое божоле. Вино с долгим послевкусием, насыщенное, бархатистое, с ароматом малины и кислой вишни, который прекрасно сочетается с пряным вкусом свиной ветчины.

Идея проводить еженедельные знакомства с винами принадлежала Эмме. Слух об изысканных трапезах распространялся все шире, и теперь они пользовались большой популярностью. Идея была проста: Эмма предлагала попробовать четыре разных сорта вина, которые сопровождали четыре блюда, предложенные главным поваром ресторана, Джонатаном Лемперером. Трапезы были тематическими, посвящались сорту винограда или месту, где виноград обладает особыми свойствами, длились примерно час и приобщали желающих к энологии.^[3]

Эмма заглянула за стойку и подала знак нести последнее блюдо. Коротким мигмом передышки она воспользовалась, чтобы взглянуть на экран мобильного, он давно уже мигал, подавая ей знак. Прочитав эсэмэс, она на секунду впала в панику.

«На этой неделе проездом в Нью-Йорке. Поужинаем сегодня вечером?

Мне тебя не хватает.

Франсуа».

Она застыла, не сводя глаз с мерцающего экрана.

— Эмма?!

Оклик помощника вернул ее к действительности.

— В завершение нашей дегустации мы предлагаем вам ананас с лепестками магнолии и мороженое с маршмеллоу, карамелизированным на древесных углях.

Она откупорила новые бутылки и предложила еще по бокалу вина своим гостям. Поиграв немного в загадки и отгадки, сообщила:

— Итальянское вино из Пьемонта, мускат Асти. Легкое ароматное вино, игристое, сладковатое. Аромат розы и воздушные пузырьки великолепно сочетаются со свежестью ананаса.

После десерта посетители задавали вопросы. Многие интересовались самой Эммой, где она училась, где вообще получают подобное образование. Она отвечала охотно, спрятав как можно лучше свое волнение.

Эмма из Западной Виргинии, родилась в семье со скромным достатком, отец у нее был шофером-дальнобойщиком, и летом, когда ей исполнилось четырнадцать, повез всю семью в Калифорнию полюбоваться виноградниками. Девочка-подросток открыла для себя волшебную страну, которая очаровала ее на всю жизнь. Виноградники и вино стали ее призванием и профессией.

Она поступила в лицей гостиничного хозяйства в Чарльстоне, в нем много внимания уделяли энологии. А когда получила диплом, без сожаления покинула убогое захолустье. И куда отправилась? В Нью-Йорк, конечно! Поначалу работала подавальщицей в скромном кафе, потом старшей официанткой в модном ресторане в Вест-Виллидже. Работала по шестнадцать часов в день, следя за обслуживанием столиков, занимаясь винами и баром. И вот однажды за один из ее столиков сел весьма любопытный клиент. Своего кумира она узнала сразу: сам мистер Джонатан Лемперер. Критики кулинарных журналов называли его «Моцартом гастрономии». Он был шеф-поваром одного из самых посещаемых ресторанов Манхэттена, прославленного «Императора», о котором говорили, что в нем «лучшая кухня в мире». «Император» и в самом деле мог считаться святой святых гастрономии, принимая каждый год тысячи клиентов со всех концов света. Клиентам иной раз приходилось ждать целый год, чтобы наконец заказать там столик. Но в этот день Лемперер обедал инкогнито со своей женой в другом ресторане. У него самого к этому времени были рестораны в самых крупных городах мира. Для короля обширной империи он был поразительно молод.

Эмма набралась мужества и заговорила с кумиром. Джонатан выслушал ее с интересом, и очень скоро обед превратился в тест по найму. Успех не вскружил голову Лемпереру, он был требовательным, но не заносчивым и по-прежнему продолжал искать свежие таланты. Оплачивая счет, он протянул Эмме визитную карточку со словами:

— Приступайте завтра.

На следующий день он подписал с ней контракт, назначив помощником главного сомелье «Императора». И вот уже три года она отлично ладила со своим шефом. Лемперер фонтанировал идеями, и поиск соответствия между подаваемыми блюдами и вином был одной из его давних забот. Эмма осуществила свою профессиональную мечту. В прошлом году Джонатан развелся и снял передник. В ресторане появился новый шеф-повар. Но хотя Лемперер не стоял больше у плиты, его энергия пронизывала все по-прежнему и придуманные им блюда служили украшением меню.

— Благодарю вас за то, что пришли к нам, и надеюсь, что провели приятный вечер, — сказала Эмма, завершая разговор с посетителями.

Она попрощалась с ними, быстренько подвела итоги дня со своим помощником, собралась и отправилась домой.

Через несколько секунд лифт доставил Эмму к подножию Рокфеллер-центра. Время перевалило за полночь. Дул ледяной ветер, изо рта вылетал пар, но мороз не смущал отважных туристов, которые облепили ограду катка и фотографировали гигантскую новогоднюю елку. Высотой не меньше тридцати метров, дерево сияло огнями гирлянд и сверкало шарами. Чудесное зрелище, а сердце Эммы теснила тоска. Банальная истина остается истиной: встречать Новый год одной невесело. Молодая женщина подошла к краю тротуара и стала высматривать на дороге зеленый огонек свободного такси, натягивая на уши шапочку и потуже закручивая вокруг шеи шарф. К несчастью, и ночью бывают часы пик, и все желтые такси, проезжавшие мимо, были заняты. Смирившись с неудачей, Эмма пробралась сквозь толпу и добежала до угла Лексингтон-авеню и Пятдесят третьей стрит, спустилась в метро и села в поезд на линии Е по направлению в Даун-таун.^[4] Естественно, что вагон был набит битком, так что она стояла, зажата в толпе пассажиров.

И все же, несмотря на толчки и тесноту, ухитрилась вытащить мобильник и еще раз прочитать эсэмэс, которую помнила наизусть.

«На этой неделе проездом в Нью-Йорке. Поужинаем сегодня вечером?

Мне тебя не хватает.

Франсуа».

«Отправляйся ко всем чертям! Не думай, что я в твоём распоряжении!» — польхнула она снова гневом, не сводя глаз с экрана.

С Франсуа, наследником одного крупного винодела из Бордо, она познакомилась два года назад, когда ездила во Францию изучать местное виноделие. Он не скрыл от нее, что женат, что у него двое детей, но она все же ответила на его ухаживание. Эмма продлила свое путешествие, и они провели сказочную неделю, странствуя по «винным» дорогам тех краев: знаменитой «дороге Медок», по следам прославленных сухих вин небольших замков, по «тропинкам на склонах» с романскими церквями, археологическими древностями, средневековыми городками и аббатствами Междуморья, по старинным деревенькам Сен-Эмильона... Потом они виделись в Нью-Йорке во время деловых командировок Франсуа. И даже съездили в отпуск, провели неделю на Гавайях. Два года коротких страстных встреч, два года бесплодных ожиданий. Разрушительные два года. Всякий раз, когда они встречались, Франсуа обещал, что вот-вот разведется. Эмма не то чтобы очень в это верила, просто была влюблена, и все.

А потом, когда они снова собирались вместе провести свободные дни, он написал ей, что все еще любит жену и хочет положить конец их связи.

Эмма уже не первый раз в своей жизни приближалась к опасному краю. Она извела на себе, что такое булемия или невозможность есть, испытала желание наносить себе раны. Сообщение о разрыве подтолкнуло ее еще ближе к бездне.

Опустошение, пустота — вот все, что она ощущала. В ней сломалось что-то очень важное, и она сделалась хрупкой и уязвимой. Жизнь утратила краски, вкус и давала знать о себе только тянущей болью. Справиться с этой мукой можно было единственным способом: погрузиться в теплую ванну и перерезать вены на запястьях. Сделать два глубоких надреза на каждой руке.

Ее попытка самоубийства не была призывом на помощь или детским театральным жестом. Она хотела уйти из жизни всерьез. Причиной была несчастная любовь, но корень разлада с жизнью таился гораздо глубже. Эмма хотела уйти из жизни, и у нее бы получилось, если бы не ее брат, кретин и идиот, который не нашел другого времени, чтобы ворваться в ее квартиру с упреками, что она не заплатила в этом месяце за отца в доме для престарелых.

При этом воспоминании у Эммы всегда пробегала по спине ледяная струйка...

Поезд остановился. Станция «Сорок вторая стрит», конечная остановка всех автобусов. Вагон опустел, и Эмма наконец смогла найти себе место. Едва она села, как мобильник завибрировал. Франсуа настаивал:

«Умоляю, дорогая, ответь. Дадим себе еще один шанс.

Отзовись. Прошу! Мне так тебя не хватает.

Твой Франсуа».

Эмма закрыла глаза и стала дышать очень медленно. Ее бывший любовник — непостоянный эгоист и манипулятор. Он умело пользуется своим обаянием, делая из себя героя с любящим сердцем. Хочет утвердить над ней свою власть. Знает, что способен лишить ее самообладания. Умеет безжалостно использовать ее слабости и неуверенность в себе. Берedit раны, напоминает о неудачах. Лучше всего ему удастся истолковывать происходящее в свою пользу, а ее представлять фантазеркой с маниями.

Чтобы не поддаваться соблазну ответить, Эмма отключила мобильник. Она заплатила дорогую цену за то, чтобы избавиться от чар Франсуа. Она больше не хотела попадаться в ловушку. Тем более в канун Нового года. Тем более что чувствовала себя такой одинокой!

Самым худшим ее врагом был вовсе не Франсуа. Она сама себе была худшим врагом. Не могла научиться жить ровно, без всплесков. Эмма знала, что за ее доброжелательной веселостью таятся импульсивность, эмоциональная неустойчивость, что она может впасть в глубокую депрессию или в безудержную эйфорию.

И сейчас ни за что не желала пойти на поводу своего страха перед одиночеством, потому что потом она опять впадет в отчаяние и, кто знает, может, опять поддаться силам саморазрушения. Ее привязанности не приносили ей счастья. Любя, она отдавала все, но тому, кто этого не заслуживал. Эгоистам вроде Франсуа. Однако в ней самой было что-то, чего она не понимала, с чем не могла справиться. Какая-то темная сила, какое-то внутреннее свойство натуры подталкивало ее к несвободным мужчинам. Она безрассудно стремилась слиться, раствориться в своем чувстве и в то же время прекрасно понимала, что эта любовь не несет в себе ни надежности, ни постоянства, в которых она так нуждалась. И все-таки она не отказывалась от связи, с отвращением становилась сообщницей в неверности, подрывала семейный очаг, хотя это было против ее правил и против того, чего она хотела для самой себя.

По счастью, вот уже несколько месяцев она занималась психотерапией и немного научилась отходить в сторону и не поддаваться сразу порыву чувств. Теперь она точно знала, что должна оберегать себя и держаться подальше от недобросовестных эгоистов.

Вот и конечная — «Уорлд Трейд Центр». Этот городской квартал на юге города был почти полностью разрушен терактом. Сейчас в нем по-прежнему ведутся строительные работы, и очень скоро новые башни из стекла и бетона украсят нью-йоркский горизонт.

«Символ мощи Манхэттена, способного выйти еще более сильным из любых испытаний, — подумала Эмма, поднимаясь по лестнице к Гринвич-стрит. — Пример, над которым стоит поразмышлять...»

Она дошла быстрым шагом до перекрестка с Гаррисон-стрит и пошла по эспланаде вдоль больших жилых домов из зеленоватого кирпича, построенных где-то в 70-х, когда Трайбека^[5] был всего-навсего промышленной зоной, усеянной предприятиями. Эмма набрала код и толкнула двумя руками тяжелую дверь.

Довольно давно в трех сорокаэтажных башнях дома номер 50 на Норд Плаза сдавались сотни скромных квартир. Внезапно цены в квартале взлетели вверх, их дом надумали в ближайшее время ремонтировать, в ожидании ремонта холл выглядел плачевно: облупившаяся краска на стенах, тусклый свет, сомнительная чистота. Эмма забрала из ящика почту, села в лифт и вышла на предпоследнем этаже, где снимала квартиру.

— Хлодвиг!

Стоило ей переступить порог, как к ней бросилась ее собака, бурно выражая восторг.

— Дай я хотя бы дверь закрою, — проговорила она, глядя бархатистую шкурку, сложившуюся в прочные твердые складки.

Эмма поставила сумку и минут пять здоровалась с Хлодвигом. Ей нравилось его плотно сбитое тельце, большой черный нос, честные глаза, мерцающие на треугольной мордочке, и притворно недовольный вид.

— Вот уж ты всегда мне будешь верен!

И словно бы в благодарность сразу же насыпала ему в миску сухого корма.

Квартира была маленькой — сорок квадратных метров, но не без шарма — светлый пол, стены под кирпич, огромное окно. В кухне главной была стойка из черного песчаника и три металлических табурета. А вот что касается гостиной, то вся она была заставлена стеллажами с книгами. Американская литература, европейская, книги о кино, винах, гастрономии. Были в доме и недостатки: старые трубы, перебои с водой, мыши в прачечной, постоянно ломающиеся лифты, плохие кондиционеры, тонкие стены, которые дрожали во время грозы и не скрывали интимной жизни соседей. Зато из окна был потрясающий вид на реку, а уж при взгляде на Нижний Манхэттен просто дух захватывало. Цепочки светящихся зданий, набережная Гудзона и возле нее множество самых разных пароходов и лайнеров.

Эмма сняла пальто, шарф, повесила костюм на манекен и надела старые джинсы и просторную футболку «Янкиз», потом отправилась в ванную, чтобы смыть макияж.

Зеркало отразило лицо молодой женщины тридцати трех лет, с темными, слегка вьющимися волосами, светло-зелеными глазами и небольшим носом, на котором заблудилось несколько веснушек. В очень счастливые дни в ней можно было найти отдаленное сходство с Кейт Бекинсэйл^[6] и Эванджелин Лилли,^[7] но сегодня день был несчастливый. Стараясь не поддаваться наплывающей тоске, Эмма послала себе насмешливую гримаску. Она избавилась от линз, а вместе с ними от рези в глазах, надела очки и отправилась на кухню ставить чайник.

«Брр, ну и холодина!» — вздрогнула она, взяла по дороге плед, закуталась в него и прибавила мощности отоплению. Дожидаясь, пока вскипит чайник, уселась на табурет и открыла лежащий на стойке компьютер.

Есть хотелось страшно. Эмма вышла на сайт японского ресторана, работавшего с доставкой на дом, заказала себе мисо суп, суши, маки и сашими.

Получила по почте подтверждение, что заказ принят, проверила его и узнала время доставки, а потом просмотрела остальную почту, опасаясь наткнуться на письмо от бывшего любовника.

По счастью, писем от Франсуа не было.

Зато было другое письмо, загадочное, от неизвестного Мэтью Шапиро.

Эмма слыхом не слыхала о таком!

Но он-то и перевернет всю ее жизнь...

3

Письмо

Если страдание — твой лучший друг, отказаться от него — подвиг.

Микела Марцано

Бостон
Квартал Бэкон-Хилл
Восемь часов вечера

— Мама не вернется, да, пап? — спросила Эмили, застегивая пижаму.

— Нет, не вернется. Никогда, — подтвердил Мэтью и взял девочку на руки.
— Это неправильно, — жалобно проговорила она дрожащим голосом.
— Совсем неправильно, — согласился он резко, — но в жизни такое случается.
И он уложил девочку в кровать.

Небольшая комната с невысоким потолком была теплой, уютной, но без пастельной слащавости, какая обычно царит в детских.

Когда Мэтью и Кейт ремонтировали дом, они старались вернуть каждой комнате ее первоначальный облик. В этой убрали перегородку, отмыли и натерли воском паркет, чтобы мягко поблескивал, поставили старую мебель — деревянную кровать, покрашенный белой краской комод, обитое холстинкой кресло, лошадь-качалку, а для игрушек приспособили рыжий кожаный чемодан с латунными накладками.

Мэтью погладил Эмили по щеке, надеясь хоть как-то ее утешить.

— Хочешь, я тебе читаю, а, малыш?

Эмили опустила глаза и грустно покачала головой.

— Нет, не надо мне читать...

Мэтью невольно нахмурился. Вот уже несколько дней он чувствовал, что дочка подавлена. Он как будто передавал ей свою тоску и тревогу и теперь не мог не винить себя. Но ведь он старался! Он крепился, не показывал дочке своего горя, носил маску, но с детьми это не проходит, у них есть шестое чувство, они знают все. Была и еще одна беда: Мэтью, потеряв жену, боялся лишиться еще и дочери. Он понимал, что его страх — глупость, всячески старался образумить себя, но не мог. Ему чудилось, что Эмили из-за каждого угла грозит опасность, и он оберегал ее от всего и вся с риском лишиться воздуха и веры в себя.

Современным отцом он не был.

В первые недели после смерти Кейт Мэтью напугало безразличие Эмили. Она оставалась совершенно спокойной, не горевала и как будто не понимала, что матери нет на свете. В поликлинике врач-психолог, которая наблюдала Эмили, объяснила ему, что такое поведение часто встречается у детей. Дети инстинктивно оберегают себя, отстраняя травмирующее событие. Они словно бы ждут, когда у них накопятся силы, чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

Вопросы о смерти пришли позже. На протяжении нескольких месяцев Мэтью, следуя советам психолога, отвечал на них, помогая себе книгами, картинками и всевозможными метафорами. Но расспросы Эмили становились все более дотошными, они ставили его в тупик, и он стал обходить их. В самом деле, как объяснить ребенку четырех с половиной лет, что такое смерть? Мэтью не знал, как ему говорить с дочкой, не находил слов, какие бы она поняла. Психолог советовала не волноваться, говорила, что с возрастом все уладится. Эмили, подрастая, будет все отчетливее осознавать, что никогда больше не сможет снова увидеться с матерью. Психолог считала, что расспросы Эмили полезны и здоровы. Они помогают выйти на свет ее страхам, разрушают табу, освобождают ее.

Но, по мнению Мэтью, Эмили была еще очень далека от освобождения. Каждый вечер перед сном во власти страха и тревоги она задавала все те же вопросы, на которые Мэтью было так трудно отвечать.

— Если не читаем, засыпай!

Малышка в задумчивости натянула на себя одеяло.

— Бабушка сказала, что мама на небе, — начала она.

— Мама не на небе, бабушка сказала глупость, — отрезал Мэтью, посылая про себя свою мать ко всем чертям.

Кейт была сиротой. Сам он рано ушел от родителей, двух законченных эгоистов, которые преспокойно жили себе в Майами, даже не представляя, в каком он горе. Они никогда не любили Кейт, а ему всегда ставили в вину, что он занимается своей философией, а не их проблемами. Людям, которые всю жизнь думали только о себе, такое простить невозможно. Сразу после гибели Кейт они, разумеется, приехали в Бостон, чтобы поддержать сына и позаботиться о внучке. Но сочувствия хватило ненадолго. Очень скоро они уехали и теперь довольствовались одним телефонным звонком в неделю, чтобы узнать новости и наговорить глупостей Эмили.

Все это в совокупности выводило Мэтью из себя. Его бесило лицемерие религии. Он не верил в доброго Бога, не верил никогда, и смерть Кейт тем более не могла убедить его в существовании Милосердного. Мэтью был философом, а философия была неразрывно связана у него с атеизмом. Кейт полностью разделяла его взгляды. Смерть была концом всего на свете. После нее ничего больше не было. Никакой загробной жизни. Пустота. Ничто. Небытие. Полное и абсолютное. Даже ради ее спокойствия Мэтью не мог внушать дочери лживые иллюзии, которые презирал сам.

— Не на небе, а тогда где? — настойчиво продолжала расспросы девочка.

— Гроб с телом на кладбище, ты сама знаешь. Но не умерла мамина любовь, — сделал уступку Мэтью. — Она всегда в нашем сердце, в нашей памяти. Мы можем ее помнить, говорить о ней, перебирать все хорошее, что у нас было, смотреть фотографии, ходить на кладбище.

Эмили смотрела на него с тревогой.

— А ты? Ты тоже умрешь?

— Да, как все, — кивнул он, — только...

— Ты умрешь, а с кем буду я? — с той же тревогой спросила девочка.

Он ласково ее обнял.

— Я умру еще не скоро, малыш. Проживу до ста лет, обещаю, — сказал он.

«Обещаю», — повторил он, прекрасно зная, что говорит пустые слова, просто-напросто лжет.

Еще несколько минут он сидел рядом с малышкой и говорил что-то ласковое, потом потеплее укутал ее, погасил свет, оставив только ночничок над кроватью, поцеловал в последний раз и перед тем, как закрыть дверь в ее комнату, пообещал, что Эйприл придет пожелать ей спокойной ночи.

Вот уже три года Мэтью жил в доме из красного кирпича на углу Моунт-Вернон-стрит и Уиллоу-стрит. В красивом особняке, смотрящем окнами на Луисбург-сквер, с белой массивной дверью и темными ставнями.

Мэтью выглянул в окно и увидел яркие цепочки гирлянд, которыми украсили решетку парка. Всю жизнь Кейт мечтала жить именно в этой старинной части Бостона. Внутри маленького, уцелевшего от Викторианской эпохи островка со строгими домами, плиточными тротуарами, улицами, обсаженными деревьями, старинными фонарями и цветочными клумбами. Казалось, в этом волшебном месте время замерло так же, как красивые старинные дома. Квартал был не по карману врачу из университетской клиники и преподавателю, который только-только успел расплатиться за обучение. Но разве такой пустяк мог остановить Кейт? Месяц за месяцем она обходила все магазинчики чудесного квартала и приклеивала объявления. И вот одна дама, собираясь переезжать в дом для престарелых, прочитала ее объявление. Богатая жительница Бостона презирала агентства и хотела продать «из рук в руки» дом, в котором прожила всю жизнь. Кейт, наверное, ей понравилась, потому что она охотно согласилась пересмотреть назначенную цену в сторону уменьшения, но при этом покупателям был поставлен ультиматум — они должны были дать ответ на следующий день. Решение было очень серьезным. Несмотря на скидку, сумма оставалась внушительной. По сути, они брали обязательство на всю жизнь, но оно означало, что они верят в свою любовь и свое будущее. Мэтью и Кейт решились. Они влезли в долги на тридцать лет вперед и все свободные дни проводили, крася, шпаклюя и клея. Мэтью не был любителем мастерить, но теперь они всей семьей заделались «специалистами» по части укладки паркета, электрической проводки и водопроводных труб.

Трудясь день за днем, они сроднились с новым домом. Вложили в него душу, он стал для них гнездом, где они хотели вырастить детей и состариться. «Убежище от гроз», как поет Боб Дилан.

Но теперь, когда Кейт умерла, какой смысл был в таком большом доме? Дом остался живым мучительным напоминанием о ней. Убранство дома, мелочи, даже запахи — ароматических свечей, палочек, саше, — все было связано с Кейт. Все здесь напоминало Мэтью о жене, и ему казалось, что Кейт стала этим домом, и у него не было ни воли, ни желания с ним расстаться.

Но воспоминания не покидали только нижние этажи дома, верх оживила своим присутствием Эйприл, арендовавшая верхний этаж — просторную спальню, ванную комнату, гардеробную и небольшой кабинет.

На втором этаже находились комната Мэтью, комната Эмили и еще комната малыша, появление которого они с Кейт не собирались откладывать слишком надолго. На первом они оставили открытое пространство, служившее и кухней, и гостиной, и столовой.

Мэтью, медленно выходя из оцепенения, заморгал глазами, стараясь прогнать тягостные мысли. Он спустился в кухню, где они так любили утром завтракать, а вечером рассказывать друг другу, как прошел день, сидя рядышком возле стойки. Он достал из холодильника упаковку светлого пива, откупорил бутылку, вытащил из кармана блистер с анаксиолитиком^[8] и запил таблетку глотком «Короны». Лечебно-алкогольный коктейль. Другого средства быстрой отключки и сна он пока не нашел.

— Эй, красавчик, поосторожнее с такими смесями, они тебе могут сильно навредить, — окликнула его Эйприл, спускаясь по лестнице. Она собиралась провести вечер с друзьями и была, как всегда, ослепительна.

На умопомрачительных каблуках в шикарном эксцентричном наряде — прозрачная бордовая блузка с вышивкой на манжетах, кожаные блестящие шорты, темные колготки и темный жакет с подхваченными ремешком рукавами. Свои роскошные волосы Эйприл подобрала в шиньон, на лицо нанесла тональный крем с перламутровым отливом, благодаря которому особенно выразительно смотрелись ее кроваво-красные губы.

— А ты не хочешь пойти со мной? Я в «Выстрел», новый паб неподалеку от набережной. Там такая свинина, убиться можно! А мохито! Нет слов! И сейчас там ужинают самые красивые девушки нашего города!

— А Эмили? Я оставлю ее одну?

Эйприл тут же отмела возражение:

— Попросим посидеть с ней дочку наших соседей. Она всегда готова поиграть в няню.

Мэтью, не соглашаясь, покачал головой:

— Нет, спасибо. Я не хочу, чтобы моя маленькая дочь проснулась через час, разбуженная дурным сном, и обнаружила, что отец ее бросил, потому что захотел выпить мохито в баре лесбиянок и сатанистов.

Всерьез огорченная Эйприл поправила широкий браслет с пурпуровыми арабесками.

— «Выстрел» вовсе не бар лесбиянок, — немного нервно возразила она и настойчиво прибавила: — Мэтт, я говорю совершенно серьезно: тебе нужно выходить, видеть людей, постараться снова нравиться женщинам, заниматься любовью...

— Влюбиться? Мне? Как ты себе это представляешь? Моя жена...

— Я не говорю о чувствах, — оборвала она его. — Я говорю о постели. О телесном удовольствии, освобождении, чувственности. Могу тебя познакомить со своими подружками. Сердечные девушки и хотят только немного поразвлечься.

Мэтью взглянул на нее, как на инопланетянку.

— Все поняла и больше не настаиваю, — отступилась Эйприл, застегивая пиджак. — А ты никогда не задумывался, одобрила бы твой образ жизни Кейт?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Если предположить, что она смотрит на тебя сверху, то что она думает о твоей жизни?

— Нет никакого сверху! Не хватало, чтобы и ты изрекала подобные благоглупости!

Эйприл не обратила никакого внимания на возражение «философа».

— Подумаешь! Я сама тебе скажу, что думает о твоей жизни Кейт! Она не хочет, чтобы ты застревал на месте, а хочет, чтобы ты взял себя в руки, встряхнулся, снова зажил полной жизнью!

Гнев перехватил горло Мэтью.

— Как ты можешь говорить от ее имени? Ты ее не знала! Ты ее даже не видела!

— Это правда, — согласилась Эйприл, — но мне кажется, ты полюбил свое горе и всеми силами его растравляешь, потому что боишься, что иначе потеряешь связь с Кейт и...

— Уймись! Доморощенный психолог из женского журнала! — взорвался Мэтью.

Обиженная Эйприл не пожелала отвечать и ушла, хлопнув дверью.

Оставшись в одиночестве, Мэтью устроился на своем любимом маленьком диванчике. Выпил залпом бутылку пива, вытянулся и стал массировать себе веки.

«Черт знает что, право!..»

У него не было ни малейшего желания заниматься с кем-то любовью, прикасаться к чужому телу, целовать чужое лицо. Ему хотелось быть одному. Он не искал ни понимания, ни утешения. Да, действительно, он хотел лелеять свою боль, свое горе со своими верными анаксиолитиками и любимой «Короной».

Стоило ему закрыть глаза, и перед ним бежали картинки, словно он опять смотрел все тот же фильм, который смотрел уже сотни раз. Ночь с 24 на 25 декабря 2010 года. В тот день Кейт дежурила до девяти вечера в детской больнице на Джамайка Плэйн, педиатрическом отделении Массачусетского главного госпиталя.^[9] Кейт позвонила ему после дежурства:

— Застряла на больничной стоянке, дорогой. Машина никак не заводится. Ты, как всегда, прав, мне и в самом деле пора избавляться от старой калоши.

— Я говорил тебе это тысячу раз.

— А мне жалко! Старенькое купе «Мазда»! Ты же знаешь, первая моя машина, я купила ее самостоятельно, когда была еще студенткой!

— А было это в девяностом году, сердечко мое! И к тому же она была подержанной.

— Попробую добраться на метро.

— Ты шутишь? В этот час в районе больницы небезопасно, я сажусь на мотоцикл и заезжаю за тобой.

— Не надо, слишком холодно. Ты знаешь, что идет дождь со снегом? На мотоцикле опасно, Мэтт!

Но он настаивал, и Кейт в конце концов согласилась.

— Так и быть. Только будь осторожен. Жду тебя.

Это были ее последние слова. Она нажала на кнопку «отбой».

Мэтью мигом оседлал «Триумф». И только он выехал за пределы Бэкон-Хилл, как Кейт удалось завести старушку «Мазду». А в 21 час 07 минут муковоз, который доставлял груз в хлебопекарни центрального района, сшиб ее на полном ходу, когда она выезжала со стоянки. Машина Кейт перевернулась в воздухе и приземлилась на крышу. Грузовик занесло, и он раздавил ее своей тяжестью. Когда Мэтью подъехал к больнице, пожарные работали над высвобождением бесчувственного тела Кейт из металлической ловушки. Понадобился целый час, чтобы освободить ее и привезти в университетскую больницу. На следующую ночь она скончалась от полученных травм.

Шофер грузовика не пострадал. Анализ на наркотики, который ему сделали после катастрофы, показал небольшое количество анаши. На следствии он клялся, что причиной случившегося было то, что Кейт звонила по телефону и не уступила ему, как положено, дорогу.

Его показания подтвердила камера наблюдения, установленная на выезде со стоянки.

Мэтт открыл глаза и сел. Он не имеет права распускаться. Он должен держать себя в руках ради Эмили. Он поднялся с дивана, думая, чем бы себя занять. Сесть проверять работы? Посмотреть по телевизору баскетбольный матч? Взгляд упал на сумку, в которой лежал купленный по случаю ноутбук.

Мэтт расположился за деревянной стойкой на кухне, достал ноутбук из коробки, поставил перед собой и стал рассматривать: симпатичная штучка, забавная, алюминиевый корпус и наклейка «Ева с яблоком»...

Он открыл его. Парень, который его продал, позаботился и приклеил на экран листок с паролем, позволяющим открыть доступ к программам.

Мэтью включил компьютер, набрал пароль и стал ждать. Все пошло своим чередом: осветился экран, стрелочка, обычные для Мака иконки. Он ввел собственные данные, чтобы получить доступ к Интернету, и несколько минут перебирал программы, чтобы убедиться, что все, что ему нужно, работает: исправления текста, навигатор, почта, фото. Запустив службу фото, он с удивлением обнаружил целую серию снимков.

Странно! Продавец уверял его, что переформатировал жесткий диск...

Мэтью нажал на клавишу и стал рассматривать фотографии. Счастливое каникулярное время. Фото, похожие на открытки. Бирюзовое море, вертикально стоящие на белом песке серфборды, обнявшиеся мужчина и женщина, пожелавшие навечно замереть в магическом свете закатного солнца.

«Гавайи? Багамы? Мальдивы?» — задумчиво спрашивал себя Мэтью, прокручивая фотографии, слыша мягкий плеск волн, чувствуя ветер в волосах.

Морскую синеву сменила зелень, появились холмы, замки, виноградники, площадь небольшой деревеньки.

«Франция или Тоскана?» — не понял Мэт.

Находка его заинтриговала. Он прекратил дальнейший просмотр и стал кликать каждую из фотографий, чтобы получить как можно больше информации. Кроме обычных технических характеристик на них было обозначено: снято emma.lovinstein@imperatornyc.com.

«Эмма Ловенстайн...»

Нетрудно было сообразить, что Эмма Ловенстайн и есть Эмма Л., красующаяся на наклейке. Бывшая владелица этого компьютера.

Мэтью выделил кликом все фотографии и отправил в корзину, собираясь уничтожить. Но в последний момент усомнился, а правильно ли он поступает, и, не распрощавшись с ними окончательно, сочинил коротенькое послание.

От кого: Мэтью Шапиро

Кому: Эмма Ловенстайн

«ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, МИСС ЛОВЕНСТАЙН.

Я новый владелец Вашего ноутбука. На жестком диске осталось несколько фотографий. Не хотите ли Вы, чтобы я переслал их Вам, или я могу их стереть? Сообщите, пожалуйста. Дружески, Мэтью Шапиро».

4

«Незнакомцы В Ночи»^[10]

Я не верю в ценность разрозненных существований. Никто из нас сам по себе не полон.

Вирджиния Вулф

От кого: Эмма Ловенстайн

Кому: Мэтью Шапиро

Тема: Re: Фотографии

«Добрый вечер, Мэтью!

Скорее всего, Вы ошиблись адресом. У меня действительно есть ноутбук, но я его не продавала. Попавшие к Вам фотографии не имеют ко мне отношения.

Всего доброго, Эмма.

*С уважением,
Эмма Ловенстайн,
помощник главного сомелье.
Ресторан „Император“,
30, Рокфеллер Плаза, Нью-Йорк, Н-Й 10020».*

Спустя две минуты.

«Спасибо, все понял. Извините за ошибку. Доброй ночи. Мэтью.

P.S. Вы работаете в „Императоре“! Вполне возможно, мы с Вами встречались. Мы с женой праздновали у Вас первую годовщину нашей встречи».

Спустя сорок пять секунд.

«Неужели? А когда это было?»

Спустя одну минуту.

«Это было четыре года назад. 29 октября».

Спустя тридцать секунд.

«Значит, за несколько недель до моего прихода. Надеюсь, Вы сохранили приятные воспоминания о нашем ресторане».

Спустя одну минуту.

«Да, очень хорошие. Я даже вспоминаю о некоторых блюдах, например, жареные лягушачьи лапки, рис с телятиной и трюфелями, миндальное печенье, молочный рис».

Спустя тридцать секунд.

«А вина? А сыры?»

Спустя одну минуту.

«Боюсь, что огорчу Вас, Эмма, но я не пью вина и никогда не ем сыра...»

Через минуту.

«Очень жаль. Вы даже не представляете себе, сколько теряете. Если когда-нибудь снова придете к нам, я помогу Вам открыть несколько великолепных бутылок! Вы живете в Нью-Йорке, Мэтью?»

Спустя тридцать секунд.

«Нет, в Бостоне. В Бэкон-Хилл».

Еще через двадцать секунд.

«Совсем рядом с портом! Пригласите Вашу супругу отпраздновать этой осенью Вашу пятую годовщину у нас!»

Прошло три минуты, и последовал ответ.

«Невозможно. Моя жена умерла».

Еще через минуту.

«Примите мои извинения. Мне очень, очень неловко».

Спустя еще одну минуту.

«Не стоит, Эмма. Откуда Вам было знать? Всего самого доброго».

Мэтью резко отодвинул компьютер и встал со стула. Подумать только, до каких откровенностей можно дойти, вступая в разговор с незнакомцами из Интернета! Что за дурацкая была идея ввязываться в этот немислимый диалог! Он без сожаления

стер фотографии и открыл еще одну бутылку «Короны».

Может, разговор и оставил послевкусие неловкости, зато вкус к еде явно пробудился. Мэтью переместился на территорию кухни и открыл холодильник. Шаром покати.

«Но он же не наполняется сам собой...» — подсказал ему вредненький голосок.

Мэтью заглянул на всякий случай в морозилку и все-таки отыскал там пиццу. Достал и сунул в микроволновку. Поставил таймер и вернулся к компьютеру. Компьютер сообщал, что пришло еще одно послание от Эммы Ловенстайн...

«Подумать только! Ну и бестолковщина! Но откуда мне было знать, что его жена умерла?» — упрекала себя Эмма.

Однако разговор пробудил ее любопытство. Она взяла и набрала в Гугле: «Мэтью Шапиро, Бостон». Сразу пошли отсылки на официальный сайт Гарвардского университета. Заинтригованная, она нажала на первую и познакомилась с краткой биографией одного из преподавателей, ведущих курс философии. Похоже, ее таинственный корреспондент читал лекции на очень престижном факультете. Резюме преподавателя было снабжено фотографией. Если верить ей, то Мэтью Шапиро был красивым брюнетом, лет тридцати с небольшим, с обаянием в духе Джона Кассаветиса.^[11] Эмма с секунду колебалась, и ее пальцы вновь застучали по клавишам.

От кого: Эмма Ловенстайн
Кому: Мэтью Шапиро

«Вы ужинали, Мэтью?»

Мэтью нахмурился. Он терпеть не мог вторжений в свою личную жизнь. Но тем не менее ответил.

От кого: Мэтью Шапиро
Кому: Эмма Ловенстайн

«Если Вам все интересно, то пицца готовится в микроволновке».

Через тридцать секунд.

«Поняла. Оставьте свою замороженную пиццу, Мэтью. И вот что я Вам предлагаю.

Вы, конечно, знаете большой бакалейный магазин „Зеллиг Фуд“ на Чарлз-стрит. У них потрясающие сыры и копчености.

Если Вы хотите провести вечер гурмана, навестите их. Подберите себе что-нибудь из удивительно вкусных козьих сыров. Например, фирменный с инжиром или с васаби. Поверьте, я не знаю более удивительных сочетаний, но с белым луарским совиньоном, „Сансером“, например, или „Пуйи“ получится просто отлично.

Советую Вам попробовать их запеченный паштет из гусиной печенки с фисташками, который так великолепно сочетается с бархатистой терпкостью бургундского „Кот-де-Нюи“. А если Вам попадетсa бутылка „Жевре-Шамбертен“ 2006 года, покупайте сразу!

Вот мой совет. Вы увидите, что это куда вкуснее замороженной пиццы.

Эмма

P.S. Я проверила по Интернету, от Бэкон-Хилл до „Зеллиг Фуда“ вы можете дойти пешком, но поспешите, он закрывается в 22 часа...»

Мэтью покачивал головой, сидя перед экраном. Давно уже никто не заботился о том, чтобы ему было хорошо... Но тут же почувствовал глубочайшее возмущение. Разозлился. Да какое право имеет эта Эмма Ловенстайн диктовать, как ему проводить свое вечернее время?

Он закрыл электронную почту и вышел в поисковую сеть. Ему стало любопытно, и он набрал: «Эмма Ловенстайн, сомелье», а потом нажал на «найти». Открыл первую ссылку — статью в журнале «Вайн Спектэйтор». Статья была прошлогодней и называлась «Десять молодых талантов с будущим». Серия портретов нового поколения сомелье. Удивительно, что «молодые таланты» были по большей части женского пола. Предпоследним был портрет Эммы и даже снабжен фотографией, снятой в погребке стиля хай-тек ресторана «Император». Мэтью увеличил снимок. Сомнений не было, молодая сомелье была той же самой женщиной, которая улыбалась на курортных фотографиях, найденных им в компьютере. Милая брюнетка со смеющимися глазами и лукавой улыбкой.

«СТРАННО...» ПОЧЕМУ ОНА СКАЗАЛА, ЧТО НЕ ПРОДАВАЛА КОМПЬЮТЕР? ПОСТЕСНЯЛАСЬ? ЗАСТЫДИЛАСЬ? НО В ТАКОМ СЛУЧАЕ ПОЧЕМУ ПРОДОЛЖИЛА РАЗГОВОР?

Пиканье микроволновки сообщило, что пицца готова.

Но Мэтью, вместо того чтобы встать, взялся за телефонную трубку и позвонил соседям. Он спросил, может ли их Элизабет побыть полчаса с Эмили. Ему нужно кое-что купить в «Зеллиг Фуде» и бежать туда нужно срочно, потому что магазин закрывается в десять...

*Бостон
Квартал Бэк Бэй
Час ночи*

Паб «Выстрел» вибрировал в ритме басовых переливов трубы. Эйприл изо всех сил работала локтями, выбираясь из толпы, собираясь выйти на улицу и выкурить сигаретку.

«Упс, а я немного перебрала...» — подумала она, когда споткнулась о край тротуара. Прохладный воздух явно пошел ей на пользу. Да, она слишком много пила, танцевала и флиртowała напропалую. Поправила бретельку лифчика и взглянула на часы. Однако уже поздно. Позвонила по мобильнику в фирму такси, заказала машину и сунула в рот сигарету, роясь в сумке в поисках зажигалки.

«Да куда же ты подевалась, проклятая?»

— Ты зажигалку ищешь? — раздался голос у нее за спиной.

Эйприл обернулась и увидела сияющую улыбкой блондинку. Ее звали Джулия. Эйприл смотрела на нее весь вечер, буквально пожирала глазами, но та никак не отзывалась на ее взгляды. Короткая стрижка, блестящие глаза, воздушная фигура сильфиды и потрясные инопланетные лодочки. Все точно во вкусе Эйприл.

— Ты забыла ее на стойке, — объяснила молодая женщина и, щелкнув перламутровой с розовой эмалью зажигалкой, поднесла Эйприл огонь.

Зажигая сигарету, Эйприл приблизилась, наклонившись к Джулии. Ее загипнотизировала нежная белая кожа, чувственный рот, тонкие черты лица той, что стояла напротив нее. Эйприл почувствовала, как в ней вспыхнуло страстное желание.

— В пабе и не поговоришь, — заметила Джулия.

— Да, действительно. А мне и такая музыка уже не по возрасту, — шутливо заметила Эйприл.

Мигание фар привлекло внимание двух любительниц развлечений.

— Мое такси приехало, — объяснила Эйприл, показывая на машину, остановившуюся у паба. — Если хочешь, могу тебя подвезти.

Джулия сделала вид, что колеблется. В этой игре она была главной и знала это.

— Спасибо, очень мило, — наконец сказала она, — крюк получится небольшим. Я живу совсем рядом, на Пемброк-стрит.

Женщины уселись на заднее сиденье. Такси помчалось по набережной Чарльз-Ривер, и Джулия изящно опустила голову на плечо Эйприл, которой страстно хотелось ее поцеловать. Но не поцеловала, ей мешал восторженный взгляд шофера в зеркальце.

«Не думай, что ты имеешь право на нас пялиться!» — мысленно ответила она ему, тоже уставившись на него в зеркальце.

Путь был коротким, не прошло и пяти минут, как машина затормозила на середине улицы, обсаженной деревьями.

— Может, хочешь подняться и пропустить стаканчик? — небрежно предложила Джулия. — Моя старинная приятельница, мы с ней вместе учились на факультете, прислала мне настойку из алоэ. Делает сама. Потрясающая штука! Тебе понравится!

Эйприл улыбнулась, обрадовавшись приглашению. Но в последний момент глухая тревога пересилила желание. Да, ей очень нравилась Джулия, но она тревожилась и о Мэтью. Когда она уходила из дома, он был в крайне подавленном состоянии, и, кто знает, какая глупость могла прийти ему в голову? Нелепая мысль, конечно, но что поделать, если она не выходит у нее из головы? Так и видится — она открывает дверь, а Мэтью болтается в петле. Или лежит без сознания в медикаментозной коме!

— Ты не представляешь, с каким удовольствием я бы попробовала алоэ, но сегодня никак, — горестно пробормотала она.

— Хорошо. Я поняла, — обиженно протянула Джулия.

— Нет, не поняла. Дай мне свой номер телефона. Мы сможем...

— Не сможем.

Красавица блондинка захлопнула дверцу.

«Черт побери! До чего обидно!»

Эйприл тяжело вздохнула и попросила шофера довезти ее до угла Маунт-Вернон и Уиллоу-стрит. И пока они ехали, волнение ее все усиливалось. Она знала Мэтью всего год, но за это время успела всерьез привязаться к нему и к малышке Эмили. Она сочувствовала его горю, ее тревожила его депрессия, но она не знала, чем ему помочь. Мэтью был так привязан к умершей жене, что Эйприл представить себе не могла, что какая-то другая женщина может занять хоть какое-то место в его жизни. Во всяком случае, когда прошло еще так мало времени. Кейт была ослепительна — красавица с добрым и щедрым сердцем. Найдется ли на свете женщина, которая могла бы соперничать с кардиохирургом с внешностью модели?

Такси остановилось возле коттеджа Мэтью. Эйприл расплатилась по счету и постаралась как можно тише отворить дверь. Теперь она думала, что Мэтью лежит на диванчике в отключке после коктейля из пива с анаксиолитиком. Но нет. Она с удивлением обнаружила, что он мирно сидит перед экраном нового ноутбука. По лицу его бродила улыбка, и он слегка покачивал головой, явно слушая джаз.

— Уже вернулась? — удивился он.

— Да, как видишь. Но ты можешь оставить при себе свою радость по поводу моего возвращения, — отозвалась она, почувствовав, что у нее отлегло от сердца.

На кухонном островке она заметила начатую бутылку вина, остатки элитного сыра и запеченного паштета.

— Как я вижу, мы ни в чем себе не отказываем! Неужели ты выходил в магазин? А я-то думала, что ты намерен сидеть у себя в углу безвылазно!

— Мне надоело питаться полуфабрикатами, — принялся неуклюже оправдываться Мэтью.

Эйприл задумчиво посмотрела на него и подошла поближе.

— Со своей новой игрушкой ты забавляешься с удовольствием, — шутливо поддела она его, наклонилась и заглянула через плечо на экран.

Мэтью резким движением хотел захлопнуть компьютер. Ему было не по себе, он не хотел, чтобы Эйприл увидела фотографий, которые он снова извлек из корзины и теперь рассматривал. Но она оказалась проворнее и помешала ему.

— Прелесть, какая славная, — заявила она, рассматривая Эмму. — Кто такая?

— Сомелье большого нью-йоркского ресторана.

— А что за музыка? Мне казалось, ты не любишь джаз?

— Кит Джарретт,^[12] «Кёльнский концерт». А ты знаешь, что музыка может влиять на восприятие вина? Ученые выяснили, что определенные джазовые мелодии стимулируют участки мозга, которые обостряют вкус и позволяют лучше оценить сухие вина больших лет. Удивительно, верно?

— Потрясающе! Это тебе твоя новая подружка рассказала?

— Она мне вовсе не подружка. Не говори глупостей, Эйприл!

Молодая женщина с прокурорским видом наставила на него указательный палец.

— А я-то, беспокоясь, так спешила к тебе, что упустила шанс, который бывает раз в жизни!

— Благодарю за участие, но я тебя о нем не просил.

Однако Эйприл продолжала, повышая и повышая голос:

— Я-то думала, ты тут сидишь в депрессии, у тебя в голове дурные мысли бродят, а ты кутишь! Дегустируешь великие сухие вина с девчонкой, найденной по Интернету!

— Стоп! Что ты устраиваешь, Эйприл? Сцену ревности?

Красавица галеристка налила себе бокал вина, но успокоилась не сразу, ей на это понадобилось время.

— Ладно. Говори, кто эта женщина.

Мэтью попытался увильнуть от расспросов, но в конце концов рассказал все, что произошло этим вечером. Как он обнаружил на жестком диске компьютера фотографии, а потом и о разговоре, довольно странном, который завязался между ним и Эммой.

Нажимая клавиши, они беседовали почти три часа, перебегая с темы на тему, посылая друг другу послания по электронке. Оказалось, что оба любят Кэри Гранта,^[13] Мэрилин Монро, Билли Уайлдера,^[14] Густава Климта, Венеру Милосскую, «Завтрак у

Тиффани» и «Магазинчик за углом».^[15] Они вспомнили споры, которые длились чуть ли не век — кто лучше: битлы или «Роллинг Стоун», Одри Хепберн или Кэтрин Хепберн, «Ред Соке» или «Янкиз», Франк Синатра или Дин Мартин. Совершенно сошлись в мнениях насчет фильма «Трудности перевода», «высоко ценимом» Мэтью и «непревзойденном шедевре» для Эммы.

Обсудили, какая из новелл Стефана Цвейга удалась ему лучше всего и какая из картин Эдварда Хоппера произвела наибольшее впечатление. Какая самая пронзительная песня в альбоме *Unplugged* Нирваны. Каждый привел свои доводы, стараясь доказать, что роман «Джен Эйр» не хуже «Гордости и предубеждения», что читать романы в айпode так же хорошо,

как и перелистывая книжные страницы, что *Off the Wall* Майкла Джексона стоит *Thriller*, что сейчас самый лучший сериал «Безумец», а акустическая версия *Layla* не уступит оригинальной! А альбом «*Get Yer Ya — Ya's Out!*» сейчас лучший альбом песен о любви...

— Отлично! Я все поняла, — прервала его Эйприл. — После чего вы провели небольшой сеанс киберсекса!

— Что за глупости! — возмутился Мэтью. — Мы просто болтали.

— Не сомневаюсь.

Мэтью нахмурился. Ему не понравился поворот, какой придали их разговору Эйприл.

— А кто тебе докажет, что эта хорошенькая брюнетка и есть твоя собеседница? — поинтересовалась Эйприл. — Использование чужих фоток — обычная вещь в Интернете. Сам того не подозревая, ты, вполне возможно, болтал три часа со старым дедушкой девяноста лет.

— Ты всерьез задалась целью испортить мне настроение сегодня вечером?

— Напротив, я страшно рада, что ты снова воспрял духом, но не хотела бы, чтобы ты разочаровался. Не слишком доверяйся! Не вкладывайся в этот фантом! Он может оказаться совсем не таким, как тебе показалось.

— Что ты имеешь в виду?

— Советую не слишком многого ждать от встречи. Почему бы тебе не пригласить ее в ресторан?

Мэтью покачал головой.

— Ты с ума сошла? С чего вдруг? Она подумает...

— Ровным счетом ничего! Куй железо, пока горячо. Теперь все только так и делают. Сразу видно, что ты давно ни за кем не ухаживал.

Мэтью недоверчиво взглянул на Эйприл. Он почувствовал, что ступает на зыбкую почву. Ему совсем не хотелось торопить события, гнать горячку. Он ведь и в самом деле не знал, кто она такая, эта Эмма Ловенстайн. Но вынужден был признать, что между ними протянулась ниточка, что им было приятно беседовать друг с другом, что их общение оказалось светлым лучом в череде его сумрачных дней. Романтичность их знакомства тоже грела ему душу. Внезапно вмешавшийся случай... Или, кто знает, судьба?..

— Пригласи ее как можно скорее, — настаивала Эйприл. — Если понадобится, я с удовольствием посижу с Эмили. Она подавила зевок и взглянула на часы.

— Слишком много выпила, иду спать, — объявила она и помахала ему рукой.

Мэтью ответил слабым взмахом и молча наблюдал, как она поднимается по лестнице. Но вот Эйприл исчезла, и он поспешно открыл компьютер и вызвал кликом почту. Новых сообщений от Эммы не было. Может быть, он ее утомил? Или, кто знает, вдруг права Эйприл? И правда не стоит откладывать встречу надолго?

Мэтью решил выяснить все без отлагательств.

От кого: Мэтью Шапиро

Кому: Эмма Ловенстайн

Тема: Приглашение

«Вы все еще за компьютером, Эмма?»

Минутой позже.

«Нет, я уже в постели, Мэтью, но компьютер стоит рядом. Знаете, скачала Ваш „Антиучебник философии“, читаю и не могу оторваться. Оказывается, Цицерон по-латыни означает „горох“».

Словно под влиянием неведомой силы Мэтью решился на немыслимое.

Сорок пять секунд спустя.

«У меня есть к Вам предложение, Эмма.

Я знаю небольшой итальянский ресторанчик в Ист-Виллидж. Он называется „Номер 5“, на юге от Томпкинс Сквер Парка. Хозяин заведения Витторио Бартолетти и его жена — мои друзья детства. Я ужинаю у них всякий раз, когда приезжаю в Нью-Йорк читать лекции на сессиях, которые организует „Морган Лайбнери“.

Не знаю, хороши ли у них вина, но если Вы любите аранчини по-болонски, лазанью, тальятелле с овощами и канноли по-сицилийски, то этот ресторанчик вам понравится.

Не согласитесь ли Вы там со мной поужинать?»

Спустя тридцать секунд.

«Буду очень рада, Мэтью. Когда Вы приедете в Нью-Йорк в следующий раз?»

Еще тридцать секунд спустя.

«Следующая сессия назначена на 15 января, но почему бы нам не встретиться раньше?

Почему не завтра? Например, в восемь часов вечера?»

Завтра...

Завтра!

ЗАВТРА!

Эмма чуть не запрыгала на кровати.

Слишком хорошо, чтобы быть правдой!

— Слышишь, Хлодвиг? Умный приятный человек хочет со мной поужинать. Преподаватель философии с неординарной внешностью обратил на меня внимание! — торжественно объявила Эмма собаке, которая дремала в ногах ее кровати.

Но разве для шарпея это могло стать событием? Чтобы его впечатлить, нужно было что-то более масштабное, и на сообщение хозяйки он отозвался лишь вежливым ворчанием.

Зато Эмма уже витала в облаках. Нежданно-негаданно она провела чудесный вечер. По мере того как она писала Мэтью Шапиро и получала ответы, ей становилось теплее, светлее, он был ей симпатичен, она прониклась к нему доверием. А завтра вечером они увидятся по-настоящему... Вот только... Завтра вечером?.. Она же работает!

Охваченная беспокойством, Эмма приподнялась на подушке и едва не опрокинула чашку с чаем из вербены. Вот он, главный недостаток ее работы — по вечерам она занята. Правда, она могла взять день в счет отпуска... Но это надо было делать заранее. Процедура довольно сложная. К тому же конец декабря, в ресторане самое горячее время...

Однако, подумав с минутку, Эмма решила, что огорчаться не стоит. Выход непременно найдется, Например, можно попросить кого-нибудь из коллег заменить ее вечером. Конечно, и это не просто, но вполне возможно. Как бы там ни было, она непременно придет на «галантную встречу», как сказала бы ее бабушка.

И, улыбаясь от души, Эмма отправила свое последнее в этот вечер послание.

От кого: Эмма Ловенстайн

Кому: Мэтью Шапиро

Тема: Ответ на приглашение

«Договорились, Мэтью. Я обязательно освобожу себе завтрашний вечер.

Спасибо за сегодняшний, он был очень приятным.

До завтра!

Спокойной ночи.

P.S. Я обожаю лазанью и аранчини. А еще тирамису!»

День Второй

5
Только Между Нами...

Даже играя самого себя, приходится гримироваться.

Станислав Ежи Лец

Следующий день

Бостон

12 часов 15 минут

Мэтью закрыл за собой дверь и спустился по ступенькам крыльца на улицу. Ночью шел дождь, а с утра засияло солнце, заливая светом квартал Бэкон-Хилл. Над Луисбург-сквером витали запахи влажной земли и палых листьев, в солнечных лучах деревья в парке светились золотом. Мэтью поправил на спине рюкзачок, надел шлем, вскочил на велосипед и, насвистывая сквозь зубы, помчался по направлению к Пинкни-стрит. Он успел забыть, что на душе может быть так легко. День за днем он жил словно привидение, но сегодня очнулся, пришел в сознание. Мэтью прочитал три лекции в университете и даже шутил со своими студентами, неожиданно ощутив, как замечательно преподавать, когда у тебя хорошее настроение.

Железная рука, что скрутила его и крепко держала внутри, неожиданно ослабила хватку. Мэтью почувствовал, что вокруг него кипит жизнь и он ей совсем не чужой. Хмелея от давно забытого ощущения беззаботности, он завертел педалями быстрее и, осуществив плавный вираж, свернул на Бриммер-стрит. Ветер дул ему в лицо. Увидев впереди Паблик-Гарден,^[16] он еще прибавил скорости, чувствуя себя одним целым с велосипедом, наслаждаясь ветром и живительным ощущением свободы. Вдоль парка он ехал не спеша, с удовольствием, а затем свернул направо на Ньюбери-стрит.

Благодаря шикарным кафе, модным магазинам, выставочным залам и галереям эта улица всегда была самой оживленной в квартале Бэк Бэй. В солнечную погоду в обеденное время террасы кафе здесь брали с боем. Мэтью поставил велосипед перед

элегантным браунстоуном из темного камня, нижний этаж которого занимал ресторан под названием «Бистро 66». Обычно, если Мэтью с Эйприл перекусывали вне дома, они обедали здесь.^[17] Потом достал вновь приобретенный ноутбук и подсоединился к вай-фаю кафе. Несколько кликов, и он уже зарезервировал себе на сайте Дельта Эйрлайнс авиабилет до Нью-Йорка. Вылет в 17 часов 15 минут, значит, в аэропорту Кеннеди он будет в 19. Как раз вовремя, чтобы успеть на ужин с Эммой. Затем Мэтью набрал по мобильнику Нью-Йорк, ресторан «Номер 5» и сразу попал на Конни, а с ней они были давние друзья. Как же давно они не виделись! Конни очень обрадовалась, услышав Мэтью, сказала, что хотела бы рассказать ему кучу новостей, но сейчас у них так много народу, а один из официантов, как назло, заболел. Она записала заказ Мэтью на вечер и пообещала, что они спокойно поговорят обо всем, когда увидятся.

— Место свободно, молодой человек?

Мэтью дал отбой и взглянул на задавшую вопрос женщину.

— Оно свободно и ждет только вас.

Эйприл устроилась рядом с радиатором, который обогревал террасу, подняла руку и заказала бокал Пино Гриджио и пирог с крабами.

— А ты что заказал?

— Маленькую порцию «Цезаря» и воду.

— На диету сел?

— Берегу аппетит для вечера. Я сегодня ужинаю в ресторане.

— Неужели? Так, значит, ты все-таки пригласил свою прекрасную сомелье? Поздравляю, Мэтью. Горжусь тобой!

Им принесли напитки. Эйприл подняла свой бокал, и они звякнули бокалами от души.

— А ты решил, что наденешь? — озабоченно осведомилась она.

Мэтью пожал плечами;

— Да ничего особенного. Поеду как есть.

Нахмутив брови, Эйприл осмотрела его с головы до ног.

— Так! В спортивных брюках, старой толстовке с капюшоном, подростковых кедах и защитной куртке? Не говоря о взлохмаченных волосах и бороде неандертальца?

— Не преувеличивай, пожалуйста!

— Я преуменьшаю, Мэтт! Подумай сам хоть секунду! Эта молодая женщина работает в одном из самых престижных ресторанов Манхэттена. Ее клиенты — бизнесмены, представители мира моды, телевидения, кино — люди утонченные, элегантные, одетые с иголочки. Она примет тебя за деревенщину или за студента-недоучку.

— Но я должен быть тем, кто я есть! Самим собой!

Эйприл отмела его возражение.

— Первая встреча — дело серьезное, к ней надо подготовиться, ясно? Встречают, знаешь ли, по одежке! Первое впечатление остается в памяти навсегда!

Мэтью тут же вскипел.

— «Обращать внимание на внешность — все равно что выбирать книги по обложкам»!^[18]

— Можешь сколько угодно услаждать себя цитатами! Но я на твоём месте не задираю бы нос, а подумала и...

Мэтью тяжело вздохнул, помрачнел, покрутил в руках сигарету, собираясь поджечь, но не закурил и обратился к Эйприл:

— Ладно. Может, дашь мне пару полезных советов?..

Нью-Йорк

13 часов

— Ловенштайн! А не слишком ли много вы себе позволяете?! — прорычал Питер Бенедикт, толкнув прозрачную дверь погреба ресторана «Император».

Главный сомелье чуть ли не бегом бежал к подчиненной, которая укладывала бутылки в проволочный ящик.

— С какой это стати вы взяли на себя право покупать эти вина? — продолжал он рычать, размахивая листком желтой бумаги.

Эмма взглянула на листок. Это был счет с логотипом винодельческой фирмы, занимающейся продажей элитных сухих вин. Заказ был на три бутылки:

Домен Романе Конти (1991) — 1 бутылка;

Эрмитаж Кюве Кателен, Ж. Л. Шав (1991) — 1 бутылка;

Крахер Химмельрейх, Ослезе, домен Ж. Ж. Прюм (1982) — 1 бутылка.

Первая бутылка — волшебное и роскошное бургундское вино, вторая — благородный и родовой шираз и третья — рислинг со сложным сладким вкусом. Все три лучшие сухие, все три безупречного миллезима.^[19] Три самых замечательных сорта, какие только Эмма пробовала в своей жизни. Но она их не заказывала и могла в этом поклясться.

— Уверю вас, Питер, я понятия не имею об этом заказе.

— Стыдно отнекиваться, Ловенштайн! На бланке заказа ваша подпись, и чек — средства переведены со счета ресторана «Император».

— Быть такого не может!

Побелев от гнева, Бенедикт продолжал осыпать Эмму упреками.

— Я только что осведомлялся у экспедитора, и он подтвердил, что бутылки были доставлены в ресторан. Я хочу знать, где они, и немедленно!

— Послушайте, здесь явно какая-то ошибка! Но это не так уж страшно. Нужно только...

— Ах, не страшно? А счет больше чем на десять тысяч тоже не серьезно?!

— Конечно, сумма значительная, но...

— Разбирайтесь с этой суммой как знаете, Ловенштайн! Но я требую, чтобы все было улажено к концу дня! — прошипел он и, угрожающе направив на нее палец, прибавил: — А иначе вон отсюда!

Не дожидаясь ответа, шеф резко повернулся и исчез за дверью.

Эмма несколько секунд приходила в себя, обескураженная яростным нападением. Бенедикт был сомелье старой школы, он считал, что женщинам нечего делать в винных погребах. Свою помощницу он терпеть не мог, и не без причины. Незадолго до своего скоропалительного ухода Джонатан Лемперер предложил Эмме место главного сомелье. Молодая женщина должна была занять пост Бенедикта в начале этого года, но ему удалось договориться с новой администрацией и затормозить ее продвижение по службе. Теперь главный сомелье думал об одном: как поймать молодую коллегу на каком-нибудь просчете и избавиться от нее раз и навсегда.

Эмма смотрела на счет и мучительно соображала, кто бы мог ее так подставить? Питер Бенедикт был недоброжелательным, злопамятным, но он не был сумасшедшим и не мог затеять такую махинацию.

«Так кто же?»

Заказанные вина выбирались не наобум. Именно этим маркам она отдала предпочтение и рекомендовала их на прошлой неделе, беседуя с журналистом из журнала «Обозреватель вин», который готовил для своего журнала статью о молодых сомелье. Теперь Эмма старалась припомнить, был ли еще кто-то в отделе прессы и коммуникаций, когда они там беседовали.

«Ромуальд Леблан!»

Взволнованная, Эмма чуть ли не бегом выбежала из погреба и поднялась на лифте в администрацию. Не называя себя, сказала, что хочет поговорить со стажером, который был нанят рестораном для сбора информации. Ей назвали номер кабинета, и она быстро вошла туда и плотно закрыла за собой дверь.

— Только между нами, очкарик!

Ошеломленный неожиданным вторжением, Ромуальд Леблан чуть было не подпрыгнул перед экраном своего компьютера. Прыщавый бледный юнец с сальными волосами, подстриженный под горшок, в больших квадратных очках в тяжелой оправе. Сандалии на босу ногу, рваные джинсы, сомнительной чистоты толстовка с капюшоном и футболка «Марвел».

— Добрый день, мисс... э... Ловенстайн, — поздоровался он с ней с французским акцентом.

— Я вижу, ты узнал меня, и для начала это совсем неплохо, — произнесла она с угрозой в голосе и подошла к нему поближе.

Взглянула на экран компьютера и прибавила:

— Значит, ресторан тебе платит за то, чтобы ты пускал слюни перед фотками голых дамочек?

— Нет, конечно, мадам, но... У меня перерыв.

Подростку-французу было явно не по себе, и, желая придать себе уверенности, он откусил большой кусок от начатого шоколадного батончика, что лежал у него на столе.

— Прекрати сейчас же жевать, таракашка, — распорядилась Эмма, достала из кармана счет и помахала им перед носом юнца. — Ты сделал этот заказ? Отвечай!

Паренек сгорбился и опустил глаза.

— Ты! Это сделал ты! — продолжала настаивать Эмма. — Ты слышал наш разговор с журналистом! Ну! Так или нет?

Ромуальд сидел молча, и Эмма повысила голос.

— Послушай меня, желторотая бестолочь, я не собираюсь из-за тебя терять свою работу! Ты можешь молчать и дальше, но в таком случае я иду в администрацию, прошу обратиться в полицию, и ты будешь объясняться с копами!

Угроза познакомиться с полицией подействовала на мальчишку как удар электрического тока.

— Нет! Прошу вас! Да... это я. Вы так расписывали эти вина, что мне захотелось их попробовать.

— Попробовать?! Вина, каждое из которых стоит больше трех тысяч долларов за бутылку?! Нет, ты на самом деле кретин, и в голове у тебя манная каша! И как же ты их заказал?

Ромуальд кивнул на компьютер.

— Проще простого! Все ваши компы да и вообще вся система не охраняется. Две секунды, и я уже в базе данных бухгалтерии вашего ресторана.

— А где бутылки? — спросила Эмма, почувствовав, что сердце у нее замерло. — Ты их открыл?

— Нет, они вон там, — сообщил Ромуальд и поднялся со своего места. Он доплелся до металлического шкафа и вытащил оттуда ящичек из светлого дерева с тремя драгоценными бутылками.

«Слава тебе господи!»

Эмма тщательнейшим образом осмотрела каждую, все три были в целости и сохранности.

Она немедленно позвонила в фирму поставщика, сообщила, что заказ из «Императора» был пиратским, и предложила за свой счет отправить полученное вино обратно с тем, чтобы счет был аннулирован. Она почувствовала величайшее облегчение, когда ее предложение было принято.

Несколько секунд она наслаждалась ощущением, что все неприятности позади и работу она не потеряла. Потом вспомнила о вечернем свидании, и сердце у нее защемило. Желая себя подбодрить, она взглянула на свое отражение в зеркале, и настроение у нее испортилось окончательно. Выглядела она отвратительно. Тусклые волосы, уродская стрижка. Нет, с такой прической нельзя понравиться молодому преподавателю из Гарварда. Эмма тяжело вздохнула и вспомнила о юном стажере.

— Знаешь, я все-таки обязана сообщить о твоём проступке начальнику по кадрам. Нарушение очень серьезное.

— Нет, прошу вас! Только не это!

Паренек раскис, на глазах появились слезы.

— Плачь, плачь, — со вздохом посоветовала Эмма, — писать меньше придется.

Но все-таки протянула ему носовой платок и дождалась, пока он успокоится.

— Сколько тебе лет, Ромуальд?

— Шестнадцать с половиной.

— Откуда приехал?

— Из Бона, это город на юге от Дижона, там...

— Я знаю, где находится Бон. Несколько сортов прекрасных французских вин производят как раз в твоём районе. И сколько времени ты работаешь в «Императоре»?

— Две недели, — ответил он, снимая очки, чтобы вытереть глаза.

— Тебя интересует эта работа?

Ромуальд помотал головой и показал подбородком на компьютер.

— Не, меня только машинки интересуют.

— Компьютеры? — уточнила Эмма. — А почему ты тогда очутился в ресторане?

Паренек рассказал, что его подружка после бакалавриата уехала в Нью-Йорк в семью «на равных», чтобы работать и учиться.

— И она тебя бросила? — догадалась Эмма.

Он молча кивнул.

— Родители знают, что ты в Америке?

— Да, но у них сейчас своих проблем выше крыши, — сообщил паренек с отсутствующим видом.

— А как тебе удалось раздобыть работу здесь, в Нью-Йорке? У тебя же нет документов и ты несовершеннолетний.

— А я состарил себя немного и сварганил себе разрешение для получения временной работы.

«Сварганил разрешение»! Понятно, почему он так боится полиции и не хочет привлекать внимание администрации. Эмма

посмотрела на подростка с сочувствием, теперь он вызывал в ней не только жалость, но и восхищение.

— А где ты всему этому научился, Ромуальд?

Он пожал плечами.

— Много чего можно делать, если умеешь пользоваться компом, — сказал он.

Эмма продолжала его расспрашивать, и он рассказал, что в тринадцать лет просидел несколько часов под арестом из-за того, что распространял в Интернете пиратскую версию перевода последнего тома «Гарри Поттера». Потом он вскрыл сайт своего лица и развлекался тем, что ставил себе другие отметки и посылал родителям учеников всякие дурацкие послания по электронной почте. В июне этого года он добыл в три клика темы бакалавриата по естественным наукам, желая помочь подружке. А в начале июля порезвился немного в Фейсбуке на странице президента Николя Саркози. Пустяки, школьные проказы, но на Елисейских Полях не понимают детских шуточек. Власти мигом до него дотянулись. Из-за этих неприятностей он нажил другие, еще хуже: его не хотели допускать к выпускным экзаменам, а потом дали волчий билет по части компьютеров...

Эмма слушала рассказ парнишки, и вдруг ее осенило.

— Давай садись за компьютер, — распорядилась она.

Он послушно уселся за свой стол и нажал на клавишу, переводя компьютер в рабочий режим.

Эмма взяла стул и села с ним рядом.

— Посмотри на меня внимательно, Ромуальд.

Явно нервничая, паренек снял и снова надел очки, но не выдержал взгляда Эммы и отвел глаза.

— Вы... вы очень красивая, — пробормотал он.

— Нет, не очень, — усмехнулась Эмма. — Точнее, страшная. Но ты мне поможешь решить проблему.

Она подсела к клавиатуре и быстренько вышла на сайт парикмахерского салона. На светлом без всяких украшений фоне заплескали светящиеся буквы:

Акахико Иамура

Стилист

— Акахико Иамура, парикмахер-японец, произвел революцию в области причесок, — объяснила Эмма. — На Манхэттене он — лучший из лучших, мэтр, мастер стрижки и краски. Анджелина Джоли, Энн Хэтэуэй, Кейт Бланшетт — все звезды стригутся и причесываются у него. Лучшие дома моды стремятся заполучить его на время своих показов. Говорят, он маг и волшебник, и мне для сегодняшнего вечера очень пригодилось бы его искусство. Беда только в том, что у него очередь и записываются к нему за два месяца.

Ромуальд мигом сообразил, чего от него ждут, пальцы его забегали по клавишам.

— У Иамуры в Нью-Йорке три салона, — продолжала Эмма, пока паренек с умопомрачительной скоростью работал на компьютере, — один в Сохо, второй в Мидтауне, третий в Верхнем Ист-Сайде.

— В Ист-Сайде он и работает сегодня во второй половине дня, — объявил Ромуальд, выведя на экран список клиентов парикмахера.

Потрясенная Эмма наклонилась к списку.

— Та же самая процедура, что и при заказе столика в ресторане, — пояснил юный француз.

— А ты можешь изменить фамилию?

— Ясное дело! А иначе что мы тут делаем? В какое время вы хотите к нему попасть?

— В пять часов. Это возможно?

— Детские игрушки!

И Ромуальд вписал имя Эммы вместо назначенной на пять часов клиентки и тут же отправил уведомление вычеркнутой о том, что сегодняшний визит отменяется.

Эмма не верила своим глазам.

— Ну, ты и молодец, Кларк Кент!^[20] — радостно одобрила она и чмокнула его в щеку. — Ты тоже, оказывается, маг и волшебник!

Щеки Ромуальда вспыхнули.

— Это совсем не сложно, — скромно сказал он.

— Ты, может, и не похож на крутого, но ты крутой, — подбодрила на прощание Эмма, вставая. — Но все это только между нами. Договорились?

— Вот теперь ты сама элегантность, — одобрила Мэтью Эйприл. — Классический покрой смотрится на тебе лучше всего: плечи четко обрисованы, подчеркнута стройность фигуры, и в то же время чувствуется полная свобода движений. Изысканно и всегда в моде.

Мэтью смотрел на свое отражение в большом зеркале модного магазина и не узнавал сам себя: идеально выбритый, с короткой стрижкой, в костюме, который сидел на нем как влитой.

«Интересно, когда я в последний раз надевал костюм?» — подумал он.

Ответ последовал сразу же и был не сказать чтобы очень радостным.

«В день свадьбы».

— Еще немного, и я поменяю ориентацию, — промурлыкала Эйприл и застегнула ему на пиджаке пуговицу.

Он принудил себя улыбнуться в благодарность за ее старания, которых она для него не пожалела.

— Сейчас дополним костюм прямым пальто из шерстяного драпа и помчимся в аэропорт, — заключила она, взглянув на часы. — В это время всегда пробки, но ты ни за что не опоздаешь на свой самолет! Обещаю!

Заплатив за покупки, они уселись в «Камаро», и Эйприл взяла курс на международный аэропорт Логан. За всю дорогу Мэтью не проронил ни слова. По мере того как день превращался в вечер, оживление Мэтью гасло, энтузиазм улетучивался. Теперь встреча с Эммой Ловенштайн не казалась ему такой уж удачной идеей, как вчера вечером. Чем больше он думал о своей эскапде, тем нелепее она ему представлялась. Бред какой-то. Бессмыслица. Результат воздействия вина и таблеток. Неизвестно, какая женщина, минутное увлечение перепиской, куча хлопот и взаимное разочарование. Другого ждать нечего.

«Камаро» свернул на дорожку, ведущую к стоянке, где машины парковались только на короткое время. Эйприл остановилась прямо перед терминалом. Сейчас ее друг выйдет из машины и отправится дальше. Прощаясь, подруга обняла Мэтью и постаралась его ободрить.

— Я прекрасно знаю, о чем ты сейчас думаешь, Мэтт. Знаю, что тебе сейчас несладко и ты страшно жалеешь, что ввязался в эту историю. Но я тебя умоляю: пойди на эту встречу. Обязательно!

Соглашаясь, он кивнул головой, хлопнул дверцей машины и забрал сумку из багажника. На прощание помахал Эйприл рукой и вошел в здание аэропорта.

Быстрым шагом пересек холл. Регистрацию он уже прошел на домашнем компьютере, так что оставался только контроль безопасности. После него Мэтт отправился в зал ожидания. Когда настало время садиться в самолет, Мэтью внезапно стало не по себе, он засомневался, а потом почувствовал настоящий страх. На лбу выступил пот. Множество самых разных мыслей застучало в висках. Перед глазами с отчаянной ясностью возникло лицо Кейт... Но он не поддался чувству вины, быстро-быстро поморгал, и картина расплылась. Мэтью подал билет бортпроводнице.

Магазин «Бергдорф Гудман»

Пятая авеню

16 часов 15 минут

Эмма слегка растерялась, оказавшись среди витрин дорогого нью-йоркского магазина. И было от чего оробеть — огромное здание из белого мрамора подавляло, равно как и красавицы продащицы, похожие на фотомоделей. И не хочешь, а почувствуешь себя серой мышкой. Эмма прекрасно знала, что «такой вот магазин», где не обращают внимания на цены и куда красивые, богатые и уверенные в себе женщины заходят просто, чтобы что-то примерить, совсем не ее магазин. Но сегодня она чувствовала: свою неуверенность она преодолееет.

Ночью Эмма так и не смогла заснуть. Вскочила чуть ли не на рассвете и полезла в шкаф поинтересоваться, что у нее там есть. Что можно выбрать? Что ей больше всего к лицу? Примеряла то одно, то другое и наконец остановилась на блузке шоколадного цвета, вышитой медной ниткой, и юбке-карандаше из черного шелка с высокой талией. Туалет ей шел, она выглядела эффектно. Но нужна была верхняя одежда — теплая накидка или пальто. Ее пальтецо никуда не годилось: жалкое, поношенное уродство. Едва войдя в магазин, ноги сами понесли ее к великолепной накидке из парчи. Она погладила шелковистую ткань, мерцающую переплетением золотых и серебряных нитей. Накидка была так прекрасна, что Эмма не могла решиться.

— Я могу вам чем-то помочь? — осведомилась продавщица, заметив ее нерешительность.

Эмма сказала, что хочет примерить накидку. Та сидела идеально и была сшита словно специально для нее... Но цена! Две тысячи семьсот долларов. Чистое безумие! Такую трату Эмма не могла себе позволить.

Если говорить о деньгах, то на первый взгляд Эмма зарабатывала очень даже прилично. Но жила-то она в Манхэттене, а здесь все в три раза дороже. Но и это не главное. Львиную долю своих сбережений Эмма тратила на оплату сеансов психоаналитика. Жизненно важная трата. Раз в неделю Эмма посещала Маргарет Вуд, своего психотерапевта, которая буквально спасала, когда Эмме становилось совсем худо. Маргарет учила ее защищаться, воздвигать преграду между собой и страхами, нападавшими на нее, норовя утащить в бездну безумия. Вот и сейчас тоже ей явно грозило безрассудство.

Эмма хорошенько подумала и вышла из примерочной.

— Нет, я не беру ее, — решительно и твердо сказала она.

И осталась очень довольна, что справилась с искушением.

Направляясь к выходу, она взглянула на витрину с обувью и восхищенно замерла перед лодочками Брайан Этвуд — розоватыми, матовыми... Выставленная модель была как раз ее размера. Она примерила туфельку и почувствовала себя Золушкой. Лодочки, словно змеи, меняли цвет, отливали то серым, то сиреневым. А каблук! Высокий, лакированный, умопомрачительный! Такие туфли украсят все, что ни надень! Позабыв все свои разумные рассуждения, Эмма достала кредитную карту, готовясь заплатить заоблачную цену — тысячу пятьсот долларов. Но прежде, чем отправиться к кассе, она поспешно вернулась в секцию верхней одежды и выписала себе накидку из парчи.

И вот итог магазинных безумств: полтора месяца работы улетели, как дым, в одну минуту.

Оказавшись снова на Пятой авеню в новой накидке и туфлях, Эмма почувствовала леденящий холод. Она закуталась потеплее в шарф и наклонила голову, спасаясь от пронзительного ветра. Но лицо у нее мгновенно застыло, руки и ноги окоченели. Из глаз потекли слезы, щеки обжигало. Идти пешком при таком сумасшедшем ветре она не решилась, подошла к краю тротуара и остановила такси. Шоферу она дала адрес парикмахерского салона, но попросила сделать крюк и заехать в Рокфеллер-центр. Поднялась в «Император» и оставила у портье сумку со старым пальто и туфлями.

Парикмахерский салон Акахико Имамуры располагался в самом центре Верхнего Ист-Сайда. Просторный, ярко освещенный, с бежевыми стенами, мебелью светлого дерева, кожаными диванами и прозрачными консолями с орхидеями.

Эмма назвала свою фамилию администратору, и та проверила назначенное время. Все в порядке, записана на пять. Компьютерные манипуляции Ромуальда сработали.

Помощница мэтра принялась мыть Эмме голову, массируя кожу головы и осторожно перебирая медные пряди. Умелые пальцы принесли расслабление, Эмма успокоилась, забыла о своих тратах, неуверенности, заботах и с наслаждением отдалась ласкающим утонченным ощущениям. Вскоре появился Имамура, очень сдержанный и прямой. Он смотрел в пол и церемонно поздоровался с ней. Эмма достала из сумочки вырезанную из журнала фотографию Кейт Бекинсэйл.

— Можно мне сделать такую же прическу? — спросила она.

Имамура даже не взглянул на фото. Зато он долго вглядывался в лицо своей клиентки, потом тихо сказал несколько слов по-японски своей помощнице, которая занималась окраской. Взял ножницы и начал стричь. Он работал минут двадцать, а потом передал Эмму своей помощнице, которая очень быстро сменила оттенок волос клиентки с медного на горький шоколад. Как только процедура окрашивания была закончена, Имамура сам прополоскал волосы Эммы и продолжил свою работу. Прясть за прядью он накручивал волосы на большие бигуди, сушил их, а затем занялся прической.

Результат превзошел все ожидания! Приподнятые на затылке волосы струились каскадом. Изысканная, неожиданная прическа подчеркнула природную женственность Эммы, придала ее лицу особое сияние. Светлые глаза стали ярче. Эмма придвинулась к зеркалу, зачарованная своим новым обликом. Несколько непокорных прядей выбивались из шиньона, так что законченный образ смотрелся очень органично. Ни намек на искусственность! А цвет? Он был великолепен! Лучше, чем у Кейт Бекинсэйл. Никогда еще Эмма не была такой красивой.

С легким сердцем она села в такси и поехала в Ист-Виллидж. В машине достала косметичку и немного подкрасилась — чуть-чуть розовых румян, золотистая тень на веки, коралловый блеск на губы.

Стрелки часов показывали восемь часов одну минуту, когда она толкнула дверь маленького итальянского ресторанчика «Номер 5», на юге от Томпкинс-сквер-парк...

«Дельта 1816» приземлился в аэропорту Кеннеди с небольшим опозданием. Мэтью, сидя в салоне в хвостовой части, нервничал и поглядывал на часы. Уже семь часов восемнадцать минут. Едва ступив на землю, он ринулся к очереди, выстроившейся на стоянке такси, и простоял в ней еще двенадцать минут, прежде чем сел в машину. Назвал шоферу адрес ресторана и, как часто показывают в фильмах, пообещал хорошие чаевые, если они приедут в восемь. Оказалось, что и в Нью-Йорке невероятно тепло для декабря. Машин было немало, но гораздо меньше, чем ожидал Мэтью. «Желтому такси» удалось очень быстро миновать Квинс, промчаться по Вильямсбургскому мосту и удачно пробраться по улочкам Ист-Сайда. В восемь часов три минуты такси остановилось у дверей «Номера 5».

Мэтью облегченно вздохнул. Он приехал вовремя. Можно даже надеяться, что приехал первым. Он расплатился с шофером и вышел из машины. Странное ощущение — возбуждение и нервозность одновременно. Он еще раз глубоко вздохнул, стараясь успокоиться, и толкнул дверь итальянского ресторанчика.

6

Подстерегающие Нас Случайности

И вижу я, что время — царь людей:
Рождает их, могилы роет им,
Не их желаньям внемлет, а своим.^[21]

У. Шекспир «Перикл, царь Тирский»

*Ресторан «Номер 5»
Нью-Йорк
Восемь часов одна минута*

С колотящимся сердцем Эмма подошла к ресепшен. Из-за стойки ей приветливо улыбнулась красивая молодая женщина.
— Добрый вечер, у меня встреча с Мэтью Шапиро. Он заказал столик на двоих.
— Неужели Мэтью в Нью-Йорке?! — воскликнула хостес. — Приятная новость!
Она заглянула в список предварительных заказов и, судя по всему, имени Мэтью Шапиро там не обнаружила.
— Скорее всего, он позвонил прямо на мобильный Витторио, моему мужу. А муж по рассеянности забыл меня предупредить.
Ничего страшного, сейчас я найду вам чудесное местечко на галерее, — пообещала она и вышла из-за стойки.
Эмма отметила про себя, что молодая женщина готовится стать матерью. И очень-очень скоро.
— Могу я забрать у вас накидку?

— Нет, спасибо.
— Она просто потрясающая.
— А цена! Поверите? Бешеная! Но я рада, если она эффектно выглядит.
Женщины обменялись улыбками.
— Меня зовут Конни.
— Очень приятно, а меня Эмма.
— Следуйте за мной, пожалуйста.

По деревянной лесенке они поднялись на галерею со сводчатым потолком.

Хозяйка указала госте стол у ограды, откуда был виден главный зал.

— Могу я предложить вам аперитив? На улице так холодно! Не откажетесь от стаканчика горячего вина?

— Пожалуй, я все-таки подожду Мэтью.

— Хорошо, — согласилась Конни и, прежде чем уйти, положила перед Эммой меню.

Эмма огляделась по сторонам. Ресторан был уютным, с теплой, приятной, обволакивающей атмосферой. На обложке карты меню набранный мелким шрифтом текст объяснял, что ресторан назван «Номер 5» в честь Джо Ди Маджо. Когда легендарный бейсболист играл за клуб «Янкиз», он и в самом деле носил футболку с номером 5. На кирпичной стене красовалась фотография чемпиона и Мэрилин Монро, словно бы намекая, что эта пара когда-то обедала в ресторане. Поверить в это было трудно, но идея была удачной.

Эмма взглянула на часы: четыре минуты девятого.

Ресторан «Номер 5»

Нью-Йорк

Восемь часов четыре минуты

— Мэтт! Вот сюрприз так сюрприз! — радостно приветствовал друга Витторио, заметив Мэтью, входящего в ресторан.

— Рад тебя видеть, Витторио!

Мужчины обнялись.

— Почему не предупредил, что приезжаешь?

— Я звонил утром Конни. Она здесь?

— Нет, осталась вечером дома. У Пола, знаешь ли, снова отит.

— Сколько ему уже?

— В январе исполнится год.

— Фотография есть?

— Конечно! Полюбуйся, как вырос!

Витторио достал из кармана бумажник и показал фотографию щекастого мальчугана.

— Да-а, здоровенный уже парнище, — улыбнулся Мэтью.

— И все благодаря пицце, которую я запикиваю ему в бутылочку! — пошутил Витторио, заглядывая в список предварительных заказов.

— Нашел! Ты попросил Конни оставить тебе наш «стол для влюбленных». Надеюсь, она хорошенькая, твоя знакомая, а, Мэтт?

— Успокойся, ладно? — смущенно отозвался Мэтью. — Она еще не пришла?

— Нет. За столиком никого. Пойдем я тебя посажу. Аперитив хочешь?

— Нет, спасибо. Я подожду Эмму.

Ресторан «Номер 5»

Нью-Йорк

Восемь часов шестнадцать минут

«Как видно, ваши родители, Мэтью Шапиро, не приучили вас к точности. А точность, как известно, вежливость королей!» — вынесла свой приговор Эмма, взглянув на часы.

С галереи ей было очень удобно наблюдать за входной дверью. Всякий раз, как та распахивалась, Эмма ждала, что войдет Мэтью, и всякий раз обманывалась. Она повернула голову и стала смотреть в окно. На улице пошел снег. Крупные белые хлопья кружились в свете фонарей. Эмма вздохнула и вытащила из сумочки мобильник, надеясь, что найдет послание от Мэтью.

Ничего подобного.

Немного поколебавшись, она решила сама отправить ему сообщение со смартфона. Несколько ни к чему не обязывающих фраз, которые не выдадут ее нетерпения.

«Дорогой Мэтью,

я пришла в ресторан „Номер 5“.

Жду вас за столиком.

Пицца с артишоками, пармезаном и дикой горчицей выглядит невероятно аппетитно.

Я проголодалась.

Эмма».

Ресторан «Номер 5»

Нью-Йорк

Восемь часов двадцать девять минут

— Однако принцесса заставляет себя ждать! — улыбнулся другу Витторио, поднявшись на галерею.
— Да, так оно и есть, — согласился Мэтью.
— А ты не хочешь ей позвонить?
— Знаешь, мы не обменялись телефонами.
— Ну, ничего, не волнуйся, мы же в Манхэттене. Ты прекрасно знаешь, что широкие взгляды ньюйоркцев распространяются и на время.

Мэтью хоть и нервничал, но улыбнулся. Не имея возможности позвонить, он отправил Эмме сообщение, чтобы известить, что он приехал.

«Дорогая Эмма,
мой друг Витторио хочет угостить Вас тосканским вином санджовезе с маленького виноградника возле Сиены. Он не устает восхвалять итальянские вина, лучше которых нет на свете. Приходите скорей, чтобы сбить с него спесь.
Мэтт».

Ресторан «Номер 5»
Нью-Йорк
Восемь часов сорок шесть минут

У Эммы окончательно испортилось настроение. Невоспитанное хамло! Опоздать на сорок пять минут и не позвонить, не послать эсэмэс с извинением!

— Если хотите, я попробую позвонить Мэтью на мобильник? — предложила Конни.
Милая хозяйка ресторана заметила нервозность своей гостьи. Эмме было очень не по себе, но она ответила:
— Да, пожалуй... Спасибо. Позвоните.
Конни набрала телефон Мэтью, но ей ответил автоответчик.
— Не беспокойтесь, он сейчас придет. Думаю, все дело в метели.
Тоненький звоночек сообщил о прибытии сообщения.

Эмма посмотрела на экран. Сообщение извещало об ошибке. По неизвестной причине ее сообщение Мэтью не могло быть доставлено.

«Странно!»
Эмма проверила адрес и послала второе сообщение. Но его постигла та же участь...

Ресторан «Номер 5»
Нью-Йорк
Девять часов тринадцать минут

— Я думаю, она не придет, — со вздохом сказал Мэтью, беря бутылку пива, которую ему протянул Витторио.
— Не знаю, что тебе и сказать, — с грустью отозвался приятель. — «Сердце красавицы склонно к измене и перемене, как ветер мая...»

— Это уж точно, — подтвердил Мэтью.
Он послал еще два электронных послания Эмме, но не получил никакого ответа.
Мэтью посмотрел на часы и встал.
— Вызовешь мне такси до аэропорта?
— А ты уверен, что не хочешь у нас переночевать?
— Нет, спасибо, Витторио. Прости, что без толку занимал у тебя столик. Поцелуй за меня Конни.

Мэтью ушел из ресторана в половине десятого и был в аэропорту в десять минут одиннадцатого. Взяв билет до Нью-Йорка, он зарегистрировался на предпоследний в этот день рейс.

Почтовый самолет вылетел из Нью-Йорка в назначенное время и сел в Бостоне в двенадцать часов двадцать три минуты. В этот час бурная жизнь аэропорта стихала. Мэтью сразу же, как только высадился из самолета, поймал такси и был дома вскоре после двенадцати.

Когда он вошел в дом, Эйприл уже поднялась к себе. Мэтью заглянул в комнату Эмили и убедился, что дочка крепко спит. Потом снова спустился на кухню. Он налил себе в стакан воды и машинально включил ноутбук, который так и остался лежать на стойке бара. Проглядывая почту, он увидел письмо от Эммы Ловенстайн. Письмо, которое почему-то было отправлено ему на компьютер, а не на телефон...

Ресторан «Номер 5»
Нью-Йорк
Девять часов двадцать девять минут

Эмма вышла из ресторана и села в такси, которое вызвала для нее Конни. Ветер стих, но снегопад продолжался, и снег на тротуарах уже не таял. Сидя в машине, Эмма старалась не поддаваться черным мыслям, но ничего не могла с собой поделать: гнев и обида душили ее. Она чувствовала себя униженной, преданной. Ненавидела себя за то, что снова попала в ловушку, которую расставил ей мужчина. Снова доверилась красивым словам. Наивная дура! Идиотка!

Влетев в холл своего дома номер 50 на Норт Плаза, она бегом спустилась по лестнице в подвал. В общей прачечной ни души. Печально. Темновато. Эмма миновала унылый коридор с облупленными стенами и оказалась возле мусорных ящиков — в самом грязном, самом затхлом углу их дома. В ярости она оторвала каблучки от своих новых туфель и швырнула их в металлический контейнер. Та же участь постигла и бесценную накидку. Эмма в порыве бешенства разорвала ткань буквально в клочки.

Вся в слезах, Эмма влетела в лифт, безутешно рыдая, пока кабина плавно поднималась. Отперла дверь и, не обращая внимания на радостное повизгивание Хлодвига, кинулась в ванную, кое-как скинула одежду и встала под ледяной душ. Она чувствовала, как в ней снова поднимается непреодолимое желание причинять себе боль, обратить на себя всю ту ярость, которая буквально раздирала ее. Как же мучительно не быть хозяйкой собственных чувств! Мучительно и страшно. Как возможно за несколько минут перейти от радостного подъема к опустошающему отчаянию? От всепоглощающей радости к беспробудной черноте?

Стуча зубами от холода, Эмма покинула стеклянную кабинку, завернулась в махровый халат, взяла из аптечки снотворное и спряталась под одеяло. Но, несмотря на таблетку, сон не шел. Она вертелась под одеялом и так и этак, пытаясь улечься поудобнее, надеясь приманить сон, но в конце концов отчаялась и безнадежно уставилась в потолок. Ей не заснуть, она слишком возбуждена. К часу ночи она не выдержала, включила компьютер и отправила последнее письмо человеку, который довел ее до такого состояния. Написала и захлопнула крышку с наклейкой, изображающей Еву с яблоком.

Удивленный, Мэтью поспешил прочитать, что написала ему Эмма.

От кого: Эмма Ловенстайн
Кому: Мэтью Шапиро
Тема: Хамство

«Вопреки впечатлению, которое вы произвели на меня, вы оказались человеком грубым и невоспитанным. Не смейте мне больше писать».

От кого: Мэтью Шапиро
Кому: Эмма Ловенстайн
Тема: Re: Хамство

«О чем Вы говорите, Эмма? Я целый вечер прождал Вас в ресторане! Я послал Вам два сообщения, на которые Вы не ответили! И Вы же на меня в обиде?»

От кого: Эмма Ловенстайн
Кому: Мэтью Шапиро
Тема: Re: На: Хамство

«Ах, вот как?! Вы же еще перекладываете все на меня?! Какую игру вы ведете? Подыскали бы себе хоть какое-то оправдание, сослались на холод, на снег. У вас был выбор!»

«Какой снег, Эмма? Я не понимаю Ваших упреков. Это Вы — а не я — обманули меня и не пришли».

«Я пришла на встречу с вами, Мэтью! Я ждала вас весь вечер и не получила от вас ни строчки!»

«Наверное, Вы ошиблись рестораном».

«Нет. Есть только один ресторан „Номер 5“ в Ист-Виллидж. Я даже беседовала с вашей знакомой Конни, женой Витторио».

«Вы говорите неправду: Конни сегодня не было в ресторане».

«Как это не было, когда была! Хорошенькая брюнетка с короткой стрижкой, беременная чуть ли не на восьмом месяце!»

«Вы говорите невесть что, Эмма. Конни почти год как родила!»

Мэтью, собираясь нажать на клавишу и отправить очередное послание, поднял голову от экрана и вздохнул. Их разговор напоминал беседу двух глухих. Похоже, что Эмма говорила совершенно искренне, но все, что она говорила, было чушью. Полной нелепицей. Все ее объяснения!

Мэтью попил водички и протер глаза.

«Подумать только! Видите ли, идет снег, Конни беременна...»

Он внезапно нахмурился и принялся внимательно перечитывать послания Эммы, которые получал со вчерашнего вечера. Перечитывал, и странное-престранное подозрение стало закрадываться ему в душу. Безумная мысль. Но она единственная что-то объясняла. Он быстро набрал:

«Какое у нас сегодня число, Эмма?»

«Вы это сами прекрасно знаете: 20 декабря».

«А какой год?»

«Вы хотите и дальше надо мной издеваться?!!»

«Умоляю, ответьте, пожалуйста: какой год!»

«Он точно ненормальный псих», — вынесла вердикт Эмма, стискивая руки и задумываясь. На всякий случай она перечитала послания Мэтью. Дата на всех была декабрь... 2011. Будущий год, а не тот, в котором они жили сейчас...

Эмме стало страшно, и она выключила компьютер. Прошло немало времени, прежде чем она отважилась сказать сама себе, каким образом ей представляется вся эта история. Она живет в 2010 году. Мэтью живет в 2011-м. И по совершенно непонятной причине компьютер — единственная для них возможность общаться...

Часть Вторая ПАРАЛЛЕЛИ

День Третий

7 Параллели

Страх не обходится без надежды, а надежда — без страха.
Барух Спиноза

*На следующий день
21 декабря*

На следующее утро, едва проснувшись, Эмма и Мэтью оба поспешили к компьютерам, лихорадочно открыли почту и с облегчением обнаружили, что новых посланий нет.

— Папа! Пойдем сегодня выбирать для меня подарки к Новому году! — закричала Эмили, влетая в кухню и бросаясь отцу в объятия.

Мэтью подхватил дочку и усадил рядом, на соседний табурет.

— Сначала говорят «доброе утро», — сообщил он.

— Доброе утро, пап, — повторила малышка, зевая и потягиваясь.

Мэтью наклонился и поцеловал ее, а Эмили продолжала:

— Пойдем, да, пап? Ты же обещал!

— Раз обещал, значит пойдем, мышонок. Конечно, сначала надо присмотреть, что по-настоящему нравится, а потом уже писать письмо Деду Морозу.

«Ох, уж этот Дед Мороз...» Мэтью вовсе не был уверен, что полезно и хорошо поддерживать традиционные предрассудки и вводить маленьких детей в заблуждение. Сам он терпеть не мог лжи, никогда не обманывал свою дочь и считал, что было бы очень полезно рассказать Эмили правду о Дедушке Морозе. Это помогло бы ей мыслить логически, сформировало бы рациональный взгляд на вещи, способствовало взрослению, в конце концов. А с другой стороны, может, слишком рано лишать ее очарования волшебной сказки? Девочка прожила тяжелый год. Она лишилась матери. И, кто знает, наверное, пока не стоило отбирать у нее еще и веру в чудеса, которая могла бы помочь ей обрести душевное равновесие. Как бы там ни было, Мэтью в этом году решил закрыть глаза на отступление от своих правил и отложил на будущий год разоблачение этой «большой тайны».

— А кто у нас хочет йогурт со злаками? — раздался веселый голос Эйприл, спускающейся по лестнице.

— Я! Я! — закричала Эмили и, соскочив с табурета, побежала навстречу молодой женщине.

Эйприл подхватила ее на руки и расцеловала.

— Пойдешь с нами в магазин игрушек? — спросила Эмили.

— Эйприл сегодня работает, — сообщил Мэтью.

— Но сегодня же воскресенье, — удивилась девочка.

— Последнее перед Новым годом, — объяснила Эйприл. — Магазины работают целый день, чтобы взрослые успели купить

подарки всем. Но я иду в галерею только к двенадцати, так что охотно прогуляюсь вместе с вами.

— Супер! А ты можешь дать мне большую чашку горячего шоколада с маршмеллоу?

— Если папа позволит...

Мэтью не стал возражать против сладостей на завтрак. Эйприл подмигнула ему, включила радио и принялась накрывать на стол.

Но ей не терпелось узнать, как же прошло вчерашнее свидание, и она задала животрепещущий вопрос как можно более равнодушным тоном:

— Ну и как прошел вечер?

— Полное фиаско, — негромко ответил Мэтью, засыпая кофе в кофеварку.

Он искоса взглянул на Эмили. Она дожидалась какао, играя на планшете в Энгри Берде, убивая злобных зеленых свиней, которые крадут птенчиков у птиц. Полушепотом Мэтью рассказал приятельнице немыслимое вчерашнее приключение.

— Действительно, авантюра. И дурного тона, — признала Эйприл. — И что ты собираешься делать?

— Да ничего. Забуду как страшную глупость, и все дела. Надеюсь, посланий от этой женщины получать больше не буду.

— Говорила же я тебе, что знакомства в Интернете — вещь опасная!

— Ты?! Мне?! Говорила?! А кто настоял, чтобы я пригласил ее в ресторан?

— Не хотела, чтобы ты завяз в иллюзорном мире. Согласись, знакомство было слишком красивым, в жизни такого не бывает. Женщина, с которой у вас одинаковые вкусы, одинаковое чувство юмора и которая в один миг заставляет тебя открыть забрало и забыть об опасности.

— Да, конечно, с самого начала мне нужно было быть осторожнее...

Похоже, Эйприл хотела подольше вертеть ножом в открытой ране: она принялась рассказывать одну за другой истории о всевозможных мошенничествах в Сети. Душераздирающие байки о доверчивых мужчинах, которые считали, что нашли избранницу своего сердца, а потом понимали, что попали в руки обманщиков, намеревавшихся лишить их состояния.

— Эта девица или мошенница, или сумасшедшая, — заключила Эйприл. — Но в любом случае она заранее собрала о тебе сведения, иначе не втерлась бы так ловко к тебе в доверие. Вполне возможно, существует некто, кто тебя хорошо знает и выступает под чужим именем.

«Может, кто-то из моих учениц», — задумался Мэтью.

Он неожиданно вспомнил трагический случай, произошедший в прошлом году в Эммануэль Колледже, католическом университете Бостона. Одна студентка, считая, что ведет интимную беседу со своим другом, согласилась раздеться и ласкать себя перед веб-камерой. И очень сильно просчиталась. За камерой находился вовсе не ее жених, а мошенник, который воспользовался его данными. Мерзавец заснял девушку и начал ее шантажировать. Он потребовал от нее большую сумму денег за то, чтобы не распространять видео. Подтверждая угрозу, он разослал этим же вечером отдельные кадры видео нескольким ее знакомым. Раздавленная стыдом и последствиями своего недомыслия, девушка покончила с собой — ее нашли утром следующего дня повесившейся у себя в комнате.

Вспомнив об этой трагедии, Мэтью вздрогнул. Почувствовал, как по спине у него побежала струйка холодного пота.

«Я проявил преступное легкомыслие», — упрекнул он себя снова.

Поразмыслив хорошенько, он пришел к выводу, что предпочел бы, чтобы эта женщина была рядовой мошенницей. Но, скорее всего, это душевнобольная. «Если она абсолютно уверена, что живет в 2010 году, то она по всем признакам не может быть в здравом уме и твердой памяти».

А значит, она потенциально опасна.

Мэтью составил список всего, что успел сообщить опасной незнакомке: свое имя и фамилию, улицу, на которой они живут, университет, где он преподает. Она знает также, что у него есть дочь четырех с половиной лет, что он бегает в парке утром по вторникам и четвергам, что его дочь посещает школу Монтессори, и еще она знает, при каких обстоятельствах он потерял жену...

«Она знает обо мне фактически все...» Во всяком случае, достаточно, чтобы уничтожить его, если будет этого добиваться. Уничтожить или причинить вред. Ему или Эмили. Мэтью стало страшно. Он почувствовал: своими собственными руками он поставил свою жизнь под угрозу.

«Хватит, ты же не параноик», — одернул он сам себя. Разумеется, он больше никогда в жизни не услышит об этой Эмме Ловенстайн, но зато нелепая история послужит ему в будущем уроком.

Мэтью поставил на поднос чашку, которую ему протянула Эйприл, и решил больше не вспоминать о допущенной глупости.

— Давай, мышонок, пей свое какао!

— Улыбочка!

Час спустя Эйприл фотографировала Эмили и Мэтью перед входом в «Тойз Базар», один из самых больших магазинов игрушек Бостона.

Расположенный на углу Копли-сквер и Кларендон-стрит, этот магазин — воистину земля обетованная для бостонских ребятишек. А за неделю до Нового года и вовсе рай: музыка, анимация, раздача конфет...

Эмили протянула одну руку папе, другую — Эйприл, и они вошли. По обеим сторонам двери с раздвигающимися створками стояли персонажи из «Макса и Максимонов», приветствуя входящих и раздавая им леденцы. Эмили, Мэтью и Эйприл бродили по первому этажу, переходя из секции в секцию, и с восторгом рассматривали игрушки. Верхние этажи предназначались для развивающих игр и игрушек хай-тек (машинки с радиоуправлением, с голосовым управлением, говорящие куклы, электронные игры). Внизу располагались привычные, традиционные: плюшевые звери, деревянные игрушки, куклы, конструкторы Лего.

Эмили пришла в восторг, разглядывая плюшевых зверей в натуральную величину.

— Какой мягкий! — восхитилась она, поглаживая жирафа высотой в шесть метров.

Возразить было нечего. Кругом тебя ждали чудеса, и среди них ничего не стоило вновь стать ребенком. Эйприл наслаждалась разнообразием кукол Барби, а Мэтью застыл перед железной дорогой с большим электрическим поездом и рельсами, раскинувшимися вокруг чуть ли не на два десятка метров.

Мэтью позволил Эмили побегать среди игрушек, потом присел перед малышкой на корточки и сказал:

— Правило ты знаешь, можешь выбрать два подарка, но такие, чтобы поместились у тебя в комнате.

— Значит, не жирафа, — догадалась Эмили, надувая губы.

— Я рад, что ты у меня такая смышленная малышка.

Эмили вместе с Эйприл не жалели времени, выбирая медвежонка Тедди среди сотен мягких и пушистых мишек, а Мэтью в это время рассеянно бродил в соседней секции среди металлических конструкторов. Потом он поговорил немного с аниматором, который показывал фокусы возле эскалатора. Но где бы Мэтью ни находился, он краем глаза следил за Эмили и радовался ее восторгу. Хотя эти счастливые минуты обостряли и растравляли боль. Как несправедливо было не делить их с Кейт...

Мэтью направился к Эмили и Эйприл, но тут у него в кармане зазвонил телефон. На экране обозначился номер Витторио Бартолетти. Мэтью нажал на кнопку и постарался перекричать веселый гомон, что царил вокруг.

— Привет, Витторио!

— Добрый день, Мэтт! Ты где? Не иначе, у себя в детсадике!

— В эпицентре стихийного бедствия — цунами предновогодних покупок, старина!

— Может, тебе разговаривать неудобно? Перезвонишь?

— Да. Буквально через две минуты, хорошо?

Мэтью издали помахал Эйприл, дав понять, что отлучится выкурить сигарету, вышел из магазина, перешел через улицу и очутился на Копли-сквер.

Обсаженная деревьями площадь с фонтаном посередине славилась архитектурными контрастами. Самые впечатляющие снимки туристы делали здесь: арки, портики и витражи церкви Троицы отражались, как в зеркале, в окнах Башни Джона Хэнкока, самого высокого небоскреба Бостона. Утро было солнечное, и на площади, конечно, толпился народ, но его тут было гораздо меньше, чем в магазине. Мэтью уселся на скамейку и набрал номер нью-йоркского приятеля.

— Это я, Витторио! Ну, как Пол? Как его уши?

— Спасибо, получше. Скажи, как ты? Опомнися после экзотического вечера?

— Успел забыть о нем.

— А я вообще-то звоню именно по этому поводу. Сегодня утром я рассказал Конни о твоей неудаче, и она очень разволновалась.

— Неужели?

— Представь себе, она сразу вспомнила, что примерно с год назад, когда меня в ресторане не было, она принимала в нашем «Номере 5» молодую женщину. Эта женщина сказала, что у нее назначена с тобой встреча, прождала больше часа, но ты так и не появился.

Мэтью почувствовал, как бешено застучала у него в висках кровь.

— Почему ты никогда не говорил мне об этом?

— Знаешь, это было за несколько дней до несчастья с Кейт. Конни собиралась тебе позвонить, сказать, но случилось такое несчастье... Ты сам понимаешь, что звонок выглядел бы неуместно. Потом она обо всем забыла и вспомнила только сейчас, после моего рассказа.

— А Конни сказала, как выглядела эта женщина?

— Сказала, что лет под тридцать, приятной внешности, элегантная, явно живет в Нью-Йорке. Сейчас Конни уехала с Полом к матери, но я попрошу ее позвонить тебе вечером, она расскажет подробнее.

— А ты можешь выяснить точную дату, когда эта женщина пришла к вам поужинать?

— Я сейчас в машине еду в ресторан. Постараюсь найти заказ в базе данных. Конни помнит, что в этот день к нам приходил ужинать наш родственник с Гавайев.

— Спасибо, Витторио. Буду ждать твоего звонка. Это очень важно.

Нью-Йорк

Ресторан «Император»

Дневная смена

Рука Эммы слегка дрожала, когда она наливала белое вино в хрустальные рюмки.

— Дамы и господа, поданные вам лягушачьи лапки в пряничной панировке я предлагаю запивать вином из долины Рейна: Кондрие 2008 года, сепажное вино из Вионе.

Эмма несколько раз сглотнула, чтобы голос звучал чище. Не хватало только, чтобы руки дрожали! Но у нее дрожали не только руки, но и все внутри. Вчерашний вечер совершенно выбил ее из колеи. Всю ночь она не сомкнула глаз, мучаясь странными болями: ей казалось, что внутри кто-то скручивает все ее внутренности.

— Вы оцените удивительную бодрость, какой наделяет нас насыщенное и уравновешенное вино Кондрие. Оно богато восхитительными ароматами, его можно сравнить с ярким цветком.

Эмма закончила обслуживать столик и сделала знак помощнику, показав, что нуждается в небольшом перерыве.

У нее закружилась голова, и, покинув зал, она побежала в туалетную комнату. Ей было худо, она покрылась липким потом, ее знобило, голова гудела, в висках стучало. По воспаленному пищеводу к горлу подкатывало что-то вроде тошноты. С чего вдруг ей стало так плохо? Почему она едва держится на ногах? Откуда такая усталость? Впрочем, конечно, ей необходимо выпасться. Когда она доходит до изнеможения, в первую очередь страдает голова. Одолевают черные мысли, отступает реальность, и она погружается в пугающий мир призраков.

Новый приступ тошноты. Эмма наклонилась над раковиной, ее вырвало утренним завтраком, но она продолжала стоять, не в силах поднять голову, приходя в себя. История с электронной почтой, с письмами из будущего вызывала в ней ужас. Сейчас декабрь 2010 года! Она не может переписываться с человеком, который живет в 2011-м! Значит, он или душевнобольной, или преступник, который питает относительно нее самые дурные намерения. В обоих случаях ее жизнь под угрозой. Жизнь и ее собственное душевное здоровье. Она уже не раз имела дело с ненормальными! С нее хватит! Сколько времени она наслаждалась ощущением равновесия, а сейчас вновь готова соскользнуть в бездну тоски и страхов. Ей необходимо принять лекарство и немного успокоиться. Она с радостью пошла бы к своему психоаналитику, но, к сожалению, Маргарет Вуд уехала на рождественские каникулы в Аспен.

«Черт! Черт! Черт!» Эмма подняла голову и посмотрела на себя в зеркало, опершись двумя руками о край раковины. В уголке губ повисла ниточка желчи. Она вытерла рот бумажной салфеткой, потом умылась холодной водой. Нужно взять себя в руки и разумно все обдумать. Этот человек ничего не может ей сделать. Если он попробует снова ей писать, она будет сбрасывать его письма. Если будет бомбардировать посланиями, она сообщит в полицию. Если попытается ее преследовать, если встретится с ней, она сумеет оказать ему достойный прием, недаром носит в сумочке электрошокер. Ее «Тайзер» розового цвета, правда, больше похож на кое-что из секс-шопа, но его эффективность от этого ничуть не меньше. Немного успокоив себя, Эмма сделала несколько глубоких вдохов, причесалась и вернулась в зал.

Бостон

- А можно мне лобстер-ролл^[22] с картошкой фри? — спросила Эмили.
- Лучше с салатом, как ты считаешь? — предложил Мэтью.
- Почему, пап? Картошка вкуснее!
- Ладно, — согласился отец. — Но если с картошкой, то без десерта. Договорились?
- Хорошо, — подтвердила девочка, пытаясь подмигнуть отцу.

Мэтью озвучил заказы и вернул меню официанту. Они с Эмили с удобством расположились на террасе кафе «Бистро 66» на Ньюбери-стрит. Эйприл, побродив вместе с ними по магазину, попрощалась и отправилась на работу. Мэтью был счастлив, видя, как искрятся глаза Эмили. Он поинтересовался, какие же подарки она собирается попросить у Деда Мороза. Эмили деловито достала из маленького рюкзачка айпод и спросила, не лучше ли сейчас сразу отправить дедушке сообщение по электронной почте, но Мэтью не одобрил ее предложения. Проникновение новых технологий во все области жизни, в том числе и в сказочную, почему-то его не обрадовало. Особенно сегодня.

Эмили принесли булочку, а у Мэтью зазвонил телефон. Снова звонил Витторио. Конни все еще не вернулась, но он просмотрел списки заказов и определил точную дату, когда молодая женщина дожидалась Мэтью, сказав, что у нее назначена с ним встреча.

- Вчера исполнился ровно год, 20 декабря 2010-го.
- Мэтью закрыл глаза и перевел дыхание. Кошмар продолжался.
- Но это еще не все, — продолжал Витторио. — Представь себе, я просмотрел видеозапись и увидел ее.
- Кого?
- Ту молодую женщину.
- Ты шутишь?

— Объясняю: в ноябре прошлого года на наш ресторан с промежутком в несколько дней было совершено два ночных нападения.

- Да, я помню. Ты предполагал, что на тебя наезжают братья Манчини.
- Именно. Они желали меня выжить, потому что я составлял им конкуренцию. Доказать их вину я так и не смог. Ладно. Короче, тогда копы, которые занимались нашей безопасностью, порекомендовали нам обзавестись камерами видеонаблюдения. На протяжении трех месяцев у нас в зале круглосуточно работали камеры. Происходящее записывалось, перекидывалось на сервер и оставалось на жестком диске.

- И тебе удалось найти запись вечера двадцатого декабря?
- Так точно. Я даже отыскал эту девушку. Она единственная сидела в этот вечер без кавалера.
- Но это просто неслыханно, Витторио! А ты можешь прислать мне копию?
- Она уже в пути, старина!

Мэтью закончил разговор и тут же вытащил из сумки комп, чтобы настроить его на вай-фай «Бистро 66». От Эммы Ловенстайн по-прежнему никаких вестей, а вот послание Витторио уже прибыло. Видеофайлы были «тяжелыми», грузились и грузились.

- А на сладкое закажем шоколадное суфле. Да, папочка?
- Нет, мышонок. Мы же договорились, без сладкого. Доедай свой салат.

Мэтью пустил видео во весь экран. Картинка была крупнозернистой и тусклой, как бывает, когда снимает видеокамера с невысоким разрешением. Фрагмент, отправленный Витторио, занимал минуты две, не меньше. Камера висела под потолком в основном зале. Часы внизу картинки показывали одну минуту девятого, когда молодая, элегантно одетая женщина вошла в дверь ресторана. Видно было, как она обменялась парой фраз с Конни, прежде чем исчезнуть из кадра. Белый экран засвидетельствовал, что видео прервали, но показ возобновился спустя полтора часа в двадцать девять минут десятого. На экране отчетливо была видна та же молодая женщина, которая торопливо покидала ресторан. Затем картинка исчезла, видео кончилось. Мэтью повторил показ и нажал на паузу, чтобы хорошенько рассмотреть момент, когда женщина входит в ресторан. Сомнений быть не могло. Можно было считать себя сумасшедшим, но в ресторан входила Эмма Ловенстайн.

- Надевай пальто, мышка, мы уходим!
- Мэтью положил на стол три двадчатки и, не дожидаясь сдачи, ушел, держа за руку Эмили.

— Эйприл! У меня возникло срочное дело! Ты можешь дать мне свою машину и оставить у себя Эмили на час или два?!

Мэтью с Эмили на руках влетел в галерею своей соседки. Стены выставочного зала были увешаны эротическими японскими эстампами и скромными фотографиями из значных мест, снятыми в начале двадцатого века. Середину занимали африканские скульптуры в полном естестве, витрина с мешочками для пениса и творения современных скульпторов фаллической направленности. И хотя художественную галерею не сравнишь с секс-шопом, но все же вряд ли она была подходящим местом для игры малых детей и невинных душ.

Мэтью бегом пробежал через зал и вручил девочку Эйприл, сидящей в своем маленьком кабинете.

— Ты будешь умницей и подождешь меня здесь. Я скоро вернусь, — напутствовал он дочку.

— Нет! Я хочу домой!

Мэтью вытащил из рюкзака планшет и предложил:

— Хочешь посмотреть мультик? «Коты-аристократы»? «Лис и Пес»?

— Нет, это неинтересно! Я хочу «Игру престолов»!

— И не мечтай! Там полно жестокостей. Это сериал не для маленьких девочек.

Эмили опустила голову и, похоже, собралась разреваться. Мэтью принялся массировать себе виски. У него самого голова разболелась, а малышка, вдоль и поперек исходив магазин игрушек, конечно, от усталости перевозбудилась. Конечно, ей нужно отдохнуть, полежать спокойно в постельке, а не смотреть взрослый сериал в порногалерее.

Эйприл пришла на помощь Мэтью.

— Думаю, самое разумное, что мы можем сделать, — вернуться домой. Мы с Эмили сейчас же отчаливаем.

— Спасибо тебе, Эйприл! Я обернусь за час, максимум — за полтора.

— А что за срочное дело?

— Вернусь и все расскажу! Обещаю!

— Имей в виду, что ты грабишь мою кассу, — сказала Эйприл, бросая Мэтью ключ от машины.

Мэтью без труда нашел «Камаро» — тот был припаркован под большими деревьями на Коммонвелс-авеню. Можно было подумать, что философ спешит на работу, потому что, выехав из Бэк Бея, он направился на другой берег реки по мосту Массачусетс-авеню и дальше поехал в сторону Кембриджа. Но Мэтью промчался мимо университета, обогнул озеро Фреш Понд и рванул дальше в сторону Белмонта. Он спешил: необходимо было повидать того, кто продал ему ноутбук. Адрес клиента Эйприл остался в навигаторе, так что он без труда отыскал жилой квартал, а потом и улицу с симпатичными особнячками. На этот раз Мэтью остановился прямо перед двухэтажным коттеджем, обшитым досками, с крышей, похожей на церковную. У ворот Мэтью остановил глухим рычаньем песочного цвета шарпей, на которого он обратил внимание еще в первый раз, в день распродажи. Спрятавшийся в складчатую шкуру, словно в слишком просторную шубу, пес бдительно и сердито нес сторожевую службу.

— Хлодвиг! Ко мне! — позвал пса хозяин, появившийся на пороге.

Молодой человек шел по лужайке к Мэтью, который стоял, уставившись на табличку перед звонком: Ловенстайн.

— Что угодно?

Да, тот самый молодой человек, который продал ему подержанный ноутбук. Суровое выражение лица, квадратные очки, костюм гробовщика.

— Добрый день, мистер Ловенстайн, не могли бы вы уделить мне несколько минут?

— По какому поводу?

— Два дня тому назад на распродаже я купил у вас ноутбук и...

— Да, я узнал вас. Но я не даю комментариев и не оказываю никаких дополнительных услуг по поводу проданных вещей.

— Дело совсем не в этом. Я хотел бы задать вам несколько вопросов. Можно мне войти?

— Нет. Что за вопросы?

— Вы сказали, что компьютер принадлежал вашей сестре, я не ошибся?

— Угу, — последовал лаконичный ответ.

Но он не обескуражил Мэтью. Гость достал из кармана фотографии, которые он успел распечатать с компьютера, собираясь в Нью-Йорк.

— Молодая женщина на фотографиях — это ваша сестра?

— Да, это Эмма. Откуда у вас эти фотографии?

— Они остались на диске компьютера. Если хотите, я перешлю вам их по электронной почте.

Молодой человек отрицательно покачал головой.

— Могу я узнать, где сейчас находится Эмма? — задал свой следующий вопрос Мэтью. — Я бы очень хотел с ней поговорить.

— Хотели бы поговорить? Очень?

— Да. Это сугубо личный разговор и очень важный.

— Можете не пытаться. Не сомневаюсь, что Эмма вам не ответит.

— Почему же?

— Потому что она умерла.

8

Пробуждение К Жизни

Радость не создала столько, сколько разрушил страх.

Поль Моран^[23]

— С подросткового возраста у сестры... а она была лунатиком, обнаружилась склонность к меланхолии... У нее был

темперамент, который я назвал бы циклотемичным.^[24]

Дэниэл Ловенстайн говорил сдержанно и чопорно. Он все-таки уступил напору Мэтью, согласился впустить его в дом и рассказать историю Эммы.

— Ее душевное состояние никогда не отличалось уравновешенностью, — продолжал Ловенстайн. — Иногда она была самой счастливой в мире молодой женщиной, переполненной энтузиазма и планов на будущее, а буквально на следующий день видела все в черном цвете и не находила смысла ни в чем. Со временем периоды эйфории стали чаще сменяться черной меланхолией. В последние годы для меня стало очевидным, что перемены настроения привели к изменению личности. На протяжении долгих месяцев она могла быть в прекрасном состоянии, но потом следовал срыв, и всякий раз он был более серьезным, чем предыдущий.

Он замолчал, поднес к губам чашку с чаем и отпил глоток. Мужчины сидели друг напротив друга, утонув в глубоких креслах. В холодной унылой комнате, погруженной в сумрак, словно бы витал призрак Эммы Ловенстайн.

— Больше всего выбивали ее из колеи сердечные отношения, — с горечью признался ее брат. — Эмму легко воспламенял определенный тип мужчин, и ее разочарование раз от разу становилось все горше. С годами чего мы только не переживали: приступы истерии, попытки самоубийства, скарификация,^[25] больницы... Официально ей никогда не ставили диагноз, но для меня не составляло сомнений, что ей можно его поставить...

Чем отчетливее становилась ситуация с Эммой, тем хуже чувствовал себя Мэтью. Недоброжелательство брата можно было чуть ли не пощупать. Но много ли правды было в его рассказе? Ловенстайн делился своими далеко идущими предположениями, но врачи, как понял Мэтью, их так и не подтвердили.

Дэниэл наклонился и взял с низкого столика фотографии.

— Три месяца тому назад, летом, она возобновила отношения с одним из своих бывших любовников. Вот он на снимке, — уточнил он, показывая на мужчину рядом с Эммой. — Его зовут Франсуа. Франсуа Жиро, наследник одного из владельцев виноградников под Бордо. Он причинил Эмме очень много горя. Но она ему снова поверила. Поверила, что на этот раз он расстанется со своей женой. Разумеется, этого не произошло, и она снова прибегла к крайнему средству, но на этот раз попытка удалась и...

В разговор внезапно вмешался лаем шарпей.

— Это собака Эммы, не правда ли? — осенило вдруг Мэтью.

— Да, Хлодвиг ее собака. Она была к нему очень привязана. По ее словам, «он единственный, кто ее не предавал».

Мэтью вспомнил, что Эмма написала ему то же самое о своей собаке в одном из посланий, которыми они обменялись...

— Мне очень не хочется возвращать вас к горьким воспоминаниям, мистер Ловенстайн, но я все-таки спрошу: как умерла Эмма?

— Она бросилась под поезд в Уайт-Плейнсе 15 августа этого года. Без сомнения, наглотавшись всяких лекарств. Каких только пилюль не валялось у нее в квартире! И снотворные, и транквилизаторы, и прочая дрянь...

Подавленный наплывом тяжелых воспоминаний, Ловенстайн поднялся с кресла, давая понять, что разговор окончен.

— А по какой причине вы так хотели поговорить о моей сестре? — задал он вопрос, провожая Мэтью к дверям.

Мэтью не хотелось рассказывать, что с ним произошло, и он предпочел задать новый вопрос.

— А почему вы решили распродать все эти вещи?

— Чтобы распрощаться с прошлым! Начать с нуля! Отделаться от Эммы! — проговорил он чуть ли не с яростью. — Меня осаждают воспоминания. Они меня подтачивают. Убивают. Они приковывают меня к руинам прошлого, которое и без того очень сильно навредило мне!

Мэтью сочувственно наклонил голову.

— Я вас очень хорошо понимаю, — сказал он, выходя за порог.

Но в глубине души он не был согласен с Дэниэлом Ловенстайном. Он знал, что борьба с прошлым безрезультатна. Невозможно расправиться с воспоминаниями, выметя дочиста дом. Они живут в нас, прячутся в потайных уголках, подстерегают минуту, когда ты беззащитен, и набрасываются всегда с удвоенной силой.

От кого: Мэтью Шапиро
Кому: Эмма Ловенстайн
Тема: Поговорим все-таки
Дата: 21 декабря 2011 — 13 ч. 45 м. 03 сек.

«Дорогая Эмма,
если Вы перед экраном, не согласитесь ли подать мне знак? Я думаю, нам обоим хотелось бы обсудить то, что с нами происходит.
Мэтт».

От кого: Мэтью Шапиро
Кому: Эмма Ловенстайн
Тема: Тема
Дата: 21 декабря 2011 — 13 ч. 48 м. 14 сек.

«Эмма,
я понимаю, что ситуация пугает Вас и тревожит. Она пугает и меня тоже, но нам действительно необходимо

поговорить. Ответьте мне, прошу.
Мэтт».

Мэтью нажал на клавишу, и еще одно письмо ушло к Эмме. Он лихорадочно ждал — и ему казалось, что ждет он очень долго, — что молодая женщина непременно ответит.

Поговорив с Дэниэлом Ловенстейном, Мэтью сел в «Камаро» и поехал обратно в Бостон, но через несколько километров остановился возле одного из бистро на берегу реки Чарльз. Он выбрал ресторанчик «Бранд Нью Дей», расположившийся в старом вагоне, сиявшем никелем. Этот ресторанчик любили и горожане, приезжавшие сюда погулять, и студенты Гарварда, занимавшиеся тут греблей. Устроившись на скамейке, обитой молескином, Мэтью вытащил ноутбук и вышел в Сеть.

Никогда в жизни он не переживал такого потрясения. Ощутимая им реальность стронулась с места. Но подтверждения накапливались: даты на письмах, видео, присланное Витторио, рассказ брата Эммы о смерти его сестры... Все заставляло поверить в невероятное: благодаря этому ноутбуку он мог общаться с женщиной, которая сейчас отошла в небытие, но в прошлом году была еще жива и получала от него письма.

Как это могло случиться? Мэтью не пытался найти объяснение, он просто поверил, что может общаться с этой женщиной сейчас, сегодня. Но все-таки ему хотелось бы понять, каким образом это происходит.

Мэтью достал ручку, записную книжку, с которой не расставался, и нацарапал несколько наблюдений, чтобы хоть как-то уяснить для себя происходящее.

1. Эмма Ловенстейн получает мои письма точно в то же число, но прошлого года.
2. Купленный мной подержанный ноутбук — единственная возможность общения между нами.

Мэтью поднял голову от записной книжки и задумался, соответствует ли второе заключение истине? В пользу этого свидетельствуют факты: Эмма не получала сообщений, которые он посылал со своего телефона, а он не получал сообщений с ее смартфона. Почему?

Мэтью погрузился в размышление. Если Эмма умерла три месяца тому назад, то сообщения, которые он посылает ей не по компьютеру, приходят на пост, который больше никто не посещает. Это логично.

Но что происходит с посланиями, которые Эмма отправляет ему на телефон из 2010 года? По логике вещей, он должен был бы получать их тоже в прошлом году, хотя он не помнит, что ему приходили послания, подписанные Эммой Ловенстейн в декабре 2010 года.

Разумеется, он получает очень много сообщений, но эти он должен был бы заметить. Мэтью напряг память и нашел объяснение. В декабре 2010-го он поменял провайдера, а значит, и телефонный адрес. Адрес, на который Эмма посылала свои эсэмэски, просто-напросто больше не существовал. Немного успокоившись, что в хаосе можно найти хоть какую-то логику, Мэтью записал в книжку еще одно наблюдение:

3. В настоящее время, в декабре 2011 года, я не имею никакой возможности встретиться с Эммой...

«К несчастью, она умерла».

4. Зато она — может!

Да, так оно и было. Если «Эмма 2010 года» захочет, она может сесть на самолет, прилететь в Бостон и встретить «Мэтью 2010». Но захочет ли она прилететь? Судя по тому, что она ему не отвечает, вряд ли...

Мэтью с возрастающим беспокойством смотрел на экран компьютера. Сомелье по-прежнему не желала отвечать. Мэтью попробовал представить себе, что может думать Эмма, умная молодая женщина, беззащитная перед бурей своих чувств. Он понимал, что она напугана, выведена из равновесия и полна недоверия к происходящему. У него была хоть какая-то информация: видео Витторио и разговор с ее братом. Эта информация давала ему возможность поверить, что происходящее с ним — реальность. Но у Эммы такой возможности не было. Она могла считать его только сумасшедшим и поэтому не желала иметь с ним ничего общего. Но он должен был найти способ переубедить ее.

«Как?! Каким образом?!»

Мэтью посмотрел в окно. По дорожке, что тянулась вдоль реки, трусили бегуны и катили велосипеды, на реке под крики диких гусей молодые ребята гребли на лодках.

Ресторанчик постепенно пустел. На соседнем пластмассовом столике Мэтью увидел забытую кем-то из посетителей газету. Сегодняшний номер «Нью-Йорк таймс». И тут его осенило! Он взял газету, с помощью веб-камеры своего компьютера сфотографировал первую страницу, на которой стояла дата, и отправил снимок Эмме, прибавив несколько слов.

От кого: Мэтью Шапиро

Кому: Эмма Ловенстейн

«Эмма! Если Вам нужно подтверждение, что я живу в 2011 году, то вот оно. Ответьте мне.

Мэтт».

Нью-Йорк

Эмма просматривала почту и нажала на клавишу, желая взглянуть на присланную фотографию. Она даже увеличила ее и недоверчиво покачала головой. Тоже мне доказательство! Нет ничего проще, чем манипулировать с фотографиями в фотошопе!

«Это ничего не доказывает, подлый обманщик!»

Бостон

Загремел гром. Тучи заволокли в один миг небо, и на вагон-ресторан обрушился потоп. В следующую минуту шумная толпа спасающихся от дождя заполонила зал.

Мэтью не отрывал глаз от экрана, не замечая происходящего вокруг.

«Ответа по-прежнему нет».

Фотография Эмму не убедила. Нужно искать что-то другое. И как можно скорее.

Мэтью вышел на сайт «Нью-Йорк таймс» и стал рыться в архивах газеты, ища какую-нибудь зацепку. Не может быть, чтобы ничего не было. Клик. Еще один. Еще. Нашел!

На этот раз Эмме Ловенстайн возразить будет нечего.

* * *

От кого: Мэтью Шапиро

Кому: Эмма Ловенстайн

«Я снова беспокою Вас, Эмма. Но даже если Вы мне не отвечаете, я уверен, что Вы сидите за компьютером.

Вы любите спорт? Баскетбол? И если любите, то, конечно, знаете, что сегодня (я говорю о Вашем „сегодня“) состоится матч, которого все ждут: „Никс“ Нью-Йорк и „Сельтикс“ Бостон.

Включите радио или телевизор, канал 9, и я Вам представлю доказательство, которое Вас убедит...

Мэтт».

Эмма почувствовала, как сумасшедше забилося у нее сердце. Каждое послание Мэтью вызывало у нее ощущение, что железные щупальца подбираются к ней все ближе, готовы схватить и раздавить.

Но чувствовала она не только страх, но и волнующее возбуждение.

Эмма выключила компьютер, взяла ноутбук под мышку, вышла из офиса и на лифте спустилась на нижний этаж, где находилась зона отдыха для работников ресторана «Император». Толкнула дверь и вошла в просторную комнату со светлыми стенами, где стояли такие же светлые деревянные столики, мягкие диваны и кресла. Эмма поздоровалась со знакомыми. Женщины, рассевшись в креслах, болтали, листая рекламные журналы, а компания, где было больше мужчин, не отрывала глаз от большого телевизионного экрана, следя... За матчем по баскетболу!

Эмма устроилась за одним из столиков, включила компьютер и отправилась к автомату за соком. Открывать сок она стала, как раз проходя мимо телевизора.

«В Мэдисон-Сквер-Гарден продолжается матч, — возвестил радостный голос комментатора. — В настоящую минуту счет 90:83 в пользу нью-йоркского „Никса“. С самых первых минут обе команды радуют нас интересной напряженной игрой. Игроки двух разных школ состязаются в мастерстве...»

Эмме стало нехорошо. Именно об этом матче писал ей Мэтью... Она сделала несколько шагов, уселась за свой столик, но стала следить за тем, что происходит на экране. Прошло несколько минут, и у нее на экране появилось новое сообщение.

От кого: Мэтью Шапиро.

Кому: Эмма Ловенстайн

«Вы нашли телевизор или радиоприемник, Эмма?

„Нью-Йорк“ сейчас сильно впереди, не так ли? Если Вы смотрите матч в баре или в другом публичном месте, уверен, что люди вокруг Вас уже не сомневаются, что Ваша команда выиграет...»

Эмма подняла голову и взглянула на своих коллег, прилепившихся к телевизору. Они радостно хохотали, хлопая друг друга по плечам и аплодируя каждому голу любимой команды. Не было сомнений: они в восторге.

Эмма продолжила чтение:

«И все-таки со счетом 118:116 выиграет Бостон. Буквально в последние секунды. Запомните хорошенько, Эмма: Нью-Йорк — 116, Бостон — 118.

Вы мне не верите?

Ну, так смотрите телевизор!»

Сердце Эммы колотилось как сумасшедшее. Теперь этот тип в самом деле ее пугал. Она словно бы окаменела, но преодолела скованность, поднялась и подошла к телевизору. Она хотела увидеть конец матча, но молила про себя, чтобы предсказание Мэтью не сбылось.

— Последние пять минут матча. По-прежнему ведет Нью-Йорк. Счет 104:101!

Эмма со страхом следила за происходящим на экране. Борясь со своим ужасом, она старалась дышать как можно глубже. Оставалось всего две минуты, Нью-Йорк был впереди.

Минута тридцать секунд.

Команда «Сельтикс» сравняла счет, 113:113, потом каждая из команд забросила еще по три мяча в корзину, и снова ничья 116:116.

Эмма закусила губу от волнения. Оставалось всего десять секунд, и тут Пол Пирс, игрок Бостона, ловко обошел защиту, обыграл противника и сумел забросить в корзину два мяча подряд.

— Бостон впереди! Счет 118:116! У «Никса» нет больше шанса на победу!

Бостонцы поздравляют друг друга, болельщики «Никса» воют на трибунах. Эмма в панике смотрит на время, которое

показывают на экране. «0,4». Четыре десятых секунды. Все кончено. Матч проигран.
Но нет! Игрок «Никса» совершает невозможное. Бросок длиною в восемь метров и прямое попадание в корзину. Волшебный бросок! Небывалый!

— Потрясающая точность! — вопит комментатор. — Студемир забил самый потрясающий гол в своей жизни! Нью-Йорк выиграл! 118:119!

Эмма облегченно выдохнула вместе со всеми своими коллегами. Но причины для вздоха облегчения у них были разные. Как легко сразу сделалось Эмме! Мэтью ничего не знает! Ни в каком будущем он не живет. Он не предсказал исхода матча. И она, Эмма, вовсе не сходит с ума!

На экране бушевал Мэдисон-Сквер-Гарден. Команда Нью-Йорка приготовилась к торжественному выходу на стадион. Болельщики, стоя, вопили от восторга. И тут судья потребовал показать заключительный эпизод по видео, и видео продемонстрировало то, чего никто не хотел видеть и признавать: мяч вылетел из рук игрока через какие-то доли секунды после сигнала об окончании матча.

— Да-а! Ничего не скажешь, вот что значит последние секунды! В результате невиданно напряженного матча, я бы сказал, по-чичкоковски напряженного, выиграл все-таки Бостон со счетом сто восемнадцать — сто шестнадцать, победив непобедимого «Никса», который до этого выиграл восемь матчей подряд!

Приступ тошноты погнал Эмму в туалет.

«Нет, я все-таки схожу с ума...»

Она была в ужасе. Ее разум восставал против вопиющей небывальщины. Но она больше не могла бороться с демоном, который не желал внимать доводам рассудка. Как же ей справиться с внезапно поглотившим ее хаосом? Подлога, манипуляции быть не могло. Прямая трансляция матча! Кроме того, в яростной борьбе команд что-либо подстроить было невозможно! Но, вероятно, Мэтью назвал цифры наобум? Ему просто повезло. Случай оказался на его стороне. На секунду Эмму успокоила эта мысль. Но только на секунду.

«Черт! Черт! Черт!»

Общаться с человеком из будущего?! Невозможно!

Эмма взглянула на свое отражение в зеркале. Тушь потекла, лицо отливало желтизной, как у трупа. Она плескала воду на лицо, смывая остатки краски и стараясь навести порядок в сумятице мыслей. На поверхность выплыла главная подробность, от которой ей было особенно неспокойно. С чего вдруг Мэтью написал ей в самом первом письме: «Я новый владелец Вашего ноутбука...» Что это значит? Это значит, что в будущем она продаст свой ноутбук. Что этот Мэтью купит подержанный компьютер, и они из-за временного сбоя смогут общаться, находясь каждый в своем времени? Но это полная несуразица. Такого не бывает.

Тяжело дыша, словно пробежала стометровку, Эмма прислонилась плечом к стене и ощутила, до чего беспомощна, уязвима и одинока. Ей некому было рассказать о своих проблемах, посоветоваться. Ее семьей был брат, всегда жесткий и недоброжелательный. А вот близких друзей не было и нет. Нет подруг, нет парня. Даже психолог, которой она платит бешеные деньги, и та уехала.

И вдруг она вспомнила... Да, да, Ромуальда Леблана!

Если есть человек, который поможет ей разобраться в этой истории с компьютером, то только он, чудосочный компьютерный гений!

Эмма сразу почувствовала облегчение. Она вышла из туалета и поспешила к лифту, чтобы подняться на офисный этаж. Там сидел дежурный, народу было мало — по субботам и воскресеньям стажеры не работали. Эмма добилась, чтобы ей дали мобильный телефон стажера-француза, и сразу же ему позвонила. После двух гудков послышался неуверенный голос подростка:

— Алло!

— Мне нужна твоя помощь, очкарик! Ты сейчас где? По-прежнему за компом и смотришь на голых теток?

9
Странствующие Во Времени

Будущее — призрак с пустыми руками, обещающий все, не имеющий ничего.
Виктор Гюго

*Нью-Йорк, 2010
Митпакинг Дистрикт
Четверть часа спустя*

Ветер гулял по набережным Гудзона.
Эмма захлопнула дверцу такси. И сразу же, стоило ей выйти из машины, как ее пробрал до костей ледяной холод. Зябко пожившись, она сунула руки в карманы пальто. К вечеру старинный квартал скотобоен погрузился в туман. Эмма поплотнее закуталась в шарф и вошла в металлическую арку, которая вела к легендарному пирсу 54, откуда отчаливали трансатлантические пакетботы. Там Ромуальд назначил ей встречу.

Странное стрекотанье заставило Эмму поднять голову, и она увидела над собой в белом небе целую эскадрилью радиоуправляемых вертолетиков и самолетов. На асфальтовой дорожке стояли мужчины и дети всех возрастов и соревновались в искусстве управления своими летательными аппаратами.

Она стала искать глазами Ромуальда, и прошло немало времени, прежде чем сумела узнать сутуловатую фигуру подростка в

лыжной шапочке, натянутой до бровей, и в толстой парке. Ромуальд всеми силами старался оторвать от земли свой четырехмоторный самолет, но тот упорно не желал подниматься в небо.

— Привет, клоп, — поприветствовала его Эмма, подойдя сзади.

Ромуальд вздрогнул от неожиданности и поправил очки.

— Добрый день, мисс Ловенстайн.

— Что это тут у вас? Собище помешанных на авиации моделлистов?

— Да нет, просто «трутни».

— Что-что?

— «Трутни», говорю. Так авиамодельки называются.

Эмма с восхищением следила за крошечным квадрокоптером, который взмыл в небо выше всех. Так когда-то в ее детстве рвались высоко-высоко воздушные змеи, прежде чем упасть или погибнуть. Еще она заметила, что все авиамодели были разными, самолеты всех разновидностей, вертолеты, летающие тарелки. Умельцы-любители изощрялись в изготовлении летательных аппаратов на любой вкус. Эмма представила себе, как эти солидные взрослые мужчины, компьютерщики, фанаты робототехники, подбирают детали, паяют, начинают свои модели электроникой, чтобы потом похвастаться ими перед приятелями.

«Мальчишки!»

Она подошла к одной группке, к другой и поняла, что многие мастера соединили своих «трутней» со смартфонами и таким образом управляют ими. Кое-кто снабдил модель крошечной камерой и тут же получал снимки на телефон.

Эмма вернулась к Ромуальду, который продолжал сражаться со своим квадрокоптером. Никому и в голову не приходило ему помочь. Среди «сообщества любителей» не нашлось ни единой доброй души, которая пришла бы ему на помощь. Эмме стало жаль мальчишку. Она почувствовала, как одиноко этому способному, умному, но, возможно, немного чудаковатому пареньку.

«Совсем как мне...»

— Почему он у тебя не летает?

— Не знаю, — отозвался он. — Наверное, ветер чересчур сильный, а я не отладил управление как следует.

— Но это не так уж важно.

— Очень важно. — Он старался не глядеть на нее.

Эмма интуитивно поняла, что Ромуальд не привык сталкиваться с затруднениями в области механики и электроники. Обычно все давалось ему легко. Она переменяла тему.

— А эти штуки, они разрешены? — поинтересовалась она, поражаясь тому, что видела, и немного пугаясь.

— «Трутни»-то? Ну, более или менее, — сопя, отвечал Ромуальд. — Есть кое-какие правила, их нужно соблюдать: нельзя запускать их над людьми, нужно держать постоянно под наблюдением, нельзя, чтобы летали выше, чем сто метров.

Эмма покачала головой, удивляясь про себя, что всех этих летунчиков не взяли под контроль военные ведомства или научно-исследовательские лаборатории. Ведь с их помощью можно следить, например, за соседями или летать над частными владениями? Параноидальный синдром захватил ее мгновенно, и Эмма живо себе представила, как «трутни» величиной с настоящих насекомых следят за каждым человеком, снимают частную жизнь на пленку, записывают разговоры. Реальная возможность тотальной слежки. Мир, в котором Эмма ни за что не хотела бы жить!

Она постаралась отогнать от себя весь этот кошмар. Подняла голову и увидела вдалеке висящий над набережной парк Хай Лайн — конструкцию из металла и бетона — и вспомнила, что внизу находится кафе Новоски, где можно выпить самого вкусного шоколада в Нью-Йорке.

— Давай-ка собирай свои манатки, — распорядилась она. — Угощу тебя вкусным завтраком!

Кафе Новоски

10 минут спустя

Ромуальд откусил немалый кусок пирога с вишней, отпил глоток горячего шоколада.

— Успокой меня и скажи, что ты хоть что-то ел в последние три дня?

Паренек утвердительно кивнул и отправил в рот вторую половину пирога.

— Когда-нибудь я научу тебя есть красиво, — пообещала молодая женщина и вытерла бумажной салфеткой крошки, прилипшие к уголку рта Ромуальда.

Он по своему обыкновению потупился и взялся за край свитера, натягивая его. Снова Эмме стало жаль бесприютного мальчишку.

— Где ты живешь, Ромуальд?

— В молодежном общежитии в Челси.

— А родителям часто звонишь?

— Не волнуйтесь за них, — пробурчал он в ответ.

— Я тревожусь за тебя. У тебя есть деньги?

— Хватает, не сомневайтесь, — уверил он, потерев волосы и поторопился перевести разговор на другую тему. — А зачем я вам понадобился?

— Я хочу, чтобы ты осмотрел мой ноутбук, — объяснила Эмма, достала компьютер из сумки и положила перед Ромуальдом.

Ромуальд отпил еще глоток шоколада, потом включил компьютер, который открылся на почте.

— В чем проблема?

— С некоторых пор я получаю очень странные сообщения. Ты можешь установить, откуда они приходят?

— Конечно. Это не так уж трудно, — сказал он.

— Не трудно? Вот и отлично! Покажи мне, на что способен, — подначила его Эмма. — Речь идет о моей переписке с Мэтью Шапиро.

Ромуальд выделил все послания Мэтью Шапиро и собрал их в папку, расположив в хронологическом порядке. Изучение начал

с первого, посмотрел шапку сообщения, IP-адрес отправителя, компанию, какой он пользовался, восстановил цепочку серверов, через которые прошло сообщение от отправителя до получателя.

Теоретически выйти на источник какого-либо сообщения было совсем не сложно, но на этот раз что-то не ладилось. На лице Ромуальда появилось упрямое выражение.

Он снял очки и стал протирать стекла полой свитера. Эмма сердито забрала у него очки, нашла в сумочке специальную салфетку, хорошенько протерла стекла и водрузила обратно ему на нос.

— Ну что? — нетерпеливо спросила она. — Нашел что-нибудь?

Ромуальд ничего не ответил и открыл второе сообщение, с ним он проделал все то же самое, потом открыл третье. Открыл ответ Эммы на послание Мэтью.

— Ну, не томи... Что ты там нашел, таракашка?

— Числа... — пробурчал Ромуальд. — Можно подумать, что этот тип посылает вам послания из будущего...

— Спасибо. Я это успела заметить. И как ты можешь это объяснить?

Ромуальд покачал головой:

— Никак не могу.

— Постарайся! Сделай усилие!

Ромуальд выбрал одно из сообщений Мэтью и, поведя пальцами по встроенной мышке, открыл зону, скрытую шапкой.

— В ноутбуке обмен информацией происходит между двумя IP-адресами, так?

Эмма кивнула, паренек продолжал:

— Из одного компьютера в другой сообщение передается цепочкой промежуточных серверов, и каждый из них помечает дату и час прохождения сообщения.

Эмма подвинула стул поближе и уставилась на экран, на котором Ромуальд последовательно открывал информацию, чтобы можно было следить за путем прохождения послания Мэтью из почтового ящика его компьютера до ее почты.

— Вот парень посылает вам сообщение, — принялся объяснять Ромуальд. — Первые серверы показывают дату 2011, но внезапно на середине пути один из серверов делает что-то вроде прыжка во времени и появляется дата: 2010 год. То же самое происходит и тогда, когда пишете вы.

— Но этому должно быть логическое объяснение, — настаивала Эмма. — Ты никогда не слышал, чтобы твои коллеги рассказывали о таких случаях? Твои знакомые или опытные пользователи на форумах? Какие-нибудь хакеры?

Ромуальд отрицательно покачал головой. Он помолчал, потом снова заговорил:

— Странность заключается не только в числах...

— А в чем еще?

Ромуальд ткнул пальцем в экран компьютера.

— Данные источника сообщения и места его прибытия одинаковые. Как будто оно отправляется из 2011 года, чтобы прибыть в 2010-й, но происходит это в одном и том же компьютере.

Ромуальд понимал, какое действие может оказать это сносшибательное сообщение. Эмма побледнела, как полотно, и отшатнулась. Желая ее успокоить, он предложил провести дополнительную экспертизу этой переписки, задействовав для этого более компетентных специалистов.

Он продолжал еще что-то говорить, когда мелодичный звоночек оповестил их о получении нового сообщения по электронной почте.

Эмма повернула к себе компьютер. Как она и боялась, это было новое сообщение от Мэтью.

От кого: Мэтью Шапиро

Кому: Эмма Ловенстайн

Тема: Цена молчания

«Эмма,

мне трудно понять, почему Вы не отвечаете. Не могу поверить, что Вам не хочется разобраться в том, что с нами происходит. Определить пределы допустимого: что возможно для нас и что невозможно. Я знаю, что Вам страшно, но любопытство должно Вам помочь преодолеть страх.

Возможно, Вам нужно получить еще один знак, и тогда Вы решитесь. Но что именно Вам нужно? Новое доказательство? Деньги? Вот и то и другое, если так можно выразиться.

Пожалуйста, ответьте.

Мэтт».

К письму был присоединен файл PDF, который оказался статьей из «Нью-Йорк таймс» от понедельника 23 декабря 2010 года.

Шведская туристка выиграла пять миллионов долларов в казино в день своего столетия.

«Туристке повезло! Она выиграла в ночь с субботы на воскресенье более 5 миллионов долларов (если точно, 5 023 466) на игровом автомате, играя в „Русалочку“ в казино гостиницы „Нью-Бленхейм“ в Атлантик-Сити. Ничего не скажешь, кругленькая сумма! Да еще в день, когда ей исполнилось сто лет! Госпожа Лина Нордвич приехала из Стокгольма вместе с группой шведских пенсионеров, совершающих туристическое путешествие по северо-востоку Соединенных Штатов. Туристка рассказала, что в 20 часов 45 минут опустила в щель автомата два доллара. Под аплодисменты всего игрового зала „Нью-Бленхейм“ госпожа Нордвич сообщила, что потратит эти деньги на осуществление своей мечты: они с мужем совершат кругосветное путешествие на воздушном шаре».

На фотографии возле игрового автомата, опираясь на ходунки, стояла экстравагантная столетняя старушка в соломенной шляпке и в футболке с надписью «Люблю Стокгольм».

Эмма взглянула на часы.

Половина шестого.

У нее в запасе еще три часа.

Действовать нужно было быстро. Теряться и дальше в сомнениях она не могла. Она хотела все выяснить. Раз и навсегда.

— Ромуальд, ты знаешь, где тут можно взять напрокат машину?

— Наверное, в «ФастКар», это на пересечении Гансвурта и Гринвича, метров триста отсюда.

— Спасибо, я поняла, где это, — поблагодарила Эмма, поднимаясь и кладя на стол 20 долларов.

Она застегнула пальто на все пуговицы, прежде чем выйти на холодную улицу.

— Благодарю тебя за помощь, Ромуальд. Береги себя.

— Я позвоню вам, если найду еще что-нибудь, и... Будьте все же поосторожнее!

Эмма вышла из кафе и помахала парнишке через окно с улицы.

Когда Эмма подошла к прокатному пункту, уже совсем стемнело. В холодной комнате она простояла в очереди минут двадцать и в результате попала к такому злобному хаму, что на какой-то миг решила даже отказаться от своего проекта. Но в конце концов все-таки взяла первую машину, которую он предложил, — универсал ярко-оранжевого цвета. Заплатила с помощью кредитной карты и по тоннелю Холланда выехала из Манхэттена, чтобы дальше направиться на юг.

Эмма терпеть не могла ездить ночью, тем более по незнакомой дороге. Хорошо еще, что автострада Нью-Йорк — Атлантик-Сити была хорошо освещена. Эмма ехала по автомагистрали Гарден Стейт Парквей вдоль побережья Нью-Джерси и всеми силами старалась не поддаваться обуревающим ее страхам. Включила радио, нашла спокойную музыку и принялась подпевать, лишь бы ни о чем не думать. Но ей это плохо удавалось.

Из боязни опоздать она то и дело посматривала на панель, чтобы чуть ли не ежесекундно отслеживать время. И только успокоилась, что не опаздывает, как попала в пробку. Эмму буквально затрясло от волнения. Через такое скопление машин ей никак не пробиться к скоростной магистрали.

Прежде чем пробка рассосалась, ждать пришлось довольно долго.

Но вот Эмма въехала наконец в столицу игрового бизнеса Восточного побережья США. В город, который всегда вызывал у нее неприязнь и куда по собственной воле она бы никогда не сунулась.

Эмма снова взглянула на часы.

Двадцать часов двадцать пять минут.

Эмма двинулась по Атлантик-авеню, откуда было рукой подать до знаменитой приморской набережной, протянувшейся на многие километры. Главным образом тут и располагались самые большие казино, составившие славу этого курорта.

Вечер только начинался. Город кипел и бурлил. По главной его артерии, сиявшей вывесками гостиниц, театральных залов и ресторанов, тек нескончаемый поток туристических автобусов и навороченных лимузинов вперемешку с причудливыми таратайками.

Двадцать часов двадцать девять минут.

И все-таки светофор остановил нескончаемый поток. Эмма поспешила воспользоваться остановкой и повернула, нырнув в море неоновых светов. Ей не составило труда узнать на набережной характерный силуэт «Нью-Бленхейма», последнего построенного в Атлантик-Сити казино, фотографии которого она видела в журналах. Развлекательный комплекс был закончен в 2000 году. По задумке создателя, он, словно мощная флотилия среди волн морских, которые изображали четыре стоящие цепочкой пирамиды, возвышался на шестьдесят метров над уровнем моря. Ночью гостиницы-пирамиды светились лазоревым цветом двух тысяч окон своих номеров и напоминали эскадру межгалактических кораблей, готовых ринуться в бой на невидимого врага.

Двадцать часов тридцать четыре минуты.

Эмма обогнала такси и сумела подъехать к автостоянке «Нью-Бленхейма», располагавшейся под зданием и занимавшей шесть этажей. Она оставила там машину и побежала к одному из множества Лифтов, чтобы попасть в холл гостиницы. В холле Эмма нашла интерактивный план зала и определила, где находится зал игровых автоматов.

Двадцать часов тридцать девять минут.

Чего только не было в этой гигантской гостинице — дюжина ресторанов, спа, бассейн, два ночных клуба, три бара и 10 000 квадратных метров, занятых залом для игр! Эмме не составило труда найти его и запомнить, каким образом до него добраться. Права на ошибку у нее не было.

Двадцать часов сорок минут.

Эмма бегом пересекла холл, поднялась на одном лифте, потом на втором и побежала по гигантской стеклянной галерее, соединяющей пирамиды между собой. Теперь нужно спуститься этажом ниже. Эмма встала на эскалатор. Потом показала

удостоверение личности охранники, и... Она в зале игровых автоматов.

Двадцать часов сорок одна минута.

Ад игроков представлял собой просторное помещение с низким потолком. Окон в нем не было, и это производило гнетущее впечатление, несмотря на веселое позвякивание автоматов. Эмма обменяла 50 долларов на жетоны и быстрым шагом пошла вдоль ряда безруких бандитов: джекпот, «Клеопатра», «Короли дороги», «Белый Буйвол»... Сотни автоматов — цепочка жадных щупальцев, тянущихся к тебе и днем, и ночью!.. Эмма двигалась вместе с шумной толпой, которая перемещалась по лабиринту «зала аттракционов». Рядом с ней были молодые парнишки, играющие в прожигателей жизни, отцы семейств, надеющиеся сорвать большой куш, заядлые игроки с отрешенными лицами зомби, которые вновь и вновь пытали свою удачу, тридцатилетние ребята, пришедшие с друзьями хоронить холостяцкую жизнь, морщинистые и беззубые старички, ищущие ярмарочных радостей давнего детства.

Двадцать часов сорок три минуты.

Эмме трудно было понять, как можно веселиться в таком ужасном месте. Лоб у нее покрылся бисеринками пота, голова слегка кружилась. Несмотря на величину, помещение казалось тесным и давящим. Эмму подташнивало, и она на секунду остановилась, чтобы перевести дыхание и немного прийти в себя.

Тут-то она и заметила соломенную шляпку среди каскеток. И постаралась подойти поближе к группе шведских пенсионеров. Никаких сомнений не было, она видела перед собой Лину Нордвич, столетнюю пенсионерку в футболке с надписью «Люблю Стокгольм». Лина правой рукой прижимала к себе коробку с жетонами, а левой крепко держалась за металлический поручень ходунков на колесиках. Со скоростью улитки она продвигалась к следующему ряду автоматов, который начинался с автомата «Русалочка». Забыв о правилах хорошего тона, Эмма рванула вперед и первой встала у экрана.

— Du gick in i mig! Jag är en gammal dam! Tillbaks till skolan med dig så att du kan lära dig lite hyfs!^[26] — возмутилась недовольная старушка.

Восемь часов сорок четыре минуты.

Эмма едва извинилась, подумав про себя: «Ворчи, ворчи, мне сейчас не до тебя!» Дождалась, когда шведка заковыляет дальше, и бросила первый жетон в щель автомата.

Двадцать часов, сорок пять минут.

«Глупость, глупость и глупость...» — повторила про себя Эмма и нажала на кнопку, запуская игру.

«И все-таки ставки сделаны, господа!» — усмехнулась она, когда пять барабанов закрутились на бешеной скорости.

Бостон, 2011

Двадцать два часа

— Черт! — завопила Эйприл. — Черт бы тебя побрал!

Она доставала пирог из духовки, не думала, что он такой горячий, обожглась, выпустила из рук, и стеклянная форма с грохотом разбилась вдребезги.

Примостившийся на диване Мэтью подскочил от неожиданности. Он уложил дочку спать и сам теперь, усталый, подремывал за «Этой прекрасной жизнью». Фильм Фрэнка Капры по традиции непременно шел по телевизору в предновогодние дни, и все знали его чуть ли не наизусть.

— А потише можно? — возмущенно зашипел он. — Не хватало только, чтобы Эмили проснулась!

— Не беспокойся, не проснется! Моей чудесной коврижке какую, — горько пожаловалась Эйприл. — А ведь я раз в год берусь за стряпню!

Мэтью сидел и тер глаза. Ему было зябко, паршиво. Похоже, заболевает.

Весь вечер он слал послания Эмме, стараясь убедить ее, что разрыв во времени реален, но она так и не ответила.

Мэтью перешел из гостиной в кухню и молча принялся помогать Эйприл ликвидировать последствия ее бурной деятельности. Потом в сто пятидесятый раз заглянул в почту.

И вдруг письмо!

Он и ждать перестал, как вдруг Эмма отозвалась несколькими короткими строчками.

От кого: Эмма Ловенстайн

Кому: Мэтью Шапиро

Тема: Джекпот

«Мэтью, Вам, как большому любителю газет, предлагаю прочитать еще раз статью в „Нью-Йорк таймс“...

Эмма».

Что она имеет в виду? Почему предлагает перечитать статью? А что, если?.. Неужели?!

Мэтью сразу сделалось жарко. От лихорадочного возбуждения кровь застучала в висках. Придвинув табурет, он сел перед компьютером, который так и лежал на стойке в кухне. Так. Спокойствие. Сейчас ему нужна абсолютно ясная голова. Одной рукой Мэтью искал нужный номер в архиве «Нью-Йорк таймс», другой — управлял кофеварку, собираясь сварить себе чашечку накрепчайшего кофе. Найти номер от 23 декабря 2010 года, вышедший в понедельник, не составило труда. Мэтью перекачал его себе в формате PDF и теперь с помощью мышки листал толстенную газету в поисках нужной статьи. И никак не

мог найти. Хотя он прекрасно помнил одиозную фотографию: старушка-шведка, опираясь на ходунки, гордо позирует перед игровым автоматом. Но фотографии не было. Тогда он заставил себя внимательно просмотреть газету еще раз и в конце концов нашел очень скромное сообщение без всяких фотографий о том, что произошло в Атлантик-Сити.

Молодая жительница Нью-Йорка выиграла пять миллионов долларов в казино, опустив всего лишь один жетон!

Молодая женщина, пожелавшая остаться неизвестной, унесла с собой вечером в субботу более 5 миллионов долларов (точная цифра: 5 023 466), выиграв их на игровом автомате «Русалочка» в казино гостиницы «Нью-Бленхейм» в Атлантик-Сити. Кругленькая сумма, полученная как результат вложения всего-то двух долларов! Выигравшая призналась, что она, как только вошла в зал в 20 часов 45 минут, сразу же выбрала автомат и начала играть, опустив жетон. Под аплодисменты игроков казино «Нью-Бленхейм» везучая красавица сообщила, что «возможно, купит себе новую машину, но никогда не расстанется со своим компьютером...».

Не в силах прийти в себя от изумления и неожиданности, Мэтью еще раз перечитал записку. В горле у него пересохло, лоб покрылся капельками пота. Он решил смочить горло и отпил глоток кофе, но проглотил его с большим трудом. Тогда он собрался встать и немного поразмяться, но на экране появилось новое письмо.

От кого: Эмма Ловенстайн
Кому: Мэтью Шапиро

«Вот так, Мэтью. А теперь что мы будем делать?»
Эмма».

Мэтью, словно эхо, повторял и повторял про себя вопрос: а теперь что мы будем делать? Если честно, он понятия не имел. Но хорошо, что этот вопрос задавал себе уже не он один!

И вдруг у него в мозгу будто полыхнула молния. Сердце замерло, а потом заколотилось быстро-быстро: в миг, когда Эмма посылала ему письмо, Кейт еще была жива...

Часть Третья

ВЕРОЯТНОСТИ

День Четвертый

10

Рука, Что Баюкает Ребенка

Рука, что баюкает ребенка, властвует над миром.
Уильям Уоллес

Бостон
22 декабря 2010
11 часов утра

Зависть.
Ревность.
Обида.
Чувства, которые вспыхнули в сердце Эммы, смотревшей на счастливую семью Шапиро, отдавали горечью.

В воскресное утро Мэтью, его жена и малыш Эмили шли не спеша по одной из заснеженных аллей Паблик-Гарден. На рассвете большой бостонский парк покрыла легкая сверкающая пелена. Первый выпавший в эту зиму снег выбелил город, придав ему праздничный вид.

— Иди ко мне на руки, мышка! — проговорил Мэтью, подхватывая дочь, чтобы показать ей большого серебристого лебедя, что плыл вслед за утками по глади озера.

Эмма сидела неподалеку на скамейке и пристально, нисколько не прячась, разглядывала счастливое семейство. Ей нечего было опасаться. «Мэтью 2010 года» понятия не имел о ее существовании. Парадоксальная, невероятная ситуация будоражила и возбуждала Эмму. Хотя сегодня она чувствовала себя отдохнувшей. Она проспала всю ночь в автобусе «Грейхаунд», который вез ее из Атлантик-Сити в Бостон. Накануне вечером в администрации казино она заполнила и подписала несколько документов. Неизбежная формальность, чтобы на ее банковский счет поступила выигранная ею сумма. Первые снежинки, кружащиеся в небе Атлантик-Сити, она заметила, поглядев в окно в «Нью-Бленхейме». Заметила и подумала, что ей совсем не улыбается всю ночь вести машину под падающим снегом. Она отдала ключи от арендованного авто швейцару казино и попросила вернуть ее в местный филиал агентства. Потом села в такси, доехала до автовокзала и купила билет на автобус до Бостона. Полупустой автобус покинул Атлантик-Сити в 23 часа 15 минут. Всю ночь водитель ровно и спокойно вел автобус. Эмма лишь приоткрыла глаза во время остановки в Хартфорде, но окончательно проснулась только в восемь часов утра, когда «Грейхаунд» въехал в столицу Массачусетса.

Эмма остановилась в «Четырех временах года», большой гостинице возле парка. Имея на счету несколько миллионов долларов, она могла себя немного побаловать. Позвонила в «Император», сказала, что больная и предупредила, что не выйдет на работу всю неделю. Потом приняла душ, купила теплое пальто в магазинчике при гостинице и отправилась бродить по извилистым улочкам Бэкон-Хилл. В голове у нее не было никакого точного плана. Одни вопросы. Хочет ли она познакомиться с Мэтью? И что она ему скажет? И как это сделать, чтобы он не считал ее сумасшедшей?

Прежде чем на что-то решиться, Эмме хотелось посмотреть, как выглядит этот самый Мэтью Шапиро. Адрес молодого

преподателя философии она знала: дом Браунстоун на пересечении Луисбург-сквер и Уиллоу-стрит.

Удивительное очарование квартала Бэкон-Хилл сразу покорило Эмму. Шагая по неровным плиткам тротуара, она воображала себя героиней романов Генри Джеймса. Казалось, она переселилась в девятнадцатый век. Фасады магазинчиков были деревянными и покрашены в разные цвета. Голубоватым призрачным светом светились газовые фонари. Извилистая улочка неожиданно приводила к садику, в котором за витой железной оградой стояло несколько деревьев.

Эмма без труда нашла дом, принадлежащий семье Шапиро. Дом из темного кирпича с дверью, украшенной гирляндой из еловых лап с шишками и бантами. Примерно с час она ждала, погрузившись в безвременье, наслаждаясь удивительным чувством: будто она спрятана в снежный шар, прелестную игрушку ее детства. Волшебный стеклянный шарик нужно было слегка потрясти, и на крыши красных кирпичных домиков сразу начинал кружиться и сыпаться снег. А теперь она сама была внутри шара, и невидимое стекло защищало ее от безумия опасного мира.

Часов в десять дверь дома открылась и на пороге появился он, собственной персоной, Мэтью Шапиро, во плоти и крови. На голове у него была шерстяная лыжная шапочка, в объятиях он крепко держал маленькую дочку и осторожно спускался с ней по скользким ступеням крыльца. Став на землю, Мэтью удобно устроил дочку в прогулочной коляске, напевая ей смешную детскую считалку. Эмма пришла к выводу, что живой Мэтью куда обаятельнее, чем эфемерный образ в ее мечтах. Уже по электронному общению чувствовалось, что он человек прямодушный, здоровый и основательный. Его возня с дочкой свидетельствовала еще и о доброте, а это качество, столь редкое в мужском характере, в глазах Эммы было самым привлекательным.

Затем появилась она. Другая женщина. Кейт Шапиро. Молодая, светловолосая, тонкая, стройная, не просто красавица — совершенство. Строгая патрицианская красота, смягченная материнской нежностью, овеванная таинственностью: большие светлые глаза, высокие скулы, полные губы, белая кожа и волосы, собранные в узел, как у героинь фильмов Хичкока.

Рядом с женщинами, подобными Кейт, Эмма чувствовала себя ничтожеством. Появление Кейт стало для нее ударом. Немного опомнившись, Эмма двинулась следом за маленьким семейством, решившим прогуляться по парку, который раскинулся между Бэкон-Хилл и Бэк Бэем.

— Смотри-ка, детка! — окликнула Кейт дочку и показала на пушистый беличий хвост, торчащий из-за дерева.

Девчушка тут же вылезла из коляски и побежала ловить белку, но споткнулась и растянулась, пропахав носом в землю. Не столько от боли, сколько от обиды малышка разревелась.

— Иди скорее, сердечко мое, иди к папочке! — Мэтью подхватил крошку и снова усадил в коляску. Семья Шапиро продолжила прогулку. Перейдя через Чарльз-стрит, они вошли в Бостонский муниципальный парк, который зимой превращался в огромный каток.

Кейт купила у разносчика жареные каштаны и дала дочке горсть в утешение. Они грызли каштаны и смотрели на конькобежцев, особенно на тех, кто выделял сложные трюки. Или падал со всего размаха. Малышку особенно смешили падения.

— Как смешно, когда другие падают, да, мышонок? — поддел дочку Мэтью.

Родители с девочкой, не торопясь, приближались к центру обширной площадки, где толпилась большая часть гуляющих. Мэтью посадил дочку себе на плечи. Сияющими глазенками девочка смотрела на великолепное убранство огромной елки, которую по давней традиции жители Галифакса подарили жителям Бостона.

Эмма стояла в нескольких шагах от счастливой семейной пары и не сводила глаз с маленькой девочки. Глаза у нее сияли точно так же, как у малышки. Сияли и таили в глубине горечь.

Никогда в жизни Эмма не знала, что такое тепло супружеской любви. Не знала доверчивой нежности, перетекающей от одного к другому. Почему так случилось? Чего ей не хватает, чтобы и на ее долю выпало такое счастье?

Бостон
22 декабря 2011
Среди ночи

Мэтью в пижамных штанах и футболке «Ред Соке» зажег свет у зеркала в ванной комнате.

Разве заснешь теперь? Горло перехватило так, что трудно дышать, сердце бухает, и удары отдаются в висках. Мэтью нашел в аптечке болеутоляющее и запил водой из-под крана сразу две таблетки. Спустился по лестнице вниз, в кухню.

Вот уже три часа он вертелся с боку на бок в постели, чувствуя, что сходит с ума. Ему не давала спать одна очень странная идея, становясь с каждым мигмом неотступнее. Безумная идея. Невероятная. Слишком невероятная, чтобы воплотиться и стать реальностью. Идея, от которой у него перехватывало горло и кружилась голова.

Он должен убедить Эмму помешать катастрофе с Кейт!

Чем больше он думал об этом, тем явственнее пульсировало в нем слово анастасис, по-гречески воскрешение из мертвых, возвращение к жизни.

А почему бы и нет? Как в научной фантастике. Но, может быть, и в реальности существует не только теоретическая, но и практическая возможность, вернувшись в прошлое, изменить течение настоящего времени? Слабая надежда, но он должен использовать выпавший на его долю шанс!

Эта безумная мечта всегда сопровождала человечеству! Мечта повернуть время вспять и исправить все ошибки и несправедливости жизни... Мэтью подумал об Орфее и почувствовал себя древним певцом с лирой в руках, который спускается к вратам ада и молит богов вернуть ему умершую жену. Кейт была его Эвридикой! Но для того чтобы вызволить ее из царства мертвых, ему нужна была помощь Эммы Ловенстайн.

Мэтью нащупал в потемках выключатель и зажег бра над стойкой в кухне. Открыл ноутбук, включил его и стал писать Эмме письмо, вкладывая в него всю свою веру, всю свою душу.

Бостон

Семья Шапиро, постояв возле катка, двинулась дальше. Эмма шла за ними, приглядываясь к городу, привыкая к нему, стараясь научиться ориентироваться. Этот город сразу лег ей на душу: он был красивее и интеллигентнее Нью-Йорка, менее шумным и сумасшедшим. Классика и современность дружелюбно встречались здесь на перекрестках, прошлое и настоящее уживались в гармонии.

Внезапно в воздухе повеяло ароматом жареного кофе. Они приближались к Норт Энду, итальянскому кварталу. На Гановер-стрит при одном только взгляде на витрины кафе и кондитерских текли слюнки: моцарелла буффало, артишоки по-римски, хрустящее миндальное печенье, струффоли в меду, трубочки, истекающие кремом...

Держась за руки, Мэтью и его жена вошли в просторное кафе, состоявшее словно бы из одних больших застекленных окон. Как видно, сюда они ходили довольно часто. Траттория «Фактори» пользовалась успехом у горожан: в ней царили благочинный семейный уют и безудержное веселье, присущее молодости, — ее любили как влюбленные студенты, так и местные старожилы. Эмма вошла следом за Шапиро и попросила для себя столик.

— Вы одна, мисс? — осведомилась официантка тоном, в котором звучало что-то вроде упрека.

Эмма кивнула. Час был еще ранний, в кафе уже сидели посетители, но свободных мест было более чем достаточно.

— И вы не заказали столик заранее?

Еще один упрек.

На него Эмма вообще не стала отвечать, обойдя молчанием высокомерие двадцатилетней девицы, носящей длинные прямые волосы и мини-шорты, выставяющие напоказ ее очень длинные и прямые ноги.

— Подождите, пожалуйста. Я пойду узнаю, остались ли у нас места.

Эмма посмотрела вслед девице: развернувшись, та плавно двигалась по залу, словно шла по подиуму. Желая поднять себе настроение, Эмма подошла к бару — стойке из фиброцемента, окруженной металлическими табуретами, — и заказала коктейль «Кайпироска».

Вышло солнце и залило кафе ярким светом. Это кафе, расположившееся на нескольких уровнях, своими серыми тонами и грубо обработанным деревом напомнило Эмме нью-йоркские рестораны, оформленные в индустриальном стиле. На стойке в качестве главного украшения лежал копченый окорок и рядом ручная резка, а из глубины зала доносилось потрескивание огня печи для пиццы.

— Пожалуйста, следуйте за мной, мисс, — позвала ее вернувшаяся официантка.

Бармен, подмигнув Эмме, дал понять, что сейчас принесет ей коктейль за столик. По счастью, ее посадили буквально в десяти метрах от Мэтью и его жены. Обрадованная идеальным постом наблюдения, Эмма согрелась своим водочным коктейлем, заказала второй и попросила принести ей еще дораду под соусом тартар и маленькую пиццу с артишоками и салатом.

Стараясь получше рассмотреть семейство Шапиро, Эмма прищурилась. Да, ничего не скажешь, они были счастливой семьей. Шутили, смеялись. Мэтью валял дурака, развлекая дочку, и Кейт от души смеялась вместе с малышкой. Не было сомнений, что перед Эммой сложившаяся пара, муж и жена говорят на одном языке. Эмма перевела взгляд на девочку по имени Эмили.

Э-МИ-ЛИ. Три слога отзывались в ее душе странным болезненным эхом. С давних пор она говорила себе, что назовет так свою дочку, когда она у нее родится. И теперь, слыша его из уст Мэтью, ей становилось еще печальнее. Соль на живую рану...

Эмма не говорила об этом никому, даже своему психотерапевту, но на протяжении двух лет, пока длилась ее пунктирная связь с Франсуа, она втайне пыталась забеременеть. Обманывала любовника, говоря, что пьет таблетки, но сама не пила их. Напротив, тщательно следила за циклом и при возможности всякий раз, когда опасность была особенно велика, шла навстречу сексуальным желаниям партнера. Поначалу она говорила себе, что ребенок заставит Франсуа расстаться с женой. Потом поняла, что появление ребенка никак не повлияет на поступки ее любовника, зато ее решимость иметь ребенка окрепла...

Но желанного ребенка Эмма так и не дождалась. В общем-то, она не отчаивалась. Тридцать три года не такой уж безнадежный возраст. Но однажды, листая журнал в приемной своего доктора, она наткнулась на статью о преждевременной менопаузе. Ее тронули и напугали признания женщин, расставшихся с возможностью иметь детей на пороге тридцати. Хотя у нее самой не было причин для беспокойства, с циклом у нее было все в порядке, и месячные всегда приходили вовремя, но все же после этой статьи где-то глубоко-глубоко внутри ее души затаился страх. Чтобы положить конец своей тревоге, она купила в аптеке тест на «биологические часы». Процедура оказалась серьезной. Надо было на второй день месячных сдать кровь на анализ. Кровь посылали в специальную лабораторию и там ее тестировали, проверяя количество трех гормонов, которые позволяли сделать вывод о количестве формируемых яйцеклеток и сравнить его с тем, которое считается нормальным для женщин определенного возраста.

Эмма получила результат теста спустя неделю по почте и узнала, что он соответствует женщине, которой за сорок. Она была убита. Нужно было или пройти тест повторно, или пойти к гинекологу, но Эмма этого не сделала. Она предпочла вытеснить из сознания эту удручающую информацию, и теперь та вернулась к ней разрушительным бумерангом.

Гнев и страх душили Эмму. Она чувствовала, что дрожит. Желая прогнать дурные мысли, она снова стала наблюдать за семьей Шапиро.

Но гнев и обида не рассеялись. Она вновь почувствовала себя жертвой страшной несправедливости, ее осаждали вопросы, на которые у нее не было ответов. Почему людям удается оказаться в нужный момент в нужном месте и встретить свою половинку? Почему не все имеют право на взаимную любовь и семейное счастье? От чего зависит счастливая судьба — от заслуг? Удачи? Случайности? Воли высших сил? Что она сделала в жизни не так? Почему стала такой одинокой, уязвимой и неуверенной в себе?

Эмма подозвала официантку, попросила ее убрать со стола и достала из сумки ноутбук. В Бостоне со связью был полный порядок, и в ресторане работал вай-фай, к которому свободно могли подключаться клиенты. Она открыла почту, чтобы посмотреть, какие пришли сообщения, и, как ожидала, нашла сообщение Мэтью.

От кого: Мэтью Шапиро

Кому: Эмма Ловенстайн

Тема: Sustine et Abstine

«Претерпевай и не ропщи».

Вы знаете эту максиму стоиков, Эмма?

Они призывали принимать неизбежность и покоряться судьбе. Для стоиков желание изменить порядок, установленный Провидением, не имело никакого смысла.

Почему? Потому что мы не имеем никакой власти ни над болезнью, ни над смертью любимого существа. Мы бессильны перед страданием и горем. Мы можем только их усугубить и продлить самым унижительным образом.

Именно это я и делал на протяжении года, пытаюсь смириться со смертью моей жены Кейт, любви всей моей жизни. Пытаюсь принять то, что принять невозможно. Сцепив зубы, жить ради моей дочери Эмили.

Но все изменилось, когда я купил ваш ноутбук. Точно так же, как Вы, я не могу понять, что творится со временем. Но давайте признаем, что есть феномены, которые не поддаются логическому объяснению, их еще не истолковали ученые, и мы с Вами испытываем нечто загадочное на себе.

Мы «оступились во времени», как сказал бы Эйнштейн.

Но благодаря этому сегодня с Вашей помощью я, быть может, получаю возможность, какой небеса никогда еще не даровали человеку, — возможность воскресить любимую.

Умоляю Вас, Эмма, помогите мне!

В Ваших руках жизнь моей жены. Я Вам уже рассказывал обстоятельства ее смерти. 24 декабря, в начале десятого, она села в машину после дежурства и, выезжая со стоянки возле больницы, была сбита муковозом. Вы можете предотвратить эту катастрофу, Эмма!

Сделайте все, что угодно, только помешайте ей сесть в машину, проколите все четыре шины у ее «Мазды», насыпьте в бензин сахару, перережьте шланг. Или найдите способ, чтобы она вообще не ходила в этот день на работу. Придумайте что угодно, лишь бы не случилось этого ужаса!

Вы можете вернуть мне жену и даже гораздо больше — можете вернуть мать моей маленькой дочери. Вы можете воскресить нашу семью. Я знаю, что Вы человек благородный, и не сомневаюсь, что поможете мне. Моя благодарность безгранична.

Эмма, Вы можете просить у меня ВСЕ, ЧТО ТОЛЬКО ПОЖЕЛАЕТЕ. Если Вам нужны еще деньги, я могу сообщать вам счастливые номера лотерейных билетов, выгодные биржевые операции, с каким счетом будут выигрывать команды. Вы можете попросить у меня любую сумму, и я помогу Вам ее получить.

Обнимаю Вас.

Мэтт.

Письмо оказалось последней каплей. Не в силах совладать с собой, Эмма ответила несколькими строками, в которых выплеснулся весь ее гнев, вся ее обида.

От кого: Эмма Ловенстайн

Кому: Мэтью Шапиро

Тема: Re: Sustine et Abstine

«Вовсе не денег я хочу, жалкий вы человек!

Я хочу любви! Хочу иметь семью!

Хочу того, чего не купишь ни за какие за деньги!»

Эмма нажала на клавишу, отправляя послание, и тут обнаружила, что Мэтью с женой и дочкой уходят. Она закрыла ноутбук и попросила счет. Наличных у нее не было, и она расплатилась карточкой, но вынуждена была ждать, когда ей наконец принесут обратно этот дурацкий пластиковый прямоугольник.

Эмма поспешно вышла на Норт-стрит и увидела, что счастливое семейство уже движется не спеша по Гановер-стрит. Она долго шла за ними по великолепной улице с фонтанами, маленькими бассейнами, красивыми фонарями и деревьями по обеим сторонам. После пятнадцати лет неустанных гигантских усилий Бостону удалось осуществить подвиг. Он похоронил автостраду, которая его уродовала. Теперь дорога в восемь полос спряталась под землей, стала невидимкой, уйдя в чрево города. А наверху возникло новое свободное пространство с островками зелени, уютными уголками, целиком предоставленными в распоряжение пешеходов.

Эмма дошла с Мэтью и Кейт до перекрестка Кембридж-стрит и Темпл-стрит. У перехода Мэтью и Кейт обменялись беглым поцелуем и разошлись в разные стороны. Расставание застало Эмму врасплох, на секунду она застыла в нерешительности. Сообразив, что Мэтью с дочкой вернутся к себе домой в Бэкон-Хилл, она решила последовать за Кейт.

Молодая женщина миновала вертикальные конструкции Олд Вест Черча и оказалась поблизости от более современного квартала, где чарующую патину кирпичных особнячков сменили холодные блики стекла и металла. Эмма подняла голову и взглянула на светящуюся надпись. Оказывается, она у главного входа в ГБМ, Главную больницу Массачусетса.

Здание больницы затерялось в квартале-спруте, где высотные здания теснились одно подле другого без видимого смысла и уж, конечно, без всякой красоты и гармонии. Больница, похоже, тоже постепенно разрасталась, как разрастаются колонии грибов. К первому уже постаревшему зданию прилепилась гроздь новых строений, и каждое было просторнее и выше предыдущего. И больничный комплекс продолжал строиться. В окружении подъемных кранов, строительных вагончиков, грузовиков и бетономешалок из земли выползло нечто гигантское.

Кейт чувствовала себя как дома в этом недобром хаосе и быстро направилась к импозантному кубу из бирюзового стекла, который приютил под своей крышей кардиологический центр. Врач-хирург Кейт Шапиро взбежала спортивным шагом по лесенке и исчезла за автоматическими дверями, которые гостеприимно раздвинулись перед ней. Эмма догадалась, что Кейт

отправилась на дежурство в специализированное кардиологическое отделение ГБМ.

Некоторое время она стояла в нерешительности. Последовать за Кейт в больницу не было никакой возможности. Ее тут же заметили бы и выставили вон. Да, собственно, что ей делать в этой больнице? Эмма собралась уже уходить, но любопытство оказалось сильнее. Оно было просто непреодолимым. В ее жилах бурлил адреналин, делая ее решительной и бесстрашной.

Она посмотрела в одну сторону, в другую, ища подсказки. День был воскресный, и обширная автостоянка была занята выстроившимися в два ряда «Газелями» со всевозможными товарами. Широко распахнув задние двери, они предлагали, что могли: продукты, лекарства, хозяйственные мелочи, белье, одежду — все вперемешку.

Эмма подошла к последнему фургончику и заглянула внутрь. Там стояли большие корзины с простынями, больничной одеждой для пациентов и халатами для врачей. Она поискала взглядом шофера. Скорее всего, он затерялся в толпе тех, кто стоял перед автоматами с напитками. Парни о чем-то толковали, не обращая ни на кого внимания. С бьющимся сердцем Эмма протянула руку и потянула к себе один из халатов. Он был явно мужским, раза в два больше, чем надо, но Эмма была страшно довольна. Надела халат, закатала рукава и вошла в кардиологический центр.

После уличной сутолоки светлый холл показался Эмме особенно просторным. Тропические растения, бамбук, орхидеи, вода в небольшом бассейне из керамической плитки — все создавало умиротворяющую атмосферу.

Эмма увидела Кейт: та стояла в середине холла и оживленно беседовала с коллегой. Вскоре разговор закончился, и Кейт, показав свой бейджик охраннику, стоявшему у входа в лечебное отделение, стала подниматься вверх по лестнице.

У Эммы не было волшебного бейджика — она осталась в холле и взяла одну из брошюр, лежавших на столике. Вспомнив свои юношеские занятия в театральном кружке, она постаралась войти в образ и стать одной из тех, кто сновал по этому холлу. Сумка за плечом, белый халат, уверенная походка — она мало отличалась от практикантов и врачей, которые то и дело проходили мимо нее. Эмма, уткнувшись в брошюру, словно в карту больного, от которой не могла оторваться, готовясь к операции, прошла мимо охранника. Он даже не взглянул на нее, и она поспешила по лестнице вслед за Кейт и вошла за ней в кафетерий для персонала. Кейт под села к столику, где сидели двое практикантов: хорошенькая метиска с тонкими чертами лица и здоровенный красивый парень, которому куда больше пошла бы футбольная форма, чем стетоскоп на шее.

Эмма села за соседний столик, желая послушать, о чем они будут говорить. Кейт поздоровалась с ними без намека на улыбку, хотя было очевидно, что именно она руководит их практикой, отказалась от кофе, которое они ей предложили, и резким тоном начала обличительную речь. Она обвиняла их в некомпетентности, употребляя самые неблагоприятные определения, называла неучами, дилетантами, верхоглядами, опасными для пациентов ничтожествами с познаниями ниже плинтуса, кандидатами на вылет. Расстроенные молодые люди пытались что-то сказать в свое оправдание, но по сравнению с агрессивным напором руководительницы их слова выглядели жалким лепетом. Кейт не пожелала их слушать, поднялась и завершила разговор серьезной угрозой:

— Если не возьметесь за ум и не поймете, что работать здесь нужно по-настоящему, можете распрощаться с мечтами о хирургии. Я без малейших угрызений совести не подпишу вам практику.

Кейт посмотрела обоим в глаза, желая убедиться, что разнос достиг цели, повернулась и направилась к лифту.

На этот раз Эмма не поспешила за Кейт, а осталась сидеть, наострив уши, выслушивая ребят, которые дали волю огорчению и гневу.

— До чего же эта сволочь груба и несправедлива!

— Вот и высказал бы ей это в лицо, Тим! А теперь-то чего кипятиться!

— Ну ты даешь, Мелисса! Как это не кипятиться, блин! Восемьдесят часов в неделю без роздыху, и мы же неучи и верхогляды!

— Да, она очень требовательна. И к себе, и к другим. Но она единственная из начальства, кто во время дежурства может подменить сиделку!

— Но это не основание, чтобы говорить с нами по-свински! За кого она себя принимает, блин?

— За лучшего хирурга этой больницы. И это так, Тим! Ты знаешь, какой у нее был балл выпускного теста? Три тысячи двести. Самый высокий с тех пор, как ввели этот тест. Никто с тех пор не набрал больше.

— Ты правда думаешь, что она супер?

— Да, она супер, и с этим не поспоришь, — признала девушка со вздохом. — Я представить себе не могу, как она все успевает. Кроме работы здесь, в центре, она заведует секцией детской хирургии, которую сама создала в Джамайке Плэйн, читает лекции, пишет статьи для самых престижных медицинских журналов, всегда в курсе всех новейших технических достижений в области хирургии...

— Значит, ты ею восхищаешься?

— Конечно. И при этом она еще жена, женщина...

— И что из этого?

— Как это что? Ты никогда не слышал о двойном рабочем дне? Она занимается еще семьей, мужем, дочкой, домом...

Тим откинулся на спинку стула и зевнул во весь рог.

— По мне, она не женщина, а робот-полицейский.

Мелисса взглянула на часы и допила свой кофе.

— Нам до нее далеко. Скорее всего, мы никогда до нее не дотянемся, — призналась она откровенно и поднялась. — И я могу поставить ей в упрек только одно: жаль, что она не понимает, что не всем даны ее способности!

Практиканты тяжело вздохнули и, медленно передвигая ноги, направились к лифту. Перспектива снова приняться за работу их явно не радовала.

Эмма осталась в кафетерии одна. Оглянувшись вокруг, она убедилась в этом. Что ж, она узнала немало.

«Не стоит здесь больше оставаться, а то того и гляди попадусь!»

Она подхватила сумку, но не могла устоять перед искушением, достала ноутбук и заглянула в почту.

Так и есть, ее ожидало новое послание Мэтью.

Любовь — подобие войны.

Овидий

От кого: Мэтью Шапиро
Кому: Эмма Ловенстайн

«Я не понимаю Вашей обиды, Эмма. Нахожу ее странной и неуместной. Неужели Вы можете отказать мне в помощи?

Мэтт».

От кого: Эмма Ловенстайн
Кому: Мэтью Шапиро

«Я не отказывала Вам в помощи.
Э.».

Десять минут спустя.

«Но и не пообещали! Если Вы откажетесь помешать катастрофе с Кейт, Вы будете виновны в ее смерти».

Еще через десять секунд.

«Перестаньте говорить со мной в таком тоне. Не смейте угрожать и винить меня в чем бы то ни было!»

«Речь идет о жизни моей жены. Вы просто ненормальный человек, если этого не понимаете!»

«Не смейте называть меня ненормальной!»

«Значит, делайте то, что я Вам говорю! Согласны?»

«Иначе что? Вы отправите ко мне полицию и арестуете? Явитесь в 2011-й, да?»

«Мне будет трудно это сделать».

«Почему?»

Две минуты спустя.

«Почему все-таки?»

Еще через одну минуту.

«Потому что в 2011-м Вас не будет в живых, Эмма...»

«Что Вы такое говорите?»

«Я говорю правду. К своему большому сожалению».

«Вы лжете...»

Еще через минуту.

«Вы лжете!»

Озадаченная, Эмма прождала целых пять минут, пока на экране не появилось новое послание. Оно было, без сомнения, от Мэтью, но содержало исключительно приложенный файл в формате PDF. Она открыла его с бьющимся сердцем. Это была заметка из «Уайт-Плэйнс Дэйли Войс», местной газетки одного из пригородов Нью-Йорка.

Драма в Уайт-Плэйнс.

Молодая женщина бросилась под поезд

Вчера во второй половине дня молодая женщина тридцати четырех лет покончила с собой. Около трех часов она бросилась под поезд в Уайт-Плэйнс. Поезд «Норд Райлроад», следующий маршрутом Уассик — Нью-Йорк, успел проехать после остановки примерно километр, когда на повороте женщина бросилась под колеса. Машинист нажал на все тормоза, но не успел помешать трагедии.

Прибывшая на место происшествия полиция и «Скорая помощь» могли только констатировать прискорбный факт: женщина скончалась на рельсах.

Жертва, Эмма Л., жительница Нью-Йорка, была опознана благодаря документам, обнаруженным в ее бумажнике, а также написанному ею письму, в котором она объясняла причины своего отчаянного поступка.

Психологически уязвимая молодая женщина на протяжении нескольких лет наблюдалась у психотерапевта.

После произошедшей трагедии движение поездов в обе стороны было приостановлено на два часа. Именно столько времени потребовалось на проведение необходимых юридических процедур и устранение последствий.

После 17 часов поезда на линии Харлем Лайн работали по расписанию.

У Эммы перехватило дыхание. На несколько секунд она словно бы одеревенела. Не могла сдвинуться с места. Потом механическим жестом закрыла компьютер и пошла к выходу, все убыстряя шаг. Очутившись на улице, она уже бежала, словно спасалась от преследующей ее смерти. Потом постепенно замедлила шаг. Опустив голову, глядя расширенными от безумного страха глазами под ноги, она брела наугад по незнакомым улицам. Сверкающий снег слепил налитые слезами глаза, Эмма ничего вокруг себя не видела, натыкалась на прохожих, переходила улицы на красный свет, не слыша отчаянных сигналов и ругательств. Обессиленна и вошла в первое попавшееся кафе.

Она притулилась в самом дальнем углу, сидела и не двигалась. К столику подошла официантка, Эмма вытерла глаза, сняла пальто и попросила тоник с водкой. В ожидании бодрящего напитка она принялась лихорадочно рыться в сумочке в поисках таблеток. По счастью, Эмма никогда не расставалась со своей аптечкой. Кому, как не ей, знать своих надежных помощников. Она проглотила магический химический коктейль и через несколько секунд обрела душевное равновесие. Во всяком случае, ей достало сил на то, чтобы вытащить ноутбук и перечитать записку, которая сообщала о ее самоубийстве.

Странное, однако, дело: узнать о собственной смерти из записки в маленькой местной газетенке. Странное, но не такое уж удивительное. Значит, она предприняла новую попытку, и на этот раз попытка удалась.

«Что ж, дорогая, о тебе можно сказать, что на ошибках учатся, — подумала Эмма не без иронии. — Поезд, в самом деле, куда эффективнее таблеток и вскрытия вен...»

Она посмотрела на дату. Значит, она покончит с собой 15 августа будущего года. В разгар лета. Она терпеть не могла этого времени в Нью-Йорке, влажная удушающая жара всегда вызывала у нее мигрени и отвратительное настроение.

Впрочем, что ей за дело до даты. Она так давно жила с желанием оборвать свою безрадостную жизнь, что рано или поздно это должно было случиться. Эмма вспомнила, как пыталась покончить с собой в первый раз. Такие состояния не забываются. Невыносимая душевная боль и безысходность. Безвыходность. Она была одна, у нее не было сил защищаться, противостоять страшным мыслям, которые изводили, уничтожали ее. Ее охватила паника. Темнота обступала, и она сдалась темноте.

Ее действие не было решением, оно пришло вовсе не от рассудка. Эмма просто перестала бороться и согласилась на освобождение, единственное, впрочем, которое существует.

Молодая женщина закрыла ноутбук, высморкалась в бумажную салфетку и заказала еще один коктейль.

Теперь химия подействовала в полной мере. Химические вещества, которые она глотала год за годом, имели неоспоримое достоинство: они действовали быстро и в любое время подставляли ей костыль, не давая упасть.

Эмма попробовала посмотреть на все события с совершенно иной точки зрения. А что, если ее теперешний шок дан ей во спасение? В конце концов, сообщение о ее самоубийстве можно рассматривать как новый шанс, который предоставляет ей жизнь. Она тоже изменит свое будущее. Ей совсем не хочется кончать с собой. Тем более стать кровавыми лоскутами под колесами поезда. Она постарается одолеть своих демонов. Точнее, демона. Она давно открыла свою ахиллесову пяту, источник всех своих фобий. Ее доводило до отчаяния ощущение одиночества, покинутости. Эмма вспомнила высказывание Эмили Дикинсон,^[27] которое записала себе в ежедневник, когда еще училась в школе. «Призракам не нужна комната, не нужен дом, им достаточно твоего мозга, где ходы один извилистее другого». Преследующими ее призраками были одиночество и чувство постоянной незащищенности. Наступал вечер, и ей становилось бесконечно тяжело при мысли, что ей придется возвращаться в квартиру, где ее никто не ждет. Ей нужна была устойчивая, налаженная жизнь. Надежный муж, ребенок, дом. С юности она ждала, искала мужчину, который бы ее понял. Но не нашла. Разуверилась. Поняла, что такого не будет. Пустота, которую сулило ей будущее, угнетала, лишала сил. Она одна сейчас, сегодня. Будет одна завтра и послезавтра. Сдохнет в одиночестве.

И все-таки что-то переменялось. Именно сегодня вопреки приближающемуся вечеру она не собиралась тосковать и смиряться. С кристальной ясностью Эмма увидела перед собой идеал своего будущего. Она хотела такую семью, как у Кейт Шапиро.

А еще точнее, хотела жить жизнью Кейт Шапиро.

Занять ее место.

Удивительная мысль проникала все глубже и глубже, вызывая в Эмме головокружение от опасности и восторг.

Она мысленно вернулась к началу необыкновенной истории и прошла ее вновь шаг за шагом.

Все началось с разговора на расстоянии — именно тогда Эмма сумела заинтересовать Мэтью. Она была собой и привлекла его как человек. Зацепила до такой степени, что он пригласил ее в ресторан на следующий же вечер. Больше того, он прилетел на самолете в Нью-Йорк только для того, чтобы поужинать с ней. Какие могли быть сомнения? Если бы они встретились, они бы неминуемо влюбились друг в друга. Она заняла бы место Кейт в его сердце. Стала бы любящей мамой для Эмили. Хорошей женой для Мэтью.

Но Кейт была жива.

Правда, жить ей оставалось совсем недолго.

Эмма жестко расправилась со вспыхнувшим чувством вины.

«Нет, я непричастна к этой смерти».

В ней виновата судьба, игра случая, может быть, Господь Бог, если он существует...

Эмма отпила глоток алкоголя и продолжала размышлять. Она находилась в состоянии крайнего напряжения, и мысли, которые поначалу теснились, мешая друг другу, мало-помалу стали выстраиваться в определенном порядке, будто были кусочками пазла. Перед Эммой вырисовывалась вся картина. План будущих действий. Тактический план небывалого сражения. Его основа была предельно проста: «Мэтью-2011» не имел над ней никакой власти, потому что она была уже мертва. У смерти есть свои преимущества — она делает вас недостижимыми. У Мэтью нет никаких возможностей заставить ее спасти Кейт.

И она не будет ее спасать.

Несчастный случай произойдет так, как он произошел. Она не будет обращать внимания на послания Мэтью, вернется в Нью-Йорк, будет работать и ждать, когда пройдет время. Нет, Эмма не покончит с собой в августе. Потому что у нее появился

великолепный стимул, чтобы жить!

Теперь она поняла, почему у Мэтью оказался ее ноутбук. Но если она не покончит с собой, то ее вещи не окажутся у брата, он не станет распродавать их, и Мэтью не сможет купить ее компьютер. А значит? Значит, он никогда не напишет ей письмо в декабре 2011 года.

Так что же? Ее сценарий не годится? Но все, что с ней творилось сейчас, тоже было вне всякой логики. Читая и смотря фантастику, она никогда не понимала порочных кругов и таинственных петель времени. А вот ее брат, физик, читающий лекции в университете, говорил, что ученые предполагают, будто параллельно с нашей вселенной есть и другие. Их множество, каждая существует в своем времени, каждая осуществляет свою цепь возможностей.

Значит, должна существовать возможность встретиться Эмме с овдовевшим Мэтью. Мэтью, который знать не знает об их теперешней переписке. Эмма добьется любви этого Мэтью и будет любить и заботиться о его маленькой дочке Эмили.

Эмма вздохнула с облегчением, решив придерживаться своего плана. Она расплатилась по счету и вернулась в гостиницу. Было еще светло, но она задернула шторы. Голова у нее кружилась. Опасаясь, как бы к ней не вернулась паника, она выпила еще две таблетки успокоительного и сразу легла в кровать.

2011-й

— Папа, можно мне посмотреть «SOS, привидения!»?

Мэтью поднял голову от экрана.

Эмили лежала на кушетке перед телевизором, дожевывая второй пакет драже M&M's вместо завтрака.

— Ты их видела уже раз десять!

— Ну и что? — со смехом ответила девочка. — Я люблю их смотреть, когда ты тут. Тогда я ничего не боюсь!

— Ладно, смотри, — сдался Мэтью.

Он издали наблюдал, как Эмили вставила DVD в плеер и включила видео, как «взрослая».

Был первый день каникул, Мэтью никуда не торопился, и малышка встала с постели поздно. Если Мэтью сегодня пустил все на самотек, разрешив дочке есть конфеты и смотреть сколько влезет телевизор, то не потому, что переменил убеждения, а просто ему самому так было легче и удобнее. Он был поглощен перепиской с Эммой Ловенстайн.

Мэтью злился на себя до крайности. Сколько глупостей он наделал! Как он мог поссориться с Эммой, единственным человеком, который мог ему вернуть Кейт? Как мог позволить себе открыто выразить недовольство, даже гнев, хотя знал, что Эмма психологически уязвима? Он послал ей уже два письма с извинениями, но ответа пока не получил. И что теперь? Теперь он остался один на один с психически нестабильным человеком, который вот-вот выйдет из-под его контроля. И вдобавок у этого человека все преимущества. Неведомая Эмма обладает возможностью менять будущее, как ей угодно, а он не может ровным счетом ничего. Может только ждать, когда мисс Ловенстайн соизволит снова согласиться на беседу с ним.

Неравенство бесило. Было уже 22 декабря. Оставалось всего два дня, чтобы предотвратить несчастный случай, из-за которого он потерял Кейт.

Мэтью прикрыл глаза, сжал обеими руками голову, стараясь всеми силами сосредоточиться. Эммы нет в живых, но, возможно, по-прежнему живы люди, которыми она дорожила и которые могли бы на нее повлиять. Кто, например? Ее брат Дэниэл? Слабая надежда. Насколько Мэтью понял, брат с сестрой не были близки. Дэниэл сказал ему, что мать у них умерла, а отец страдает болезнью Альцгеймера чуть ли не последней стадии. Друзья? Судя по всему, у этой молодой женщины нет друзей.

«Он единственный, кто никогда меня не предавал...»

Слова Эммы всплыли у него в памяти, словно она сама шепнула их ему на ухо.

Ее собака! Обожаемый Хлодвиг!

Хлодвиг по-прежнему жив.

Вспомнив о собаке, Мэтью сразу воспрял духом.

Он нашел уникальное средство воздействовать на Эмму.

Поднялся с табурета и выключил телевизор.

— Быстро беги одеваться, малыш! Мы идем на прогулку.

— А мое кино?

— Досмотришь вечером, мышка.

— Нет! Я хочу сейчас!

— А что, если мы с тобой отправимся за собачкой, которая поживет у нас на каникулах?

Эмили в восторге подпрыгнула.

— Правда, папа? У нас будет собачка? Я очень давно хочу собачку! Спасибо! Вот спасибо!

— Вы хотите, чтобы я помогла вам украсть собаку?

— Да, Эйприл. Твоя помощь в этом деликатнейшем деле будет бесценной, — подтвердил Мэтью.

— Но с чего вдруг тебе понадобилось красть собаку? — недоумевала Эйприл, поднимаясь из-за рабочего стола.

— Я все расскажу тебе в машине, — пообещал Мэтью.

— Значит, мы берем еще и мою машину?

— На багажнике моего велосипеда пса не увезешь.

Мэтью стоял перед Эйприл, держа за руку Эмили. У его ног стоял чемоданчик с инструментами.

— А ты знаешь, Мэтт, что за кражу собак сажают в тюрьму?

— Мы будем хитры и осторожны, и в тюрьму мы не попадем. Иначе зачем я прошу тебя мне помочь? Мне очень нужны твои изворотливые мозги.

— Если ты думаешь, что подобными комплиментами ты сможешь ме...

— Поедем! Прошу! Это очень важно!

— Вообще-то псы имеют обыкновение кусаться. Ты в курсе?

— Это совсем маленькая собачка.

— А именно?

— Может, ты помнишь? Это собака брата Эммы Ловенстайн. Ты ее видела во время распродажи. Она крутилась на лужайке.

— Шарпей! Еще бы я его не запомнила! Ничего себе, «маленькая собачка»! Эта туша весит килограммов сорок! И все сорок — сплошные мускулы!

Эмили выпустила отцовскую руку, кинулась к Эйприл и обняла ее за талию.

— Прошу тебя, Эйприл, помоги нам! Помоги! Я так давно мечтаю о собачке! Пожалуйста, Эйприл! Ну, пожалуйста!

Молодая женщина с упреком посмотрела на Мэтью.

— Ты не имеешь права манипулировать чувствами ребенка, — бросила она, надевая пальто.

Мэтью сел за руль «Камаро». Автомобиль покинул центр Бостона и двинулся в направлении Белмонта.

— Итак, я жду объяснений, Мэтью! — потребовала Эйприл.

Мэтью дождался, когда они встали перед светофором, обернулся к Эмили и протянул ей плеер.

— Мышонок, ты хочешь послушать музыку?

Ну, кто не хочет послушать музыку?! Мэтью подождал, пока Эмили надела наушники, и тогда рассказал Эйприл о том, что задумал. Эйприл выслушала его, не прерывая, потом задала вопрос:

— Стало быть, ты считаешь, что, украв эту несчастную собаку, ты вернешь себе жену?

— Да, в общем-то, можно сказать и так. Я же тебе все объяснил.

— Я ни секунды не верю в эту хрень с компьютером, который позволяет общаться с девушкой из прошлого!

— А как ты объяснишь видео Витторио? А заметку в газете насчет казино?

— Я ничего не собираюсь объяснять, — отрезала она. — Я хочу помочь тебе, потому что мы друзья, но думаю, что никто и никогда не возвращал мертвых к жизни. Не возвращал и не вернет. Кейт умерла. Ты ее больше не увидишь, Мэтт, и поверь, что мне от этого очень больно. Ее смерть опустошила тебя, но настало время, когда в твоей жизни появятся другие люди. Не цепляйся за эту глупую выдумку, прошу тебя! Только мне показалось, что тебе стало лучше, как все вернулось на круги своя: покупка компьютера спровоцировала рецидив. Если ты пойдешь по этой дорожке, Мэтт, то сильно навредишь самому себе, а главное, своей маленькой дочери.

Мэтт сумрачно взглянул на сидящую рядом молодую женщину и до Белмонта больше не произнес ни единого слова. На этот раз Мэтью припарковался в конце улицы, неподалеку от коттеджа, обшитого досками, с высокой крышей. Эмили, по счастью, крепко спала на заднем сиденье. Мэтью и Эйприл вышли из машины, чтобы оценить обстановку. Было четыре часа дня. На улице ни души. Мэтью дошел до ворот и позвонил, чтобы убедиться, что Дэниэла нет дома. В ответ послышался собачий лай, и шарпей, как положено верному сторожу, примчался к изгороди, предупреждая незваных посетителей, что к дому им приближаться не стоит.

— Привет, Хлодвиг, — поздоровался Мэтью.

— Нет, это не маленькая собачка, а здоровенная псина, и сейчас она поднимет на ноги весь квартал. У тебя, по крайней мере, есть какой-нибудь план?

— А то! — весомо бросил Мэтью, доставая из кармана пальто сверток в целлофановом пакете.

— Что это такое? Отвратительный запах. Это какая-то отрава?

— Это два рубленых стейка. Я заморозил их в микроволновке и сделал из них тефтели.

— Закатав в них снотворное, — догадалась Эйприл. — Потрясающе! Ничего лучше ты придумать не мог!

— Врач прописал мне сильное снотворное после несчастия с Кейт. У меня осталось несколько таблеток.

— На удачу можешь не рассчитывать. Каков план Б?

— А я все-таки верю в счастливый случай!

Эйприл пренебрежительно качнула головой:

— Предположим, что собачища не срыгнет твои таблетки и ты правильно рассчитал дозу, но прежде, чем она заснет, пройдет три часа! За это время или хозяин вернется, или соседи вызовут полицию.

— Не каркай, Эйприл, — оборвал ее Мэтью и объявил: — Я должен попытать судьбу, — и он швырнул две больших мясных тефтели за ограду.

Хлодвиг подошел и недоверчиво их обнюхал. Нюхал довольно долго, потом с тем же недоверием отъел половину одной тефтели, но вкусной она ему не показалась. Он отошел и принялся лаять с удвоенным пылом.

— Ну? Что я говорила?

— Пойдем немного посидим в машине, — предложил Мэтью.

Они терпеливо просидели почти целый час в полном молчании. Собака, похоже, издевалась над ними. Верный Цербер, охраняющий вход в подземное царство. Медленно спускались сумерки. Мэтью и Эйприл самих стало клонить в сон, но тут вдруг оглушительно заиграла психоделическая музыка мобильного Эйприл. Все подскочили. Галеристка тут же отключила звонок, но Эмили уже успела проснуться. И тут же горохом посыпались вопросы.

— Мы приехали, да, пап? Мы уже у маленькой собачки? — повторяла она, протирая глаза.

— Да, мышонок, но я... Я не уверен, что собачка согласна ехать с нами.

— Но ты же обещал, — глаза Эмили тут же наполнились слезами.

Мэтью тяжело вздохнул и принялся тереть себе виски.

— Теперь ты видишь, что творишь, — упрекнула его Эйприл. — Пусть это послужит тебе уроком и...

Внезапно она замолкла, повертела головой туда-сюда и воскликнула:

— Эй, Мэтт, а псина-то куда подевалась?

Мэтью посмотрел сквозь стекло на садик. Стоило им на минутку отвлечься, и негодяй Хлодвиг смылся неведомо куда.

— Понятия не имею. Пойду посмотрю.

Мэтью вылез из машины и открыл багажник, чтобы вынуть чемоданчик с инструментами, который прихватил с собой.

Вооружившись большими кусачками, вполне способными справиться с проволочной оградой, он предупредил Эйприл:

— Я оставил багажник открытым. Заведи на всякий случай мотор и сядь за руль.

Сад был окружен сеткой на деревянных столбах. Мэтью сделал в сетке дыру и проник на лужайку.

— Хлодвиг!

Он осторожно приблизился к крыльцу.

— Хлодвиг! Славный пес!

Тишина.

Мэтью отправился в обход вокруг дома и обнаружил лежащего неподвижно пса возле деревянной будки, покрашенной в зеленый цвет.

«Черт побери! Я надеюсь, что он все-таки жив!»

Мэтью присел на корточки, удостоверился, что собака крепко спит, и поднял ее на руки.

«Ну и ну! Весит не меньше тонны!!!»

Сделав несколько шагов, Мэтью почувствовал, что собака пытается освободиться от его хватки, хотя при этом едва шевелится. Эйприл права, снотворное сделало собаку вялой. Но не мешает ей пускать слюну. Черт с ней! Лишь бы не кусалась!

Мэтью бегом побежал к дыре и выбрался через нее вместе с нелегкой ношей. Бесцеремонно запихал собаку в багажник и плюхнулся на сиденье рядом с Эйприл.

— Давай жми! — скомандовал он. — Уезжаем!

— Ура, папочка! Ура! — захлопала в ладоши Эмили в то время, как «Камаро» рванул с места так, что колеса взвизгнули.

Девять часов вечера

На обратной дороге они заехали в зоомагазин, купили поводок, собачий корм и миску. Представляя, как Хлодвиг окончательно очнется у них дома, Мэтью готовился в худшему: рычание, злобный лай, а может, и бешеные наскоки... Но вопреки всем ожиданиям Хлодвиг открыл один глаз, потом второй, поворчал немного, чуть-чуть повыл, сидя на полу, а потом прыгнул на диван и устроился там как ни в чем ни бывало, словно весь свой век прожил в этом доме. Мало-помалу он окончательно пришел в себя и тогда не спеша обследовал нижний этаж. Смотрел он живо, чувствовал себя прекрасно, и весь вечер они втроем играли с Хлодвигом, гладили его и ласкали. Эмили была на седьмом небе от счастья. Мэтью никак не удавалось загнать ее спать. Чтобы Эмили все же согласилась отправиться наверх, к себе в комнату, Мэтью сто раз пообещал ей, что Хлодвиг будет гостить у них дома и завтра.

Когда Мэтью наконец-то остался в одиночестве, он приступил ко второй части своего плана.

— Хлодвиг, ко мне! Иди сюда, хорошая моя собака! — позвал он, маня шарпея миской с собачьими сухариками.

Хлодвиг вскочил на стул и устроился на подушках, которые положил Мэтью, чтобы они с шарпеем были одного роста.

— Смотри на экран! Ты сейчас увидишь кое-кого, кого очень давно не видел! Постарайся улыбнуться!

Мэтью нажал на значок Skype, ввел пароль, и теперь на экране красовался он сам и собака. Он пригласил на видеообщение Эмму, кликнул и стал ждать.

Один сигнал.

Второй.

Третий...

2010-й

Эмма с трудом высвобождалась из объятий химического сна.

Высвободилась и взглянула на мобильный. Нет, звонил не телефон. Сигналы шли от компьютера, который она не выключила.

Эмма взглянула на часы, вылезла из-под одеяла и совершенно сонная добралась до ноутбука.

На экране мерцает маленькая иконка Skype, сообщая, что вызывает ее некий Мэтью Шапиро. Эмма никогда не пользовалась этой функцией, но кликнула, отвечая на вызов.

Но уж чего она никак не ждала, так это увидеть на экране собственную собаку! Да, это был Хлодвиг, его толстенная мордочка, бегемотья голова, маленькие глазки, сбитое мускулистое тельце и кожа вся в складках, которая делала его похожим на плюшевую игрушку.

— Хлодвиг!

Интересно, что ее собака делает в доме Мэтью Шапиро в 2011 году?

Внезапно камера сдвинулась в сторону, и на экране появились лицо и плечи Мэтью.

— Добрый вечер, Эмма! Как вы себя чувствуете? Вы, наконец, обрели душевное равновесие?

— Какую игру вы затеяли? Скажите, бога ради?

— Как вы могли заметить, я свел знакомство с вашей милой собачкой. Вы как-то сказали, что это единственное существо, которое никогда вас не предавало. Вы ведь его любите, не так ли?

— Него...

— Забудьте об оскорблениях. Речь идет о моей жене, и мне кажется, вы плохо себе представляете, на что я способен ради

того, чтобы вернуть ее.

Мэтью вытянул руку и взял с кухонного стола какой-то предмет. Вынул нож из стойки с ножами. Выбрал самый узкий с лезвием длиной сантиметров тридцать пять и помахал им перед камерой.

— Это нож для мяса, Эмма. Вы видите его лезвие, оно твердое и острое. Замечательный нож немецкого производства. У меня есть и другое приспособление, называется «китайский резак». Идеальная штука для отбивных.

— Если вы тронете хоть шерстинку на моей собаке, я вас...

— Что? Что вы сделаете, Эмма?

Эмма онемела, а Мэтью продолжал:

— Вы сами видите, Эмма, я в сложном положении. Я ведь люблю животных, а ваш Хлодвиг замечательная собака и очень по душе моей маленькой дочке. Но если вы не пообещаете мне сделать все, чтобы помешать катастрофе с Кейт, я не буду колебаться ни секунды. Я убью вашу собаку. Вспорю ей живот и выпущу наружу все кишки. И сделаю это перед экраном, чтобы вы не упустили ни одной подробности. Сцена будет долгой. Долгой и болезненной. Мне не доставит это радости, Эмма, но если вы не оставите мне выбора...

— Вы просто гадина!

— Подумайте, Эмма, подумайте хорошенько!

Эмма в ярости открыла рот, готовясь уничтожить подлого негодяя, но Мэтью отключился. Экран потемнел.

День Пятый

**12
Другая Женщина**

Снег растаял. Сухо и очень холодно, несмотря на победно сияющее солнце в иссиня-стальном небе Бостона.

Эмма подышала на руки, чтобы хоть немного их согреть. Светлое облачко вылетело из ее рта, подержалось немного в воздухе и растворилось.

Вот уже десять минут она топталась возле дверей кардиологического центра, дожидаясь, когда Кейт выйдет после дежурства. Эмма подавила зевок. Ночь была беспокойной. Эмма почти не спала, но, как ни странно, успокоилась, и мысли ее прояснились. Вчера, прочитав газетную заметку о собственном самоубийстве, она была не в себе, обезумела, впала чуть ли не в криминальный бред. Теперь ей было стыдно, но что поделаешь? Паника, тяжкий груз одиночества порой обнажали худшее из того, что в ней было.

Вчера ее жгло ощущение страшной несправедливости. Мучила ревность, толкая к самым черным мыслям. Но она не убийца. Она самая обыкновенная дурочка, которой очень не хватает любви. Потому-то ей и захотелось продлить историю, которая изначально не имела никакого продолжения. Вмешательство Мэтью, его появление в эфире вместе с Хлодвигом стало окликом, который призвал ее к порядку. Ее вернули в реальное измерение, напомнили о необходимости слушаться голоса разума, и теперь она готова была следовать велению рассудка. Конечно, она должна была найти и непременно найдет выход. Кейт избежит аварии 24 декабря.

Эмма всю ночь придумывала, как она может помешать катастрофе. Но пока не нашла простого и действенного средства. Ничего. У нее есть еще немного времени.

От холода у Эммы заоченели руки и ноги, и она, хоть и стояла на месте, старалась ими шевелить. В центре автостоянки за машиной с красным крестом, где делали анализы крови и принимали донорскую кровь, торговал небольшой фургончик, предлагая горячие напитки и соленые крендельки. Эмма встала в очередь, собираясь выпить горячего чая, но тут она заметила Кейт. Перед Кейт разъехались автоматические двери, и она, приложив к уху мобильник, стала спускаться по ступенькам вниз. Пальто она накинула прямо на больничный халат светло-голубого цвета.

Эмма тотчас заторопилась вслед за ней, а Кейт быстрым шагом миновала автостоянку и вышла за больничную ограду. Эмма дошла вместе с ней до Кембридж-стрит, а потом до прокатного пункта Хубвей, где выдавали велосипеды. Было видно, что Кейт часто пользуется этим видом транспорта. Она провела в автомате карточку постоянного клиента и получила велосипед.

Пока Кейт натягивала перчатки, поправляла шапочку и завязывала шарф, Эмма опустила в автомат шесть долларов и получила временную карту, благодаря которой она тоже получила велосипед. Дав Кейт немного времени, чтобы отъехать чуть дальше, Эмма пристроилась за ней, соблюдая разумную дистанцию, позволяющую не терять женщину из виду и не привлекать к себе внимания.

Сначала они направились в противоположном направлении по той же самой дороге, по которой только что прошли пешком. Эмма за это время ухитрилась, держась за руль то правой, то левой рукой, натянуть носки поверх брюк, чтобы ледяной ветер не кусал ее за щиколотки. На перекрестке с Гановер-стрит Кейт не поехала по улице, что вела в итальянский квартал, а двинулась вдоль Сити Холла, а потом свернула на улицу, что поворачивала к площади Фэньюэл-холл и рынку Куинси Маркет. На спортивной скорости, нарушив пару правил дорожного движения, Кейт очень быстро миновала туристическую зону. Возле Колабус-парка она поехала по улице с односторонним движением, ловко пробираясь через пробки, совершенно спокойно выезжая на тротуар, чтобы, как оказалось, добраться до порта — морского фасада города Бостона. Было всего двадцать минут десятого, когда Кейт спрыгнула со своего велосипеда в конце улицы Лонг Варф перед темной вывеской, похожей на вывеску ирландского паба.

Эмма соскочила со своего велосипеда в конце дамбы. Рискнет ли она войти вслед за Кейт в бар? Эмма подвела велосипед к фонарю, достала велосипедный замок и застегнула его. Потом прошла несколько шагов вперед и оказалась... прямо перед широким морским простором.

В лучшие свои времена Лонг Варф была главным причалом самого оживленного торгового порта в мире. Теперь рейд превратили в элегантный приморский квартал с мощеными улицами, ресторанами и кафе. Когда-то отсюда уходили паромы, которые соединяли многочисленные острова Бостонского залива и города Салем и Провинстаун.

Дойдя до конца деревянного помоста, Эмма приложила к глазам ладонь козырьком, боясь ослепнуть. Солнце встало два часа

тому назад, поднялось довольно высоко и зажгло тысячи сияющих звезд на поверхности океана. От взгляда на эту красоту перехватывало дыхание — чайки, ветер, на волнах небольшие кораблики и простор. Неоглядный простор. Эмма словно обрела второе дыхание, и ей уже не было страшно открыть дверь в бар.

Потолочные балки, деревянные панели на стенах, цветные стекла, приглушенный свет — характерная, всегда приятная и уютная обстановка стиля кантри. Вечером здесь наверняка гремела музыка и так же громко стучали пивные кружки, зато утром это было спокойное тихое кафе, где завтракали портовые рабочие. Эмма прищурилась, но не сразу увидела Кейт — та сидела в глубине зала, в одном из боксов, в одиночестве, за чашкой кофе.

Объявление предупреждало, что сначала нужно взять еду, а потом уже сесть за столик. Эмма встала в очередь за великаном в робе лесоруба и матросском берете, и уже через несколько секунд великан нагрузил свой поднос тарелками с рыбой, беконом, сосисками и яичницей. Эмма ограничилась тостом и чаем и тоже села в глубине зала, в боксе рядом со столиком Кейт. Что понадобилось здесь первому хирургу больницы после бессонной рабочей ночи? Почему после дежурства она не поспешила напрямик домой?

Со своего наблюдательного поста Эмма видела, что Кейт устала, и еще поняла, что она тревожится. Кейт попеременно смотрела то на экран мобильного, то на входную дверь. Она, безусловно, кого-то ждала, и встреча была совсем не невинной. Эмму крайне изумила эта перемена. Цветущая красавица, счастливая мать семейства, какую она видела вчера, превратилась в снедаемую тревогой измотанную женщину.

Эмма отвела взгляд, боясь привлечь к себе внимание слежкой, но, на ее счастье, Кейт отражалась в стенном зеркале, так что новоявленный детектив не упускал ни одного движения «субъекта». Вот Кейт достала из сумочки влажную салфетку и пудреницу, протерла лицо, нервно подкрасилась, убрала несколько прядей, которые выбились у нее из прически во время езды на велосипеде. Посидела, встала и направилась в сторону туалетных комнат.

Эмма поняла, что настало время действовать. Кейт взяла с собой сумочку и телефон, но оставила на диванчике свое пальто с капюшоном. Прежде чем решиться, Эмма набрала полную грудь воздуха. Потом она спокойно встала, сделала несколько шагов, словно тоже собралась в туалет, но вместо этого остановилась перед столиком Кейт. Моля всех богов, чтобы никто сейчас не смотрел в ее сторону, она обшарила карманы пальто. Рука нащупала что-то холодное, металлическое. Связка ключей!

Выброс адреналина, и кровь побежала по жилам быстрее. Эмма удостоверилась, что ключи от машины висят на связке, и воскликнула про себя:

«Вот она, счастливая мысль!»
Чтобы избежать несчастного случая, она просто заберет ключи от пресловутого купе «Мазда», за руль которого Кейт должна будет сесть в тот ужасный вечер. Потом уведет машину и километров за триста от Бостона подожжет или сбросит в кювет.

Нет машины — нет катастрофы.
Эмма забрала ключи и направилась к выходу, торопясь покинуть бар прежде, чем Кейт вернется. Она спешила, шла, низко опустив голову, ни на кого не глядя, и в своем бегстве нечаянно наткнулась на посетителя, который только что получил у стойки свою чашку кофе. От толчка кофе расплескалось на поднос.

Смущенная Эмма рассыпалась в извинениях:
— Простите! Извините! Мне так неловко! Я...
Худой блондин с волосами ежиком, в кроссовках, черных джинсах, водолазке и кожаной куртке с меховой подстежкой даже не посмотрел на нее. А может, его взгляд скрыли темные очки, которые вместе с трехдневной щетиной не давали как следует разглядеть его лицо.

— Ничего страшного, — проворчал он.
Торопясь как можно скорее покинуть бар, Эмма была счастлива, что инцидент обошелся без последствий. Она взялась за ручку двери и на пороге обернулась.

В глубине зала блондин встретился с Кейт.
Он ее обнял.
Поцеловал.

«Быть такого не может!»
Эмма застыла на месте. Стояла как прикованная, шевельнуться не могла. Нет, у Кейт не могло быть любовника! Она сощурила глаза. Конечно, она просто ошиблась, ей что-то показалось, почудилось... Наверное, это какой-то родственник. Брат, например, или кузен...

— Могу я вам помочь, голубушка?
Хозяин наблюдал за Эммой из-за стойки.
— Решите, наконец, вы уходите или остаетесь. А то дело кончится тем, что вас ударят дверью.
— Я... Мне нужны бумажные салфетки.
— Ну, так спросили бы! Держите!

Эмма взяла салфетки, которые протянул ей хозяин, и вернулась за свой столик, стараясь это сделать как можно незаметнее. А еще она вытащила мобильник, включила функцию камеры и положила на стол, чтобы заснять происходящее.
Сердце бухало в груди, как колокол. Она подумала о Мэтью, для которого жена была идеалом... О том, что видела собственными глазами вчера: о счастливой, согласной, любящей паре... Неужели можно так притворяться?

Нет, тут было что-то другое. Мэтью и после смерти продолжал боготворить свою жену, значит, вряд ли она любила какого-то другого мужчину. Мэтью не какой-нибудь дурачок, он бы заметил, почувствовал. Хотя, с другой стороны, слеп тот, кто не хочет

видеть.

«Господи боже мой!»

Эмма не знала, что и думать. Она всеми силами старалась убедить себя, что Кейт и таинственный незнакомец вовсе не любовники, а между тем их поведение недвусмысленно подтверждало обратное: они сидели так близко, сплетя руки, не отрывая друг от друга глаз. Кейт даже позволила себе гладить голову и лицо этого типа!

Эмма проверила, продолжает ли ее мобильник съемку. Сцена, при которой она присутствовала, была настолько невероятной, что ее необходимо было запечатлеть.

Типу было чуть-чуть за сорок. Красивый, пожалуй, но какой-то прихотливой изнеженной красотой. Впрочем, Эмма и сама откликалась на такого рода красоту.

Она не слышала, о чем говорили эти двое, но не было сомнений, что их обоих что-то заботило. Что же? Тип тоже женат? Может, они готовятся оставить своих спутников жизни? Предположение вернуло Эмму к ее собственным проблемам. Она сразу вспомнила свою трудную связь с Франсуа.

И тут же прогнала ненужные воспоминания. Подсознательно она снова почувствовала опасность. Бар почти опустел. Заметить, чем она занимается, не составляло труда. Эмма отключила телефон и потихоньку выскользнула из бара.

Холодный воздух пошел ей на пользу. Она жадно глотала его, стараясь привести в порядок мысли. Ей не захотелось снова садиться на велосипед, и она двинулась к чередке такси, что мирно дожидались клиентов у входа в гостиницу «Марриотт».

«Тем хуже для ателье проката!»

Садясь в такси, она внезапно сообразила, что в связке ключей есть наверняка и ключи от дома. Значит, у нее появилась возможность войти в дом семьи Шапиро, и она назвала шоферу их улицу.

Эмма вышла на Луисбург-сквер и обошла славный особнячок вокруг, размышляя, дома ли еще Мэтью и маленькая Эмили. Не лучше ли сначала позвонить в дверь, чтобы проверить, дома они или нет? Но потом решила не звонить.

«Не нужно, чтобы Мэтью-2010 знал о моем существовании...»

Она заметила маленький стикер на стекле, предупреждавший огоньком, что дом находится под охраной.

«Только этого не хватало!»

Ключи ей мало чем помогут, если через несколько минут после того, как она войдет в дверь, громко завопит сирена.

Она постаралась запомнить фирму, которая обеспечивала безопасность, и перешла на другую сторону улицы, чтобы не привлекать внимания. Ей нужно было хорошенько подумать, и она заглянула в кондитерскую на Чарльз-стрит. В оформленном в стиле ретро помещении можно было не только купить капкейки, но и полакомиться ими за стойкой из темного дерева. Эмма уселась на высокий табурет и достала компьютер. Для порядка она заказала кофе и капкейк, а сама вошла в адресную книгу и нашла телефон Шапиро. Позвонила и попала на автоответчик. Дожидалась известий вся семья, даже маленькая Эмили не была забыта.

Эмма повесила трубку и сразу же набрала номер еще раз, чтобы быть уверенной, что в доме и впрямь никого нет. Потом позвонила в «Император» и попросила к телефону Ромуальда Леблана.

— Ты мне очень нужен, очкарик.

— А я только что звонил вам, мисс Ловенстайн.

— У тебя есть для меня новости?

— Я послал часть ваших сообщений Джейроду. Это один из моих друзей-компьютерщиков. Самый талантливый из всех, кого я знаю. Он сказал мне, что, начиная с 2000 года, на многих форумах интернетчики предъявляли похожие эсэмэс-сообщения. Парни утверждали, что послания пришли из будущего от людей, которые перемещаются во времени. Но это были всего лишь фальсификации — так, ничего серьезного, игра воображения шулки ради. Ваш случай — особый. Перескок во времени, который маркируют часы серверов, производит шокирующее впечатление! Это уже не шуточки! Но объяснить этого явления мой друг не может. К сожалению, это все.

— Ты сделал все, что мог, спасибо тебе. Но я звоню совсем по другому поводу. Если я дам тебе адрес дома в Бостоне и название фирмы, под охраной которой он находится, ты сможешь снять охрану?

— Снять охрану? — машинально повторил паренек. — А что вы под этим имеете в виду?

— Что с тобой? Чего ты не понимаешь? Я спрашиваю, можешь ли ты снять с квартиры охрану?

— Нет, не могу. А как вы хотите, чтобы я это сделал?

— Я думала, что для тебя с компьютером в руках нет ничего невозможного!

— Ну, я и не говорил, что это невозможно. Кроме того, я не хвастун, — тут же встал он на свою защиту.

Эмма постаралась его раззадорить.

— Ну да, я все поняла. На словах все большие умельцы, а как до дела дойдет — все в кусты.

— Да ладно! А кто к парикмахеру попал без очереди?

— Теперь речь не о парикмахере, а о вещах гораздо более серьезных.

— Извините, но я не волшебник, — сообщил насмешливо Ромуальд.

— Я дам тебе адрес. У тебя есть чем записать?

— Но я же сказал вам!

— Есть ручка? — продолжала настаивать Эмма.

— Ладно, диктуйте, — со вздохом сдался паренек.

— Дом Мэтью и Кейт Шапиро. Они живут в Бостоне, на перекрестке улиц Моунт-Вернон-стрит и Уиллоу-стрит. Фирма, которая взяла их дом под охрану, называется «Синий наблюдатель», находится в Нидхэйме, штат Массачусетс.

— И что мне с этим делать? Чего вы от меня хотите?

— Делай что хочешь, но помоги. Через четверть часа я отправлюсь в этот дурацкий дом. И если ты ничего не придумаешь, копы меня сцапают, а ты будешь виноват в моем аресте.

Эмма повесила трубку, чтобы Ромуальд не успел ничего ответить. Она прекрасно понимала, что задала мальчишке нелегкую задачу, но верила: он способный, он справится!

Эмма отпила глоток кофе, потом откусила кусочек кекса.

Ей казалось, что она совсем не хочет есть, но кекс оказался таким вкусным!.. Она взяла еще один и стала просматривать видео, которое сняла на телефон. Звук был совсем никудышным, темноватая картинка немного прыгала. Сказывалось, что она снимала издалека. Однако по тому, что было видно, отношения между Кейт и таинственным незнакомцем можно было назвать только любовными, не иначе.

Что же это за мужчина? Коллега-хирург? Друг семьи? Почему Эмму не оставляло впечатление, что она где-то его раньше видела?

Не понимая пока, что будет делать дальше, Эмма перенесла видео с телефона в компьютер. Осаждаемая вопросами, она принялась писать послание Мэтью, а когда закончила, задумалась. Желая установить истину, имеет ли она право тревожить прошлое? Вторгаться в семейную жизнь людей, совершенно ей незнакомых? Добавлять боли человеку, который продолжает горевать о смерти своей жены?

«Хотя его жена вовсе не была святой, на которую стоит молиться...»

Держа палец на клавише, она перечитала свое письмо, поколебалась еще несколько секунд и все же нажала «отправить».

2011-й

— Я обожаю свою собачку! — воскликнула Эмили, глядя на шарпея, который ходил за ней по пятам.

В кухне вкусно пахло горячим шоколадом. Эйприл, листая журнал на планшете, одним глазом следила за кастрюлькой на плите. Мэтью сидел за компьютером злой, как черт, дожидаясь вот уже который час ответа Эммы на свой ультиматум.

Эмили вскарабкалась на табурет и уселась рядом с папой.

— В мисочке у Хлодвиги пусто. Можно я насыплю ему сухариков?

Мэтью пробормотал что-то вроде согласия.

— Я тебе помогу, — пообещала Эйприл, наливая молоко в кружку. — А пока пей свой шоколад.

Она поставила кружку перед девочкой.

— Только пей осторожно! Очень горячо.

— Ой, ты дала мне маленьких маршмеллоу! Спасибо, Эйприл! М-м, как вкусно!

Мэтью из-за компьютера скосил неодобрительный взгляд на соседку.

— А может, мы уйдем со сладостями? Скоро наша девочка будет точь-в-точь человечком Мишлен!

— Но скоро же Новый год, папа!

— Тоже мне оправ...

Сигнал, сообщивший о прибытии электронного письма, прервал фразу Мэтью. Он увидел на экране послание Эммы с очень странной темой.

От кого: Эмма Ловенстайн

Кому: Мэтью Шапиро

Тема: А вы хорошо знаете свою жену?

«Дорогой Мэтью,

я очень рада, что Ваша дочка полюбила моего Хлодвигу. Он верная и ласковая собака. Вас, может быть, удивит, но я рада, что он у Вас. Я несколько не сомневаюсь, что Вы никогда не причините ему зла. Вы добрый человек, Мэтт, и я не могу себе представить, что Вы будете мучить невинное животное.

Я долго колебалась, посылать ли Вам видео (см. в приложении). Надеюсь, оно не окажется для Вас слишком мучительным ударом. Извините, что я вторгаюсь в Вашу семейную жизнь, но, может быть, Вы мне скажете, что за человек сидит в обществе Вашей жены?

Эмма».

«О чем это она?» — злился Мэтью, переводя приложение на рабочий стол. Перевел и нажал на клавишу, запуская видео.

Через несколько секунд на экране появилось зыбкое, плавающее изображение.

— Что ты смотришь, пап? — заинтересовалась Эмили, наклоняясь к экрану.

— Осторожней, детка, — предупредила девочку Эйприл, — а то...

Слишком поздно.

Полная до краев чашка с шоколадом опрокинулась на компьютер, и четыреста миллилитров липкой горячей жидкости залили клавиатуру.

Сначала остановилась картинка, потом потемнел экран.

Мэтью в отчаянии взглянул на дочь. Взгляд был страшным. Дыхание у Мэтью перехватило, сердце сжалось, гневные слезы выступили на глаза: он утратил единственную возможность поддерживать связь с Эммой.

Единственную возможность спасти Кейт...

13

Шаг В Зазеркалье

Жизнь нуждается в иллюзиях, во лжи, которую поддерживает правда.

Фридрих Ницше

Бостон, 2010

Бип, бип, бип...

Войдя в дом, Эмма сразу разбудила легкое позванивание, напоминающее установку «Сонар».

Она закрыла дверь и повернулась к датчику, который сигнализировал. Отключить его она не могла. Нужно было ввести код, а она его

так и не узнала.

Бип, бип, бип...

Через несколько минут легкое позванивание превратится в оглушительный вой сирены. Сколько еще ждать? Во рту у Эммы пересохло, она попыталась проглотить ком в горле, но безуспешно. Руки вспотели. Капли холодного пота выступили на лбу. Она стояла неподвижно и ждала. Чувствовала себя приговоренной к казни. Ждала палача с топором. Предупреждающие звоночки смолкли, и от оглушительного вопля задрожали стены.

Уиннг! Уиннг! Уиннг!

Что с того, что она ждала этого воя? Это ей ничуть не помогло. Кровь застыла у нее в жилах. Ее охватил ужас. Паника. Колотила дрожь. Кровь билась в висках. Но вот у нее в кармане завибрировал мобильник. Она нажала на трубку и напрягла голос, как только могла.

— Алло!

— Миссис Кейт Шапиро?

— Да, это я.

— Агентство охраны «Синий наблюдатель», мы только что...

— Да, у меня вопит сирена, извините, я просто в отчаянии. Муж, как видно, поменял код и не предупредил меня. Вы можете отключить сирену?

— Только после того, как проведем идентификацию вашей личности.

Уинннг! Уинннг! Уинннг!

Ромуальд не мог отключить охрану через свой компьютер, но зато он проник в сервер компании, быстренько изменил контактные телефоны Кейт и Мэтью на телефон Эммы. Сумел еще сделать копию и передать Эмме на телефон листок с тремя секретными вопросами, ответы на которые подтверждают личность владельца, после чего сирена отключается.

— В каком городе встретились ваши родители? — задал вопрос служащий фирмы.

Эмма наклонилась пониже, чтобы прочитать ответ, который ей передал Ромуальд и который она записала ручкой у себя на руке, когда сидела в кафе.

— В Санкт-Петербурге.

— Какой ваш любимый фильм в детстве?

— «Приключения Бернарда и Бианки».

— Как звали вашу лучшую подругу студенческой поры?

— Джойс Уилкинсон, — ответила Эмма без колебаний.

И сразу же сирена смолкла.

— Благодарю вас, миссис Шапиро. На будущее попросите мужа, чтобы он предупреждал вас в случае, если задумает переменить код.

Эмма нажала отбой и вытерла мокрый от пота лоб. Она подошла к окну и, прячась за шторой, выглянула на улицу. На Луисбург-парк тишина и покой. Но кто знает, вдруг встревоженные соседи уже позвонили куда следует?

Что она скажет, если у дверей позвонит полиция? Или если Мэтт и Кейт неожиданно вернутся домой?..

Эмма постаралась отогнать от себя мешающие делу мысли и принялась осматривать дом.

Возмущение против Кейт толкало Эмму на неожиданные для нее действия, помогало справляться с упадническим настроением, внушало желание бороться за себя, за свое будущее, за Мэтью...

Эмма понятия не имела, что именно она ищет в этом доме. Подтверждение неверности Кейт? Что-то, что ей поможет понять, кто этот таинственный незнакомец, тайно встречавшийся с женой Мэтью? Во всяком случае, она хотела проникнуть за благополучный фасад этой семьи. Порыться в подсознании дома, в его шкафах, ящиках, компьютерах, погребе...

Первый этаж был оформлен как открытое пространство, он был одновременно гостиной, столовой, кухней. От радиаторов струилось приятное тепло. Помещение было уютным, семейным, располагающим. Рядом с диваном стояла нарядная елка, мигая разноцветными огоньками. На стойке в кухне остались хлебные крошки, баночка с конфитюром, которую забыли убрать в шкаф, наполовину раскрашенный детский рисунок, свежий номер «Нью-Йорк таймс», раскрытый на странице новостей культуры.

На стенах и стеллажах множество фотографий членов семьи и родственников. Черно-белые снимки, безусловно, Кейт в детстве: красивая светловолосая девочка с мамой возле пианино, а вот она идет с мамой за руку по улице русского города — скорее всего, Санкт-Петербурга. А вот и цветные фотографии, слегка уже выцветшие: хрупкий подросток позирует возле Спейс-Нидла, а потом юная, почти прозрачная студентка в джинсах и с рюкзаком на одной из лужаек студенческого городка университета Беркли. Прыжок во времени, и застенчивая студентка становится уверенной в себе молодой женщиной. Это уже теперешняя Кейт. Кейт, которую видела Эмма. Замечательный хирург, красивая женщина, которая позирует перед фотоаппаратом с мужем и дочкой.

Снимки пробуждали много вопросов, но Эмма отложила анализ на потом. Она достала мобильник и не пожалела нескольких минут на то, чтобы сфотографировать все снимки, которые висели и стояли в комнате. В кухне она сфотографировала прикрепленное к пробковой панели расписание ежедневных занятий Кейт.

Оставив первый этаж, перегруженный, как показалось Эмме, фотографиями, она поднялась на второй.

Там располагалась большая комната родителей с очень скромной обстановкой, две ванные комнаты, детская и еще одна почти пустая комната, которая, очевидно, служила кабинетом Мэтью.

Комнату супругов заполнили книги: они лежали даже на полу, по одну сторону кровати и по другую — одинаково. По левую сторону — философия: «Жизнь святого Августина», «Ницшеанские чтения», по правую — научная литература: «Хирургическое вмешательство при сердечной недостаточности», «Врожденные пороки сердца», «Искусственная кровь и стволовые клетки». Нетрудно догадаться, кто на какой стороне спит...

Вид супружеского ложа раздул в сердце Эммы уголек ревности. Она принялась лихорадочно изучать полки стеллажей и открывать ящики комода. В одном из ящиков лежали паспорта супругов. Открыла первый: Мэтью Шапиро, родился 3 июня 1968 года, место рождения г. Бангор (штат Мэн). Открыла второй: Екатерина Викторовна Сватковская, родилась 6 мая 1975 года, место рождения г. Ленинград (СССР).

«Так Кейт русская...»

Вот, значит, откуда эта холодная, отстраняющая красота, светлые волосы, светлые глаза...

С улицы донеслось ворчание автомобильного мотора. Испугавшись, что это вернулись домой Шапиро, Эмма метнулась к окну. Нет, по счастью, ложная тревога, можно продолжать расследование.

Эмма не стала терять времени в ванной комнате хозяина, зато задержалась в ванной хозяйки. Открыла все дверцы, ящички, отделения во всех шкафчиках и шкафах. На полках навесного шкафа — изобилие косметики: кремы, лосьоны, тушь, тени. В общем, чего только нет. Подкрашенный краской деревянный шкаф-колонка, похоже, был отведен под аптеку. Эмма обнаружила в нем самые разные лекарства. Проглядела названия: аспирин, парацетамол, ибупрофен; потрогала флакончики: семидесятипроцентный спирт, физиологический раствор, кислородная вода. За коробкой с липкими бинтами и бумагой для компрессов нашла то, чего найти никак не ожидала, пластиковые тубы с такими сложными и такими знакомыми названиями — антидепрессанты, успокаивающие, снотворные.

Эмма не поверила собственным глазам: Кейт и она навещали одних и тех же вредоносных друзей. Почему-то это открытие доставило ей глубочайшее удовлетворение.

Несмотря на сияющий вид, Кейт не была спокойной, уверенной в себе женщиной. Она ничем не отличалась от Эммы: и на нее наплывали страхи, случались приступы паники, и, возможно, в глубине души она тоже чувствовала себя неуверенной и уязвимой. А муж? Он знал о «помощниках», которые прячутся в аптечном шкафчике? Скорее всего, нет. Иначе врач-хирург не убирала бы их так старательно. И потом Мэтью, похоже, был не из тех мужчин, которые роются в вещах жены.

Эмма продолжила знакомство с хозяевами дома, заглянув в гардеробную.

«Вот она, моя мечта!»

Просторная, удобная, очень практичная комнатка. Шкафы-купе из светлого дерева с дверными панелями из стекла и зеркал, которые расширяли пространство. С неистощимым любопытством Эмма открывала каждую секцию, заглядывала на каждую полку, в каждый ящик, приподнимала стопки одежды, стопки белья, рассматривала дюжины пар туфель. В углу у стены стояла лестница из темного дерева. И еще лесенка-табуретка. С ее помощью можно было добраться до верхних полок и секций. Эмма потрудились влезть на лесенку-табуретку и тщательно изучила верхнюю часть гардеробной. На одной из самых верхних полок на глаза ей попала кожаная куртка. Лежала свернутой в комок. Потертая мотоциклетная куртка с замшевым воротником, очень похожая на ту, что была на «любовнике» Кейт этим утром. Эмма осмотрела куртку с особым пристрастием. Ощупала меховую подстежку. В одном из внутренних карманов нашла потускневшую фотографию. Полуголая, с обнаженной грудью, Кейт лет пятнадцать тому назад. Молодая, едва ли не двадцатилетняя женщина, сидя в соблазнительной провоцирующей позе, с настойчивым упорством смотрела в объектив. Эмма перевернула снимок, ища какой-нибудь надписи на обороте. Надписи, которая могла что-то объяснить, подсказать. Но на обратной стороне ничего не было.

Возбуждение Эммы росло с каждой секундой. Она пересняла на телефон эту фотографию, как и все другие, а потом снова положила снимок на прежнее место — в карман — и убрала куртку на полку.

«Теперь пора уходить...»

Для очистки совести Эмма заглянула и на третий этаж. Верх дома не топили. Очевидно, тут предполагалось сделать комнаты для гостей. Одна из них и ванная были отремонтированы, две других были еще в работе.

Эмма спустилась на первый этаж и еще раз обошла гостиную и кухню. На небольшом наборном столике стоял домашний компьютер. Она обратила на него внимание и раньше, но подумала, что на нем стоит пароль.

«А вдруг нет?»

Подвигав мышкой, разбудила спящий экран. Компьютер проснулся, и Эмма оказалась на территории Кейт. Никаких паролей, никакой защиты.

«Значит, никакой интересной информации», — заключила Эмма.

Но на всякий случай все же пробежалась мышкой по разным папкам. Кейт, похоже, пользовалась домашним компьютером исключительно в профессиональных целях. Здесь были собраны статьи, картотека, фильмы, касающиеся кардиохирургии и сердечных болезней. Закладки в Интернете были собраны на тему хирургии, электронная переписка тоже была исключительно деловой. Единственным исключением в этой медицинской вселенной был сайт «Развлечения жительницы Бостона», предлагавший адреса интересных мест в Бостоне — кафе, рестораны, магазины... Увлеченная профессией хирург время от времени посещала этот сайт. Эмма записала адрес сайта ручкой на руке и попробовала открыть папки Мэтью. У Мэтью тоже не было пароля. Судя по всему, между мужем и женой царил полное доверие. По крайней мере, по компьютерной части. Эмма пробежалась по папкам Мэтью и тоже не нашла ничего примечательного. Правда, нашлась папка со множеством фотографий, содержащихся в большом беспорядке. Она начала было их просматривать, но поняла, что их слишком много. Пошарила в кармане пальто и вытащила ключи от своей квартиры. На кольцо, кроме ключей, висел брелок в виде маленькой металлической бутылочки — калифорнийское пино нуар. Рекламная штучка. Ей подарили эту бутылочку, когда она ездила с экскурсией на виноградники в Калифорнии. Эмма отвернула верх бутылочки, и оказалось, что под симпатичной оболочкой скрывается флешка. Решив перекинуть на нее папку с фотографиями и рассмотреть их как следует на досуге, Эмма вставила ее в компьютер. Копирование фотографий еще не завершилось, когда Эмма услышала фыркание мотоцикла. Тут же вытащила флешку и подбежала к окну.

«Черт!»

На этот раз приехали Мэтью с Кейт и остановились как раз перед собственной входной дверью.

«Убежать невозможно! Слишком поздно!»

Единственное спасение — бежать вверх и спрятаться там.

Эмма помчалась по лестнице на второй этаж, слыша, как внизу отворяется входная дверь.

Остановившись наверху, чтобы перевести дыхание, она отчетливо различила голоса — мужской и женский. Как же ей стало страшно! Она юркнула в комнату Мэтью и Кейт. Стараясь действовать как можно тише, Эмма подняла раму окна и на прощание обвела взглядом комнату. В гардеробную дверь открыта. К стене прислонена большая деревянная лестница. Она уже видела ее, но не обратила внимания. А теперь удивилась: что она там делает? Зачем она? Лестницы-табуретки, которой она воспользовалась, с лихвой хватало, чтобы добраться до верхних полок. Эмма отошла от окна и, крадучись, вошла в

гардеробную.

«Интересно, почему лестница темная, когда все остальные шкафы и полки светлые?»

Эмма подняла глаза к потолку. Голоса раздавались теперь в гостиной. И все-таки она решила воспользоваться этой лестницей и поставила ногу на первую перекладину.

«Эта лестница не для шкафов, она... для потолка?»

И вот Эмма уже на последней перекладине. Она нажала рукой на потолок, и квадрат, что-то вроде дверцы, поддался и приоткрылся. Запустив руку в отверстие, она что-то нащупала. Ремень, а точнее, лямку от рюкзака или сумки. Потянула, и на нее повалилась большая матерчатая сумка. Судорожным движением Эмме удалось удержать ее. Большая красная сумка из тех, что годятся на все случаи жизни, с логотипом известной спортивной фирмы в виде длинной белой запятой. Сумка тяжелая, набита чем-то доверху. Встав понадежнее, Эмма поспешно расстегнула ее и заглянула внутрь. И хорошо, что не свалилась от изумления.

Сердце у нее забилося как сумасшедшее. На другой лестнице слышались шаги.

Она запихнула сумку в тайник, вернула на место квадрат-дверцу, одним махом спустилась вниз и рванула к окну. Хорошо, что она уже подняла раму.

Эмма вылезла в окно, перебралась на пожарную лестницу, спустилась по ней во двор и помчалась со всех ног.

Бостон, 2011

9 часов 45 минут

Вся клавиатура компьютера залита горячим шоколадом.

— Прости, папочка! Прости меня! — умоляла Эмили в ужасе от того, что натворила.

Мэтью вскочил с табурета, отключил от сети компьютер и стал трясти его, пытаясь избавиться от липкой жидкости.

— Я не нарочно, папочка! — оправдывалась Эмили, спрятавшись в объятиях Эйприл.

— Конечно, лапочка! Кто бы сомневался! — утешала ее Эйприл.

Мэтью, не говоря ни слова, вытирал клавиатуру тряпкой.

«Что делать?»

Сердце колотилось как безумное и отдавало в виски. Нужно действовать. Как можно быстрее!

Эйприл достала из сумочки ватные диски для косметики и протянула Мэтью.

— Вытирай! Подушечками удобнее! Как думаешь, внутрь протек? — спросила она.

— Боюсь, что да.

— Может, еще обойдется, — попыталась она успокоить Мэтью. — В прошлом году я уронила включенный мобильник в унитаз.

Потом высушила, сменила симку, он включился и работает до сих пор.

Мэтью задумался. Лезть самому в нутро компьютера бесполезно. Он не большой дока по части техники. Собрался было снова включить компьютер и посмотреть, что будет. Но раздумал.

«Короткое замыкание будет, и все сгорит», — сказал он сам себе.

— Отвезу его к мастеру, — решил он, взглянув на часы. — Сможешь посидеть с Эмили еще час?

Мэтью вызвал такси, за пару минут принял душ, натянул джинсы, свитер, теплое пальто, сунул компьютер в кожаную сумку и вышел из дома.

Отправляться в фирменный магазин фирмы «Эппл» накануне Рождества, конечно, не имело смысла. Гарантии у старенького ноутбука тоже, разумеется, не было. Мэтью попросил шофера отвезти его в маленький магазинчик на улице за Гарвард-стрит. В этот магазинчик нередко забегали его студенты.

В это утро Мэтью, без всяких сомнений, был первым посетителем. Хозяин, старый расплывшийся хиппи, только-только успел отпереть дверь и теперь, усевшись за прилавком, собирался позавтракать.

Хозяину было лет за шестьдесят, не меньше. В гриве длинных волос уже мелькала седина, живот, несмотря на широкий ремень, вываливался из узких джинсов, но футболку, выглядывающую из расстегнутого кожаного жилета, по-прежнему украшал кубинский флаг.

— Могу чем-то помочь, шеф? — осведомился он, смахнув сахарные крошки от пончика, застрявшие в зарослях окладистой бороды.

Мэтью вытащил ноутбук из сумки, положил на прилавок и рассказал про приключившуюся беду.

— Пить горячий шоколад за компьютером — не лучшая идея, — проворчал продавец.

— Это моя дочка, ей всего четыре с половиной и...

— Думаю, горячий шоколад — наихудшая вредоносная субстанция для современной техники.

Мэтью тяжело вздохнул. Если честно, он пришел сюда не за нравоучениями.

— Скажите, вы можете мне помочь или нет?

— Дайте покопаться. Если мать цела, то уж клавиатуру придется менять однозначно. А где такую найдешь? Машинка-то старенькая. Влетит в кругленькую сумму. Вам это надо?

Продавец прищурил глаза за круглыми в металлической оправе очками.

— Ну, за ценой я не постою. Компьютер мне очень дорог. Как воспоминание. Вы можете его открыть?

— Этим и собираюсь заняться. Посмотрим, что у нас получится к будущей неделе, шеф.

— К будущей неделе?! Да вы что?! Компьютер нужен мне сегодня!

— Это вряд ли, шеф.

— Сколько?!

— То есть?

— Сколько будет стоить срочная починка?

— Ты думаешь, все продается за деньги, шеф? Думаешь, тугая мошна все решает?

— Может, хватит разыгрывать Че Гевару? И не называйте меня шефом!

Продавец задумался на секунду, потом предложил:

— Если раскошешься на пять бенджаминов, ^[28] можем потолковать. В конце концов, это твоя проблема, тебе виднее.

— Вот и отлично. Я заплачу, сколько скажете, только сделайте. Немедленно.

Вооружившись отверткой, старик освободил механизм от алюминиевого корпуса и принялся бережно стирать изопропиловым спиртом следы какао, заботясь, чтобы не повредить электроники.

— Главное, чтобы при работе компьютера сахар от нагревания не превратился в карамель, — работая, бормотал он себе в бороду.

Покончив с очисткой, старик включил старенькую лампу с медным рефлектором.

— Нет ничего лучше, если хочешь просушить детали.

— Долго еще ждать? — нетерпеливо осведомился Мэтью.

— Терпение — наша главная добродетель, шеф. Иди-ка лучше за моей денежкой и возвращайся через часок. Похоже, жесткий диск не пострадал. За двести дополнительных тугриков я могу тебе его скопировать, и ты не потеряешь ни одного из своих файлов.

Тип явно пользовался его безвыходной ситуацией, но Мэтью не собирался торговаться с бесстыжим спекулянтом, в руках которого неожиданно оказалась жизнь его жены.

— О'кей! Буду через час.

Мэтью вышел на улицу, снял со счета в первом же банкомате 700 долларов, сделал еще несколько шагов и плюхнулся в ближайшем из множества на Гарвард-стрит кафе на стул, чувствуя безысходную тоску и подавленность.

Что делать дальше? Даже если компьютер заработает снова, нет никакой гарантии, что контакт с Эммой возобновится. Их диалог через реку времени был хрупкой, необъяснимой, почти что магической ниточкой... И эта ниточка растаяла в горячем шоколаде! Мэтью повторил про себя последнее послание Эммы. Оно намертво врезалось ему в память.

«Я долго колебалась, посылать ли Вам видео (см. в приложении). Надеюсь, оно не окажется для Вас слишком мучительным ударом. Извините, что я вторгаюсь в Вашу семейную жизнь, но, может быть, Вы мне скажете, что за человек сидит в обществе Вашей жены?»

Тон письма ему очень не понравился. Что эта Эмма имела в виду? Что Кейт ему изменяла? Что присланное видео могло быть оскорбительным для его чести? Нет. Такого быть не могло! Он никогда не сомневался в любви своей жены. И ничто не могло нарушить его безграничное доверие. Ни при ее жизни, ни после ее смерти.

Мэтью отпил глоток кофе и попытался встать на сторону дьявола.

Вполне возможно, сексуальная жизнь у них несколько потускнела по сравнению с началом влюбленности. Вначале она была страстной, пылкой, но скоро родилась Эмили, и после ее рождения все пошло куда спокойнее. Спокойнее, обыкновеннее, привычнее. Но ведь таков неизбежный удел всех семейных пар. Разве нет?

Мэтью продолжил мучительный анализ. А что, если у Кейт все-таки был любовник? И сразу же отрицательно затряс головой. Даже появившись у нее такое желание, у нее не нашлось бы времени на адюльтер. Кейт работала днем и ночью, всегда, сколько он ее знал. К изматывающему графику в больнице она прибавляла изучение специальной литературы и написание научных статей. Крохи свободного времени проводила с ним и с Эмили.

В раздумье Мэтью потер себе подбородок. После смерти Кейт он избавился от всего, что она носила. Грузовичок Армии спасения увез все до последнего лоскутка. Себе он не оставил ничего, не желая терзаться лишней болью.

В силу обстоятельств после похорон он был вынужден разбирать бумаги Кейт. Что касается денежной части, то счет у них был общим, и он не заметил никаких особенных трат. Никаких подозрений не вызвали и ее файлы в компьютере. Единственное, что его поразило до глубины души, так это антидепрессанты, которые он обнаружил в ее ванной комнате. Почему Кейт никогда ему ничего не говорила о них? Но он счел, что виной всему перегрузки на работе. Может быть, стоило копнуть глубже?

— Принес мои бабули, шеф?

Мэтью протянул старому хиппи семь купюр по сто долларов, и они мгновенно исчезли в кармане джинсов.

— Здорово, да? — задал старичок следующий вопрос, показывая на детали компьютера, которые все еще сушились под доморощенным рефлектором.

— Щас мы все тебе наладим, — пообещал он, сопровождая свои слова энергичным взмахом руки.

Сборка заняла минут пятнадцать, после чего старичок-хиппи сказал с необыкновенной важностью:

— Ну что? Самое время перекреститься, шеф!

Он нажал на кнопку включения, и чудо свершилось. Ноутбук заработал, пропел приветствие и предложил ввести пароль.

«Слава тебе господи!»

Мышка работала идеально. Сам себе не веря, Мэтью поспешно ввел пароль, чтобы проверить, как работает система.

— Везенье у вас, я скажу, уникальное! По пословице: так только рогачам везет! — с довольным видом воскликнул мастер.

Мэтью пропустил народную мудрость мимо ушей. Он взглянул на иконки на рабочем столе и нажал на значок, чтобы войти в Интернет. Тут вдруг мышь перестала работать, экран погас. Черный прямоугольник.

И все.

Мэтью попробовал снова включить компьютер.

Безрезультатно.

— Кранты, — подтвердил продавец. — Если бы заработал, было бы чудо, а чудес не бывает.

— Но ведь можно же что-то сделать! Заменить детали, еще что-нибудь!..

— Это уже без меня, шеф! Твоя машинка отдала концы. Ничего не поделаешь, такова жизнь.

Он протянул Мэтью жесткий диск.

— Я перестраховался и вытянул из твоей железки все, что можно. А это главное, разве не так?

«Нет, не так».
Это как раз не главное...

14

Екатерина Сватковская

Не желай жены ближнего своего.

Исход, 20:17

Бостон, 2010
11 часов утра

Тучи набежали с нездешней скоростью. Веселое утреннее солнце спряталось за темно-синие свинцовые тучи, а из них очень скоро посыпал снег. Густой, мелкий, кружась, он заваливал Соут-энд.

Эмма смахнула снежинки, что садились ей на волосы, и натянула пониже капюшон. Вот уже минут двадцать она гуляла под снегом. Сбежав из дома Шапиро, она отправилась в гостиницу, но у нее в номере делали уборку, и она решила немного прогуляться, чтобы обдумать все на свежем воздухе. Однако на улице стало так невыносимо промозгло и холодно, что Эмме показалось: мозги у нее под анестезией.

Она дошла до угла Копли-сквер и Бойлстон-стрит и остановилась перед нарядным зданием городской публичной библиотеки. Ни секунды не колеблясь, Эмма поднялась по ступенькам лестницы на крыльцо и вошла в великолепный приемный зал, украшенный фресками и статуями. Зал во вкусе итальянских дворцов эпохи Возрождения. И двинулась наугад дальше: миновала пост дежурного, потом кассу, где продавали билеты на устраиваемые в библиотеке выставки, и вышла в маленький внутренний дворик, похожий на дворик старинного аббатства. Получив необходимые сведения от служащего, она прошла через рамку безопасности и стала подниматься по широкой мраморной лестнице в читальный зал.

Читальный зал был великолепен — огромная, семидесяти метров в длину, комната под сводчатым потолком. Вдоль стен с обеих сторон столы из темного дерева с латунными настольными лампочками в опаловых абажурах.

Эмма выбрала стол у окна, предпочитая обычный дневной свет. Достала телефон, ноутбук и принялась за работу, стараясь изучить как можно тщательнее все «вещдоки», которые ей удалось добыть.

Первым делом она занялась происхождением Кейт. Как оказалось, та была русской и переделала на американский манер свое имя, а звали ее Екатерина Викторовна Сватковская.

«Родилась 6 мая в Ленинграде (СССР)».

Эмма вглядывалась в детские фотографии Кейт. Вот в возрасте шести или семи лет она стоит возле пианистки — без сомнения, своей мамы — в концертном или репетиционном зале. На других фотографиях эта же женщина вместе с девочкой сфотографирована в городе, где видна церковь с луковичами, характерными для православной архитектуры. Вот девочке одиннадцать или двенадцать лет, и обстановка вокруг совершенно иная. Вместо гризайлей Северной Венеции изумрудная зелень городских газонов. Эмма без труда восстановила маршрут: бегство из Ленинграда и новая пристань — Сиэтл.

Посидев несколько минут в раздумье, поглаживая подбородок, Эмма вновь наклонилась к компьютеру и набрала в Гугле: Сватковская, пианистка. Мать Кейт имела право на отдельную статью в Википедии. Так оно и было. Эмма прочитала ее с большим интересом.

Анна Валерьевна Сватковская (12 февраля 1954, Ленинград — 23 марта 1990, Сиэтл) — русская пианистка. Умерла от рассеянного склероза.

Вундеркинд, окончила консерваторию им. Римского-Корсакова в Санкт-Петербурге, ученица самых известных профессоров консерватории.

Дебютировала в качестве солистки в шестнадцать лет, исполнила Первый концерт Рахманинова в сопровождении Ленинградского государственного оркестра. Участница различных фестивалей, выступала в самых знаменитых залах мира — в Берлинской филармонии и Карнеги-холл в Нью-Йорке. Ее первая пластинка была записана на студии «Дойч Граммофон»: Лист «Соната си минор». Исполнение признано классическим.

Блестяще начавшаяся карьера прервалась в 1976 году из-за рассеянного склероза, начавшегося после рождения дочери. Болезнь вынудила пианистку отказаться от концертирования. В начале 80-х годов она уехала на лечение в Соединенные Штаты. Умерла в 1990 году, проведя последние годы жизни в бедности.

Эмма представила себе детство и юность Кейт. Трудности жизни в чужой стране, ощущение вины из-за болезни матери, тяжкая травма от ее смерти. Несомненно, все это повлияло на выбор профессии Кейт... Эмма стала считать, загибая пальцы: если мать умерла в 1990-м, значит, Кейт исполнилось лет четырнадцать или пятнадцать. С кем же она осталась? С отцом? Но его не было на фотографиях. Он не упоминался в статье.

Юношеские фотографии были гораздо веселее. Кейт училась в престижном университете Беркли и фотографировалась всегда вместе с молодой индианкой, тоже студенткой. «Та самая Джойс Уилкинсон?» — спросила себя Эмма, вспомнив последний из секретных вопросов, на который отвечала агенту охранной фирмы. Но что-то смущало Эмму, когда она рассматривала фотографии — Кейт на них было явно уже восемнадцать или двадцать, и черты ее лица чем-то отличались от теперешней Кейт. Эмма перевела фотографии на компьютер, чтобы сравнить их на большом экране с недавними снимками. Изменение было очевидным, но не таким уж значительным. Черты лица стали более правильными, скулы более отчетливыми. Молодая женщина, скорее всего, побывала в руках пластического хирурга. Но зачем? Зачем доводить свою внешность до совершенства, если ты и без того красива?

«Может быть, она попала в аварию и ей понадобилась пластическая операция?»

Вопрос повис в воздухе без ответа. Взять ответ было неоткуда. Эмма принялась рассматривать другую фотографию, тоже на экране компьютера. Кейт, чуть старше, чем на предыдущих снимках, с вызовом смотрела в объектив. Сложенные под грудью руки подчеркивали ее упругость, плоский живот, крутые бедра. Кейт на фотографии выглядела вызывающе сексуальной.

«Как себя чувствует девушка, если, щелкнув пальцами, может привлечь к себе любого парня? — спросила Эмма, будто бы разговаривая с Кейт. — Жизнь у тебя легче, чем у других? Или ты переживаешь такие же неприятности на любовном фронте? Мучаешься так же, как простые смертные?»

Да, наверное, так же, если судить по таблеткам в твоей аптечке...

Нахмутив брови, Эмма приблизила глаза к экрану, одновременно увеличивая изображение. В те времена Кейт носила на руке возле левого плеча татуировку. Но на других фотографиях татуировки не было. Она была временной? Или Кейт ее удалила? И на этот вопрос не было ответа. Зато Эмма могла попробовать догадаться, по какой причине Кейт захотела удалить татуировку. С помощью мышки Эмма выделила картинку и увеличила ее. На экране появилась фигура лошадки с крученым рогом.

«Единорог...»

Эмма на всякий случай скопировала и единорога, не зная, шутка ли он или какой-нибудь значимый символ...

Она подняла глаза от экрана и потерла себе веки. Снег за окном повалил густыми хлопьями. При взгляде на метель она невольно зябко поежилась. Зато в библиотеке было так спокойно. Тихонько журчало отопление. Тепло, тишина, уют, несмотря на величину зала, рождали ощущение защищенности, располагали к неспешным размышлениям. Старый английский клуб неожиданно разместился в соборе. Эмма попробовала определить, что так умиротворяюще на нее действует. Множество книг в красивых переплетах, выстроившиеся на стеллажах? Шелест переворачиваемых страниц? Скрип самописок? Легкий шорох пальцев, прикасающихся к клавиатуре компьютеров?

Она внезапно почувствовала, что очень нуждается в тепле и безопасности. Открыв красную спортивную сумку из тайника в потолке дома Шапиро, она поняла, что увидела то, чего не должна была видеть. Нечто, таящее в себе грозную опасность.

Эмма закрыла глаза и мысленно вновь увидела, как все было. Вот она открыла молнию, и перед ней... Десятки пачек сто долларовых купюр. Она попробовала прикинуть, сколько лежало в сумке денег. Сумка весила килограммов пять, не меньше. А сколько весит одна купюра в сто долларов? Не больше грамма, наверное. Значит в сумке не меньше пятисот тысяч долларов.

«Полмиллиона...»

Кто может держать полмиллиона долларов в тайнике у себя в гардеробной?» — спросила она, глядя на фотографию Кейт, чьи глаза, казалось, так ее и сверлили.

«Кто ты на самом деле, Кейт Шапиро?»

Кто ты, Екатерина Викторовна Сватковская?»

Эмма решила, что ей пора возвращаться в гостиницу. Она уже приготовилась спрятать ноутбук в сумку, но тут вспомнила, что еще не посмотрела фотографии Мэтью, которые были у него в большом компьютере. Она вставила в компьютер флешку. Переброс был прерван появлением Мэтью и его жены, но тем не менее несколько сотен фотографий скопировать удалось. Теперь осталось их просмотреть. Никакой хронологии, полный хаос. Бытовые сценки свидетельствовали о счастливой семейной жизни, сосредоточенной вокруг маленькой Эмили. Эмма начала листать фотографии быстрее, торопясь углубиться в прошлое Мэтью — до рождения Эмили, до женитьбы на Кейт. И... Она была поражена. Оказывается, до того, как Мэтью встретил Кейт, он был женат! На десятках фотографий рядом с ним была маленькая худенькая женщина с длинными темными волосами, часто заплетенными в косу. Даже на фотографиях она улыбалась редко. Тонкие черты, строгое выражение лица, прямая спина. Эмма сразу подумала, что перед ней или школьная учительница, или одержимая книгами библиотекаря.

Она листала фотографии дальше, и ей попались свадебные. Давние уже фотографии. Даже еще не цифровые. На одной из них был виден огромный многоэтажный свадебный торт в облаках розового и белого крема, а в середине на квадратике из миндального теста надпись:

Мэтью + Сара

20 марта 1996

Интернет позволил Эмме отыскать след некой Сары Шапиро в отчете о школьной экскурсии начальной школы в Роксбери. Отчету было уже добрых шесть лет, но Эмма все-таки набрала по мобильнику номер телефона школы. Несмотря на рождественские каникулы, секретарь взяла трубку. Да, Сара Шапиро по-прежнему преподает, но после развода она взяла свою девичью фамилию Хиггинс и попросила перевести ее в другой район. Эмме сообщили название начальной школы в Уаттапане. Еще один телефонный звонок. Еще одна секретарша. Да, Сара Хиггинс преподает в этой школе. Во время каникул школа продолжает заниматься с детьми, у которых нет возможности покинуть город на новогодние каникулы. Сара Хиггинс повела детей на городской каток.

Бостон, 2011

11 часов 15 минут

Мэтью вернулся домой в нервном, подавленном состоянии. Отпер дверь и сразу увидел на пробковой панели записку.

«Мы пошли прогуляться по новогоднему базару на Мальбрук-стрит. Будь умницей, мы принесем тебе бутылку сидра! Целуем. Эмили + Эйприл».

Шарпей Хлодвиг подошел и ткнулся Мэтью в ноги. Мэтью в задумчивости потрепал его по голове. Увидел, что собака разлила свою миску с водой, машинально вытер лужу и налил новую воду, продолжая думать об одном. Ноутбук окончательно вышел из строя. Но жесткий диск можно открыть на старом домашнем компьютере. Мэтью подключил внешний жесткий диск, который вручил ему старый хиппи. Информации на нем было совсем немного, и Мэтью не составило никакого труда найти видеофильм, который ему хотелось посмотреть.

Он запустил видео, снятое, без всяких сомнений, при помощи телефона, и три минуты, которые шел фильм, пребывал в шоке. Не верил собственным глазам! Кейт в объятиях неведомого ему мужчины! Они целовались, держали друг друга за руки, обменивались взглядами влюбленных подростков...

— НЕТ! ТАКОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Мэтью схватил первое попавшееся ему под руку — это оказался фарфоровый стакан, полный карандашей, — и запустил им в стену. Гром и разлетевшиеся осколки перепугали Хлодвига, он забился под низенький столик. Мэтью закрыл глаза, сжал руками лицо и застыл в немом отчаянии. Раздавленный.

— НЕТ! ТАКОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!..

Мэтью поднял голову. Ничего удивительного. Просто увиденному нужно найти правильное объяснение. Самые убедительные Свидетельства измены могут иметь совсем другой, вовсе не очевидный смысл. Для начала нужно установить, когда было снято видео. В письме Эмма написала, что сделала его «только что». Значит, это было утром 23 декабря 2010-го, как раз накануне аварии и гибели Кейт. Затем надо установить место. Деревянные панели напомнили ему «Гриль 23» и еще «Мак-Кинти», где они иногда встречались. Но, приглядевшись повнимательнее к стенным часам и зеркалам, он понял, что это совсем другое кафе. А мужчина? Высокий блондин с короткой стрижкой, в кожаной куртке с меховым воротником. Его внешность кажется даже знакомой. Вполне возможно. Но почему-то никак не удается вспомнить его имя... Самое ужасное — их отношения с Кейт. Несомненная любовь, близость. Кейт любит этого блондина, ошибиться невозможно. Их близость очевидна. Они словно связаны одним дыханием, сердца бьются в унисон. Сколько времени длилась их связь? Как он мог жить, ничего не замечая?

Мэтью стиснул кулаки, охваченный гневом и невообразимой тоской. Кейт, любовь всей его жизни, предала его! И он узнает об этом только теперь, год спустя после ее гибели. Боль от предательства постепенно окрасилась чувством отвращения и разочарованием. Во власти мучительных разноречивых чувств Мэтью вышел на веранду и распахнул большое окно. Ему нужен был воздух, как ныряльщику, который слишком надолго задержал дыхание. В голове мутилось, ноги подламывались, Мэтью рухнул на плетеный садовый стул и разрыдался. Слезы текли у него по лицу помимо его воли, тело сотрясало в конвульсиях, рот переполняла невообразимая горечь.

Из гостиной донесся радостный крик.

— Папа! Папа! Мы купили тебе сидр и пряничных человечков! — объявила Эмили, появляясь на пороге веранды.

Эмили бросилась ему в объятия, и Мэтью, обняв ее, прижал к плечу хорошенькое личико своей дочки, а сам торопливо вытер рукавом глаза.

Эйприл не могла не заметить его состояния и посмотрела на него вопросительно.

— Я все те-бе рас-ска-жу, — проартикулировал он беззвучно, стараясь, чтобы она прочитала ответ по губам.

— Компьютер починили, папа?

Мэтью отрицательно покачал головой.

— Нет, мышонок, но это совсем неважно.

— Прости меня, пожалуйста, пап. Я больше так не буду, — грустно, опуская глаза, сказала девочка.

— Все бывает, мышка. Кто не совершает ошибок? Пусть эта послужит тебе на будущее уроком.

— Послужит, — пообещала Эмили и улыбнулась солнышку, подставив ему свои щеки с ямочками.

И, как всегда, от яркого солнышка принялась чихать.

— Будь здорова, детка!

— Я уже не детка!

«Это чиханье...»

Мэтью прищурился и внезапно окаменел, пригвожденный к месту неожиданно всплывшим воспоминанием, которое надолго заслонило от себя. Теперь оно вспыхнуло, разорвавшись как граната.

Полгода тому назад, 4 июля 2011 года, в День независимости, он принял приглашение Рашель Смит, одной из своих коллег по Гарварду, которая устраивала барбекю у себя на даче в Кейп-Коде, возле старинного маяка, приютившегося на краю скалистого залива и глядевшего на бескрайний океан. Пока мужчины жарили мясо, женщины, сидя возле воды, болтали, а ребятишки под присмотром няни играли внутри маяка.

— Кто хочет курицы? Кому хот-дог? — громко закричал Дэвид Смит, муж Рашель, славный, уравновешенный человек, главный врач больницы в Чарль-стоуне.

Четыре девчонки тут же выбежали из своего убежища и примчались к нему за едой. День был просто великолепный, солнце залило окрестности ослепительным светом. Оказавшись на солнце, Эмили тут же чихнула несколько раз подряд.

— Она всегда чихает, если попадает из тени на солнце, — заметил Мэтью. — Странно, не правда ли?

— Не тревожься, — успокоил его Дэвид. — Дело известное! Яркий свет заставляет чихать примерно одного человека из четырех. Наследственная особенность, приятель. В медицине ее называют «световой чихательный рефлекс».

— И как ты его объясняешь?

Врач задвигал в воздухе большой вилкой, словно водил указкой по доске.

— Представляешь себе зрительный нерв? Он расположен в непосредственной близости от тройничного нерва, который отвечает за чихание, но и не только, конечно. Тройничный контролирует выделение слезной жидкости, слюны, а также отвечает за мимику лица.

— Хорошо, и что дальше? — поинтересовался Мэтью.

Дэвид ткнул вилкой по направлению к солнцу.

— У некоторых людей эти два нерва как бы сообщаются между собой. Сильное раздражение зрительного нерва тут же передается тройничному, и человек чихает.

— Работают, как два подключенных электропровода?

— Именно, приятель. Ты все прекрасно понял.

— А ты уверен, что это не опасно?

— Абсолютно уверен. Все-навсего небольшая наследственная особенность зрительного и тройничного нерва. Да ты сам должен чихать точно так же!

— Я? Никогда!
— Значит, так чихала Кейт. Иначе быть не может.
— Почему?
— Потому что это доминантный признак.
— И что это значит?

— Это значит, что у ребенка, унаследовавшего эту особенность, один из родителей непременно тоже обладал ею. Так что, если ты не чихаешь от солнца, то уж Кейт-то определенно должна. Эй, забирай свой стейк, пока он не сгорел.

Мэтью поблагодарил кивком головы и отошел со стейком в сторону. Вспоминал. За все четыре года их совместной жизни он ни разу не видел, чтобы Кейт чихала от солнца...

— Папа! Посмотри, какой мне дали большой хотдог! — закричала Эмили, бросаясь к нему в объятия и брызнув кетчупом от хот-дога прямо ему на пиджак. — Ой, папа!..

— Ничего страшного, мышенок, — успокоил он ее. — Но двигайся мягче, дорогая, ты такая порывистая.

Он стер с пиджака томатное пятно, продолжая думать о том, что ему сообщил доктор Дэвид. Но потом решил не морочить себе голову и постарался забыть об этом. И забыл. Вытеснил.

Теперь забытая сцена грубо вторглась в его сознание.

Вернула к настоящему. Вызвала гнев. Потом оцепенение. Потом тоскливую безнадежность. Мучительное сомнение поселилось в нем, терзая и подтачивая. А что, если Эмили не его дочь?

Мэтью снова вернулся к началу их романа с Кейт. Они познакомились в октябре 2006 года. По словам Кейт, зачали Эмили 29 октября. На свет девочка появилась спустя восемь месяцев, 21 июня, погожим летним днем. Недоношенный на месяц ребенок. Обычное дело. Правда, Эмили ничуть не походила на недоношенную: вес три с половиной кило, рост 52 сантиметра. Ее недолго продержали в больнице под наблюдением. Тогда бурная радость, оттого что он стал отцом, заслонила от него все эти «мелочи».

— Пап, ты в порядке? Хочешь, съешь пряник!

Голосок Эмили не освободил Мэтью от размышлений.

— Не сейчас, мышка! Съем обязательно, но попозже, — пробормотал он в ответ.

Мэтью обернулся к Эйприл и без всяких объяснений объявил:

— Мне нужно выйти купить кое-что!

Бостон, 2010

12 часов 30 минут

Эмма вышла из такси на Сомерс-стрит, в самом центре Уаттапана. Уаттапан — квартал, расположенный на южной окраине Бостона. Он не относился к тем, которым путеводители для туристов посвящают многие страницы. Мела метель, улицы были пустынными. Отсутствие людей на улицах успокоило Эмму, избавив от чувства опасности, но вид, куда ни бросишь взгляд, был неприглядным. Маленькие кирпичные домишки откровенно просили ремонта. Громоздились склады со стенами, покрытыми граффити, за заборами пустыри, рядом лачуги с крышами из толя...

Эмма пошла вверх по улице, разыскивая городской каток, и наткнулась на компанию бомжей. Они заняли весь тротуар, сгрудившись вокруг жаровни, оставив в стороне крафтовые мешки, куда собирали банки из-под пива. Из пропитых ртов Эмме вслед понеслись окутанные паром ругательства, но она не обратила на них внимания. Разве такой пустяк мог ее сейчас остановить?

Вот и здание городского катка. Огромный ангар из металлических конструкций, с фасадом, расписанным тэгами местных приколистов. Эмма вошла внутрь ангара, купила входной билет и, минуя раздевалку, отправилась прямо туда, где ребята катались на коньках.

Детские голоса неслись из-за ограды. Каток был поделен на несколько секций. В одной из них молодой тренер обучал школьников-малышей шести-семи лет игре в хоккей. Две учительницы следили за занятиями, поднимали падавших малышей, шнуровали коньки, надевали шлемы и поправляли щитки.

Эмма подошла поближе к сияющему льду и в одной из учительниц сразу узнала Сару Хиггинс. Теперь Сара коротко стриглась, здорово похудела и выглядела гораздо старше, чем на фотографиях, несмотря на джинсы и свитер крупной вязки.

— Миссис Шапиро?

Сара дернулась, словно под действием электрического тока, и ошеломленно уставилась на Эмму. Ее давным-давно никто уже так не называл.

— Кто вы такая? — осведомилась учительница, подходя к борту катка.

— Хорошая знакомая Мэтью. Похоже, у него неприятности, и мне хотелось бы ему помочь.

— Меня это не касается.

— Уделите мне, пожалуйста, пять минут.

— Не теперь. Вы же видите, я занята.

— Поверьте, это по-настоящему важно, — настаивала Эмма.

Сара со вздохом согласилась:

— Тут рядом есть небольшой буфет. Ждите меня там. Я приду через пятнадцать минут.

Спустя двадцать минут.

— Мы прожили с Мэтью почти десять лет, а познакомились еще раньше, — начала Сара и отпила глоток чая.

Эмма сидела напротив нее, внимательно слушала и нервно теребила соломинку в стакане с кока-колой.

— Познакомились мы в 1992 году, в университете Массачусетса, Мэтт учился на философском факультете, я — на педагогическом.

— Любовь с первого взгляда?

— Не сказала бы. Скорее общность интересов. Мы читали одни и те же книги, горели теми же идеями, имели одинаковые политические пристрастия. В первый раз мы поцеловались вечером после выборов, когда впервые победил Билл Клинтон. Я и Мэтт были волонтерами и работали в комитете поддержки.

Сара отвернулась и на секунду прикрыла глаза. Все это теперь казалось таким далеким...

Эмма вернула ее к действительности.

— Вы расстались четыре года назад, я права?

— Почти пять. Расстались быстро. И очень неожиданно.

— У вас уже намечался внутренний разлад?

— Да нет, мы жили мирно, спокойно, были счастливы. Я, по крайней мере, была счастлива...

— В один прекрасный день Мэтью...

У Сары вырвался нервный смешок.

— Да уж, по-другому не скажешь. Но это был вечер. Он вернулся домой и признался, что встретил женщину, которую полюбил, и хочет жить с ней. Он говорил твердо, без малейших колебаний. Он не оставил мне выбора.

— Этой женщиной была Кейт?

— Разумеется. Они встретились за несколько дней до этого в больнице. Мэтью работал в саду и порезал руку секатором чуть ли не до кости. Врач наложила ему повязку. Подумать только! Я сама отправила его в тот день к хирургу. Мэтт твердил, что порез — пустяк, и не хотел идти...

Эмма не могла помешать себе и задала каверзный вопрос:

— А вы не попытались за него бороться?

Сара пожала плечами:

— Вы же видели эту женщину? У меня не было оружия, чтобы с ней бороться. Она была моложе, красивее, значительнее меня. И потом столько лет подряд мы хотели иметь ребенка, но безуспешно. Так что...

Голос у Сары дрогнул, но она продолжила:

— Мэтью в некотором роде романтик, идеалист. Встретив Кейт, он уверил себя, что встретил свою половинку, родственную душу. И судя по всему, она любила его. Может быть, даже больше, чем я. Во всяком случае, лучше, чем я, умела ему это показать...

Слезы заблестели на глазах Сары.

— Какое-то время я надеялась, что это всего лишь пылкое увлечение, что оно пройдет. Но когда узнала о беременности Кейт, поняла, что между мной и Мэтью все кончено навсегда.

Стайка ребятишек с громкими криками влетела в буфет. Сара взглянула на часы и поднялась.

— Мне пора, я должна идти. А почему вы решили, что у Мэтью неприятности?

— Я... Я пока не могу вам сказать. Вы поддерживаете с ним отношения?

Сара отрицательно покачала головой:

— Вы, наверное, шутите? Все последние годы были для меня сущим кошмаром, и я только-только начала приходить в себя после этого ужасного развода. За все эти годы я ни разу не говорила с Мэтью и впредь собираюсь поступать точно так же.

15

Раны, Которые Наносит Истина

Истины, которых нам не хочется знать, — самые для нас важные.

Китайская поговорка

Бостон, 2010

17 часов

Стемнело. Снег ложился на молчаливые улицы Бостона белым пухлым покрывалом. Пуховые хлопья прижимались к ветровому стеклу такси, но дворники тут же уничтожали их. Такси доставило Эмму на Бойлстон-стрит, и она вышла у дверей «Четырех времен года». Швейцар с зонтом проводил ее от машины до дверей гостиницы.

Занятая своими мыслями, молодая женщина быстрым шагом пересекла холл и направилась к лифтам. Ее окликнул старший администратор.

— Мисс Ловенстайн, час тому назад приехал ваш младший брат. Я позволил себе поселить его в номере, смежном с вашим.

— Младший брат? Какой еще младший брат?

Эмма поднялась на седьмой этаж, вошла к себе в номер и увидела там... Ромуальда Леблана.

Вытянувшись на диване, он хрустел чипсами из мини-бара, запивая их содовой водой. Подключил плеер к колонкам и наслаждался творчеством Джимми Хендрикса.

Эмма обвела взглядом комнату. Паренек притащил с собой все свое барахло: чемодан, рюкзак, сумку через плечо... На низеньком столике в гостиной лежал даже его «трутень».

— Что это ты тут делаешь? — осведомилась Эмма, приглушив звук.

— Приехал вам помочь, — сообщил подросток с набитым чипсами ртом.

— Помочь в чем?

— Мне кажется, у вас сложности. Вы получаете странные сообщения по электронке, потом перестаете выходить на работу, тайком проникаете в чужие дома... В общем, начали вести расследование, это точно.

— И как это тебя касается?

— Касается, потому что вы то и дело обращаетесь ко мне за помощью.

Эмма, прищурившись, взглянула на мальчишку. В общем-то, его утверждения не были лишены логики, но Эмма придерживалась другой.

— Послушай меня, мой милый! С твоей стороны, приезд — большая любезность, но ты доставишь мне огромное удовольствие, если соберешь вещи и выкачешься отсюда немедленно!

— Это еще почему?

— Во-первых, потому, что ты несовершеннолетний. Во-вторых, потому, что ты иностранец, незаконно проживаешь в Америке, и твои родители во Франции места себе не находят. В-третьих, у меня достаточно собственных проблем, и мне не нужны дополнительные в виде тебя!

Мальчишка подскочил на диване, но вовсе не потому, что собрался ее послушаться.

— Но я же могу вам помочь в вашем расследовании! Вдвоем мы поведем его куда быстрее! Две головы всегда лучше одной! Все великие сыщики работали вдвоем: Шерлок Холмс и доктор Ватсон, Бэтман и Робин, Старски и Хатч, Бретт Синклер и Дэнни Уайльд...

— Прекрасно! Надеюсь, ты не будешь перечислять мне всех? — рассердилась Эмма.

— Лоис и Кларк, Хит-Герл и Биг Дэдди, Ричард Касл и Кейт Бекетт, — продолжал Ромуальд, загибая пальцы.

— Хватит! — повысила голос Эмма. — Я сказала нет, значит, нет!

Она достала из сумки ноутбук, положила на стол и включила.

— Ты действительно мне помог, и я тебе очень благодарна. Я готова купить тебе билет до Парижа и заплачу за номер на сутки в гостинице, но не здесь, а в «Хилтоне» в аэропорту.

Паренек гневно засопел. Эмма, показывая, что слово у нее не расходится с делом, взялась за мышку, чтобы выйти на сайт Дельта Эрлайн.

— Подождите секундочку! — крикнул вдруг Ромуальд.

Эмма остановилась и посмотрела на него.

— Что еще?

— Эта вот фотография, — возбужденно продолжал мальчишка, тыкая пальцем в компьютер.

На экране в качестве заставки была теперь сцена из заснятого Эммой видео: Кейт в пабе вместе со своим предполагаемым любовником.

— Ты хочешь сказать, что знаешь эту женщину?

— Женщину не знаю, но мужчину безусловно!

Эмма почувствовала, как внутри у нее все загорелось. Очередной выброс адреналина.

— Слушаю тебя очень внимательно.

— Этот тип — это Ник Фитч. Настоящая легенда. Самый богатый бизнесмен в мире и самый загадочный!

— Ник Хорек?

— Почему это «хорек»?

— Потому что по-английски «фитч» — это хорек!

Бостон, 2011

Растянувшись на мягком диване в обществе своей «маленькой собачки», Эмили наконец-то наслаждалась любимым фильмом «SOS, призраки!».

— Тебе тоже страшно, да, Хлодвиг? — спрашивала она, прижимаясь крепче к шарпею.

Мэтью сидел на табурете на кухонном островке и внимательно изучал инструкцию к только что купленной в аптеке на Чарльз-стрит коробочке. Эйприл с грустным видом и явным неодобрением в глазах безмолвно следила за ним.

В Соединенных Штатах провести тест на отцовство проще простого. Любой может купить себе такую возможность всего-навсего за тридцать долларов без рецепта в любой из двадцати тысяч аптек. Кое в каких этот тест даже рекламируют.

Осуществить его тоже очень просто, справится любой: на анализ нужно предоставить соскоб со слизистой оболочки щеки отца и ребенка.

Мэтью проделал необходимую операцию сначала с собой. Заложил ватный тампон за щеку и тер им щеку тридцать секунд, а потом вложил его в специальный конверт, предварительно написав на нем все необходимые сведения. Затем вытащил из куртки пакетик со сладостями, купленными в бакалее.

— Мышонок, хочешь лакричных медвежат?

— Правда? Ты купил мне медвежат? — в восторге закричала малышка, вскочила с дивана и бросилась к отцу. — Спасибо, папочка!

— Но сначала мы проделаем маленькое упражнение.

— Какое?

— Ерундовое. Сейчас увидишь. Открывай-ка рот.

Малышка послушно открыла рот, и Мэтью осторожно стал водить тампоном по внутренней стороне щеки.

— Я досчитаю до тридцати, и ты получишь горсть медвежатиков. Один, два, три...

Эйприл взглянула на Мэтью с гневным презрением.

— Ты просто ничтожество, — процедила она сквозь зубы.

Мэтт не обратил на ее слова никакого внимания.

— Двадцать восемь, двадцать девять, тридцать. Bravo, мышонок! Ты заслужила свои конфеты!

— А Хлодвиг можно угостить?

— Только одной конфеткой на пробу, — великодушно разрешил Мэтью, кладя тампон Эмили во второй конверт.

Затем он положил оба конверта в третий, приложил к ним две оплаченные квитанции: одна на 150 долларов за лабораторное исследование, вторая на 99 долларов, чтобы исследование было проведено в тот же день, заклеил конверт и написал адрес лаборатории.

Infini Gene

425 Orchid Street

West Cambridge, MA 02138

Покупая тест, Мэтью специально выбрал лабораторию Массачусетса, чтобы анализ сделали как можно скорее и сообщили результат еще до полуночи по электронной почте. Правда, там было одно условие: лаборатория должна получить материал до 14 часов дня.

Мэтью взглянул на стенные часы.

Десять минут второго.

Даже экспресс-доставка может не успеть. Но ведь он может и сам метнуться и доставить конверт в лабораторию. У него это займет не больше получаса, даже если на дорогах будет полно машин.

— Можно мне воспользоваться твоим «Камаро», Эйприл?

— А можно, ты пойдешь ко всем чертям, Мэтью?

С другого конца комнаты Эмили немедленно подала голос:

— Нельзя говорить плохих слов, Эйприл, — сообщила она, зажимая уши шарпею.

Мэтью надел куртку и положил конверт в сумку.

— Как хочешь. Поймаю такси на Бэкон-Хилл, — сказал он и перекинул сумку через плечо.

Эйприл осталась одна, но не успокоилась. Она во что бы то ни стало должна была помешать Мэтью сделать преступную глупость!

Эйприл подошла к мягкому диванчику, на котором блаженствовали Эмили с Хлодвигом.

— Мне очень-очень нужно уйти, но совсем ненадолго, сердце мое! Обещаешь вести себя хорошо? Не делай никаких глупостей, ладно? Сиди тихо, как мышка.

Обеспокоившись, малышка надула губки.

— Не играть на кухне со спичками, да?

— Смотри своих «Призраков» и жди, когда появится Бибендум! Ты же больше всего любишь, когда он наконец появляется! А ты...

Тут указательный палец Эйприл нацелился на шарпея.

— Ты, гиппопотам, неси сторожевую службу! И в твоих интересах делать это как можно лучше!

Эйприл надела пальто, взяла ключи от машины и вышла на Луисбург-сквер. Ее «Камаро» стоял по другую сторону парка. Эйприл села в машину, включила зажигание и помчалась на Чарльз-стрит, не обратив внимания на светофор. Она очень торопилась попасть на Бэкон-стрит.

Если Мэтт взял такси, то он должен был уже ехать где-то здесь. Эйприл петляла между автомобилями, разглядывая в попадавшихся такси пассажиров на заднем сиденье. И вдруг метрах в пятистах обнаружила Мэтью в стареньком автомобиле компании «Такси Чистый воздух», которых в последние два-три года в городе стало гораздо больше. Эйприл мгновенно догнала такси и подала знак другу, предлагая пересесть к ней. Но Мэтью и в мыслях не имел поддерживать эскапады Эйприл. Напротив, он наклонился к шоферу и явно попросил его прибавить скорость.

Эйприл вздохнула и пристроилась вслед за «Тойотой». Она позволила такси выехать на Гарвардский мост, а потом прибавила скорость и помчалась рядом. Несколько минут автомобили двигались в опасной близости, едва не касаясь друг друга. Нервы шофера такси не выдержали. Он сменил полосу и остановился у обочины.

— Выходите из машины! — приказал он Мэтью. — Из-за вас у меня могут быть большие неприятности!

Эйприл уже стояла позади такси.

Мэтью попытался переубедить шофера, заставить его ехать дальше, но шофер отказался наотрез, развернулся и уехал.

Эйприл зажгла фары, засигналила, привлекая внимание Мэтью. Делать остановки на одной из полос моста было строжайше запрещено.

— Садись, Мэтт, поехали домой! — закричала Эйприл Мэтью, притормаживая возле пешеходной зоны.

— И речи быть не может! Не смей вмешиваться в мои дела, черт тебя побери!

— А на кой черт тебе понадобился этот тест на отцовство? — заорала Эйприл, стараясь перекрыть дорожный шум. — Если Эмили не твоя биологическая дочь, ты ее разлюбишь?

— Нет, конечно! Но я не хочу жить среди лжи!

— Взвесь все хорошенько, Мэтт! — посоветовала Эйприл и положила руку ему на рукав.

— Я уже подумал, и очень хорошо. Я имею право на правду. Я хочу понять, что случилось с Кейт. Хочу знать, почему она мне изменяла и с кем.

— Кейт умерла, ее больше нет, Мэтью. И придет время, когда ты с этим смиришься. Ты прожил с ней счастливые годы, и что бы она ни прожила до вашей встречи, она выбрала тебя в отцы своего ребенка.

Мэтью услышал то, что хотела сказать ему Эйприл, но обида была слишком велика.

— Ты не понимаешь. Кейт меня предала. Я доверился ей целиком и полностью, ради нее я расстался со своей женой, я...

— Ты давно уже не любил Сару, — заметила Эйприл.

— Это неважно. На протяжении четырех лет рядом со мной жила незнакомка, а мне казалось, что я знаю эту женщину лучше всех. Мне нужно понять, кем на самом деле была Кейт. И я постараюсь узнать о ней все, что можно.

Эйприл схватила Мэтью за воротник и встряхнула.

— Ее уже нет, тебе ясно?! Очнись! Зачем тратить время и рыться в прошлом, которого больше не существует?!

— Чтобы узнать, кто были эти люди на самом деле! — упорствовал Мэтью, высвобождаясь из рук Эйприл.

— А меня, например, ты знаешь? Какая я на самом деле? — спросила Эйприл, резко повернув разговор в другое русло.

Мэтью сурово сдвинул брови:

— Да, тебя я знаю. Ты мой лучший друг и...

— Что ты знаешь обо мне по-настоящему, Мэтью?

— Знаю, что ты родилась неподалеку от Сан-Диего. У твоих родителей был антикварный магазин. Ты изучала искусствоведение в Калифорнийском университете, в Лос-Анджелесе. Ты...

— Да, все это я тебе рассказывала, но это неправда. Моя мать переспала с половиной мужчин Невады и не могла мне толком объяснить, кто из них мой отец. Она не имела никакого отношения к антиквариату. Она была пьяницей и никогда ничего не делала, только вытягивала из кого могла деньги и напивалась. Искусствоведение? Я никогда не училась в университете. Я училась в Чаучилле, в самой большой женской тюрьме Калифорнии! Да, Мэтью, я сидела в тюрьме!

Пораженный обрушившимся на него потоком информации, Мэтью смотрел, не отрываясь, в глаза своего лучшего друга Эйприл.

— Не буду рассказывать тебе трогательных историй в духе Диккенса, — продолжала Эйприл, — скажу коротко: детство и юность у меня были не простыми: бог весть какие знакомства, ранние любовные связи, наркотики. Много наркотиков. Было время, когда я готова была на все, лишь бы достать их. Всерьез, на все.

По щеке Эйприл скатилась слезинка. Унизительные, горькие картинки поплыли со всех сторон, готовясь ее утопить, но она волевым усилием прогнала их.

— Моя жизнь в аду завершилась, как положено, тюрьмой. В двадцать два года копы арестовали меня за грабеж с насилием. Я получила три года строгого режима в Чаучилле. Вот кто я на самом деле, мой дорогой...

Эйприл замолчала, переводя дыхание, убрала прядь волос, которой заслонил ей глаза ветер.

— Но я не только та, которой была, — вновь заговорила она. — Я еще женщина, которая боролась за то, чтобы получить вторую попытку. Женщина, которая начала новую жизнь на другом конце страны. Которая вот уже десять лет не прикасается к наркотикам и которая сумела добиться успеха благодаря художественной галерее!

— Мне можно доверять, Эйприл, — сказал Мэтт. Почему ты мне сразу не рассказала обо всем этом?

— Потому что нужно смотреть в будущее. Потому что прошлое — это то, что кануло в Лету. Потому что мертвые должны спать среди мертвых.

Мэтью опустил голову. Эйприл уже его убедила, но она прибавила и еще несколько слов.

— Давай тут и остановимся, Мэтью. Не рискуй и не ставь былое под вопрос. Ты причинишь себе только лишнюю боль. Внешность часто бывает обманчивой, и у Кейт уже нет возможности рассказать тебе о том, что с ней произошло на самом деле. Не лишай ее благословенного покрова загадочности. После теста на отцовство и копания в прошлом Кейт появятся два пострадавших — ты и твоя маленькая дочка. Переверни страницу, Мэтт, прошу тебя!

С полными слез глазами Мэтт протянул сумку Эйприл. Она вытащила оттуда ноутбук и конверт, предназначенный для лаборатории. Размахнулась и с высоты моста бросила то и другое в реку, а потом помогла совершенно раскисшему Мэтью сесть на заднее сиденье «Камаро». Они поехали домой.

Мощное течение реки Чарльз подхватило конверт с пробами и вынесло в Атлантический океан. Конверт канул в океан. Ноутбук пошел камнем ко дну, и никто уже не смог бы его выловить из ледяных вод Чарльза. Новая встреча Эммы и Мэтью стала невозможной.

Однако не все так просто в этом мире.

Часть Четвертая

ЖЕНЩИНА НИОТКУДА

16

Черный Принц

Кто хранит уста свои и язык свой, тот хранит от бед душу свою.
Притчи Соломона. 21: 23

Бостон, 2010
18 часов 30 минут

Почти весь первый этаж гостиницы занимал японский ресторан, яркий, переливающийся огнями, нарядный, как буддийский храм. Народу там было много, так что Эмма и Ромуальд с трудом проложили себе дорогу к суши-бару и заняли два табурета у

стойки.

Ромуальд вытащил из рюкзака планшет и протянул Эмме — пусть пока что ознакомится со скачанным из Интернета досье.

— Ник Фитч, уж вы мне поверьте, не уступает Стиву Джобсу и Марку Цукербергу, — с жаром заявил парень. — Ну да, широкая публика о нем не слыхала, зато для программистов он живая легенда.

Эмма внимательно читала биографию Фитча, пропуская болтовню юного француза мимо ушей:

«Николас Патрик, он же Ник Фитч, родился 9 марта 1968 года в Сан-Франциско. Ныне один из ведущих американских программистов, глава Интернет-издательства, создатель компании „Fitch Inc“.

Юный хакер

В семнадцать лет, сидя за университетским компьютером, он на спор взломал базу данных NASA, хотя, по общему мнению, она снабжена самой лучшей в мире защитой. Четверть часа, не меньше, наслаждался неограниченным доступом к средоточию секретной информации государственной важности, однако ни один файл открывать не стал. Через несколько дней в кампус Беркли нагрянула полиция. Его задержали за незаконное проникновение, и вскоре он предстал перед судом. Учитывая юный возраст обвиняемого, а также то, что никакая информация не была похищена, присяжные вынесли мягкий приговор: два месяца исправительной колонии, а затем год под наблюдением полиции».

— Кого-то он мне напоминает, — ехидно заметила Эмма. — Похоже, у вас с ним много общего.

— Сочту за комплимент, — Ромуальд в ответ расплылся в широченной улыбке, обнажив ряд неровных зубов.

Он действительно был польщен и с особенным удовольствием отправил в рот темаки, длинный ролл из водоросли нори, — такие принято есть руками.

Посетители ресторана сами брали закуски с небольших тарелок, что ползли через весь зал по ленте конвейера-кайтена. Цвет тарелки указывал на цену угощения, сверху каждую тарелку прикрывала прозрачная колба.

Эмма заказала чай и вновь открыла файл с биографией любовника Кейт.

«Знаменитый создатель компьютерных игр

В самом начале девяностых Ник Фитч прославился, создав игру в стиле фэнтези, RPG с элементами стратегии в реальном времени. Главный герой, Черный Принц, защищает Три Королевства от нападений воинственных соседей всех мастей, разоблачает заговоры и козни врагов внутри государства. Все права на распространение игры проданы фирме „DigitalSoft“ по баснословной цене. Вплоть до 2001 года первоначальная версия не претерпела никаких изменений.

Создатель новой операционной системы

Еще студентом Ник Фитч изобрел новую операционную систему „Unicom“ и выложил в Интернет на специальном сайте код доступа к ней, тем самым сделав ее de facto доступной, бесплатной и популярной среди коллег.

Другие программисты-разработчики сразу начали использовать ее, распространять и улучшать. Постепенно система „Unicom“ приобрела репутацию надежной и удобной, однако до недавнего времени о ней знало лишь замкнутое сообщество программистов.

Создатель компании Fitch Inc.

Понемногу Ник Фитч перевел систему „Unicom“ на коммерческую основу и создал для ее дальнейшего распространения собственную компанию Fitch Inc. Ее сотрудники занимаются также созданием различного программного обеспечения, разработкой игр, рекламой, работой с пользователями. Некоторые коллеги, приверженцы первоначальной версии „Unicom“, упрекали Фитча в том, что он пошел в дальнейшем по пути стандартизации и упрощения. Тем не менее новая стратегия вскоре принесла свои плоды: теперь система „Unicom“ способна конкурировать даже с „Windows“, несравненным изобретением корпорации „Microsoft“. Пока что система Фитча не слишком пригодна для использования на персональных компьютерах, зато информационные системы предприятий, смартфоны, навигаторы GPS без нее немыслимы, так что Фитчу принадлежит львиная доля на рынке их сбыта».

— Не женщина, а бронепробивной снаряд! — восхищенно воскликнул Ромуальд.

Эмма оторвалась от чтения и обнаружила, что парень тихой сапой завладел ее ноутбуком и радостно открывает файл за файлом.

— Милости просим, не стесняйся, будь как дома! Лезь без спросу в мои дела, на здоровье! — желчно проскрежетала она.

Тот ничуть не смутился, развернул к ней экран как ни в чем не бывало.

— Это же Кейт Шапиро, верно? Жена того психа, что посылал вам сообщения из будущего?

— Да, она.

— Суший... ангел, — пропел Ромуальд, не отрывая глаз от фотографии Кейт.

Там было на что посмотреть. Кейт, скрестив руки, сжимала обнаженные груди.

Эмма глянула на него со злостью:

— Мужчины... С малых лет и до старости все одинаковые! Безнадежный случай, вы неисправимы!

Ромуальд в самом деле застыл, потрясенный беззастенчивой красотой Кейт, рот открыл и слюни распустил. Эмма в ярости крикнула:

— Хватит пялиться на бесстыжую, не выставляй себя идиотом! Над ней же пластический хирург потрудились, неужто не замечаешь? Вот, полюбуемся!

Она с раздражением показала ему всю фотосессию.

— Ваша правда, действительно потрудились, — кивнул Ромуальд. — Но Кейт и прежде была красоткой. Они с Ником Фитчем что-то мутили вместе, я прав?

У Эммы глаза полезли на лоб от удивления.

— Как ты узнал?

— У нее же татушка на левом предплечье: единорог. А Фитч всегда любил это сказочное животное. Выбрал его своей эмблемой еще в восемнадцать лет, когда сделал ту компьютерную игрушку. А потом в честь него назвал собственную хваленую операционную систему. И компанию тоже, заметьте!

— Ну да, «Unicom», — пробормотала Эмма.

«Единорог по-английски... Маленький засранец неплохо соображает», — устало подумала она и продолжила чтение.

„Unicom“ — отважный покоритель государственных секретных, стратегических и военных информационных систем.

ОПЕРАЦИОННАЯ СИСТЕМА „UNICORN“, ВНЕДРЕННАЯ НА МНОГИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ, В КАКОЙ-ТО МОМЕНТ ПРИВЛЕКЛА ВНИМАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ США. И ВСКОРЕ КОМПАНИЯ ФИТЧА СТАЛА СОТРУДНИЧАТЬ ПО ПРЕИМУЩЕСТВУ С АРМИЕЙ, ПРИЧЕМ НА САМЫХ ВЫГОДНЫХ УСЛОВИЯХ. С 2008 ГОДА ВОЕННЫЕ УСТАНОВИЛИ НА СВОИХ СМАРТФОНАХ И ПЛАНШЕТАХ УСОВЕРШЕНСТВОВАННУЮ ВЕРСИЮ „UNICORN“. ПЕНТАГОН ПРИЗНАЛ, ЧТО ЭТА СИСТЕМА НАИЛУЧШИМ ОБРАЗОМ ЗАЩИЩЕНА И АДАПТИРОВАНА ДЛЯ МГНОВЕННОЙ ПЕРЕСЫЛКИ ОСОБО ВАЖНОЙ ЗАСЕКРЕЧЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ.

ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ И ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ ТАКЖЕ УСПЕШНО ИСПОЛЬЗУЮТ „UNICORN“: ПЕРВЫЕ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ИСТРЕБИТЕЛЯМИ И БАЛЛИСТИЧЕСКИМИ РАКЕТАМИ, ВТОРЫЕ — НА ЭСМИНЦАХ И ПОДВОДНЫХ ЛОДКАХ.

Личная жизнь Принуд

Фитча и самого прозвали Черным Принцем из-за его манеры одеваться (неизменная черная кожаная куртка, черная водолазка, черные джинсы), ну и в память о знаменитой игре, само собой. Дерзкий ниспровергатель авторитетов не желает выставлять себя напоказ, предпочитая оставаться в тени. Глава крупнейшей компании бдительно оберегает свою частную жизнь от вторжений журналистов. С 1999 года он упорно отказывается давать интервью. В последней беседе с корреспондентом „Wired“ Фитч признался: „Меня вполне устраивает, что люди знают мое имя, но не узнают меня в лицо“.

Доподлинно о нем известно лишь то, что он страстный поклонник джаза и современной классической музыки и что его коллекция полотен художников-сюрреалистов выставлена для обозрения публики в университетском музее изящных искусств Беркли.

Согласно журналу „Forbes“, в настоящее время капитал Ника Фитча достиг семнадцати с половиной миллиардов долларов».

Эмма закрыла файл, скользнув пальцем по сенсорному экрану планшета, и протерла глаза, словно очнулась от сна. Зачем она ввязалась в эту странную авантюру? На что ей сдались империи новейших технологий, компьютерные гении-миллиардеры, вооруженные силы США? Она и не думала, что попытка выяснить подноготную Кейт заведет ее в такие дебри.

У Эммы опустились руки.

«Какой смысл продолжать поиски? — уныло подумала она. — Кто дал мне право вторгаться в личную жизнь незнакомой женщины? Какого черта я делаю в этой гостинице накануне Рождества вместе с долговязым подростком, неудачником вроде меня? Да, мы с ним достойны кисти фламандцев...»

Какое-то время она наблюдала за тем, как повар сосредоточенно быстро и ловко готовит темаки: сворачивает листики нори и начиняет их рисом с тунцом, авокадо и огурцом. Потом обернулась к Ромуальду. Тот, уставившись в экран ноутбука, хватал не глядя разноцветные тарелочки: карпаччо «Сен-Жак» (тонкие ломтики свеклы с фисташковым соусом), горячие суши, темаки с морским ежом, мясо гигантского краба...

— Ты в курсе, что не обязан перепробовать все, что здесь подают?

Углубленный в какие-то изыскания, он отозвался не сразу.

— Зацените, — парнишка снова развернул к ней экран. — Любопытно узнать, зачем...

Из множества открытых «окон» на Эмму глядела Кейт до и после пластической операции. Ромуальд потрудился, выделив цветом все изменения, даже едва заметные.

— Зачем что?

— Зачем такой молодой и красивой женщине делать пластическую операцию? Согласитесь, довольно странный поступок.

— Ну да, меня это тоже удивило. Тем более что лицо почти не изменилось.

— Почти, но не совсем. После операции Кейт стала безупречной — истинное воплощение классических канонов.

— Канонов, то есть пропорций?

— Именно. Существует так называемое «золотое сечение» — математическая формула «идеальной красоты». Ученые попытались выяснить, отчего некоторые лица обладают такой притягательной силой. И в конце концов вывели алгоритм человеческой привлекательности.

— Математический алгоритм?

— Определенные правила симметрии и строгое соотношение пропорций.

— Ты-то откуда знаешь?

— Как-никак заканчиваю математический колледж. Учитель однажды велел нам прочесть статью о «золотом сечении» в научном журнале, вот я и запомнил. Впрочем, новейшим открытием это не назовешь — формула красоты существовала еще во времена Леонардо да Винчи.

— А кроме симметрии что еще нужно?

— Если не ошибаюсь, в идеале расстояние между зрачками должно быть чуть меньше половины ширины лица. А расстояние от глаз до губ — чуть больше трети расстояния от корней волос до подбородка.

— Стало быть, лицо Кейт довели до совершенства?

— Точней не скажешь. Его превратили в «золотую маску». Теперь от него глаз не отвести. Кейт была без пяти минут прекрасна, а стала прекрасней всех на миллион световых лет вперед.

Эмма терпеливо выслушала его, так сказать, приняла к сведению.

«Вопросов все больше, зато ответов нет как нет...» — подумала она.

— Как, по-вашему, зачем ей это понадобилось? — снова спросил парнишка, цапнув тарелочку с манго.

— Понятия не имею. Чтобы понравиться любимому человеку... Чтобы повысить самооценку... Добиться уверенности в себе...

Ромуальд заглатывал манго с огромной скоростью, пыхтя и давясь. Чем окончательно взбесил Эмму.

— Тьфу ты, черт! Притормози! Куда спешишь? Боишься, что догонят и отнимут? Веди себя прилично, тебе же не три годика!

Ромуальд надулся. Отодвинул тарелку, встал.

— Пойду в туалет, — в гневе рявкнул он.

— Громче, громче кричи, а то не все слышали. Ты бы еще друзей в социальной сети оповестил!

— Нет их у меня, — на ходу буркнул подросток, ссутулившись и втянув голову в плечи.

— Бедняжка Калимеро, ^[29] цыпленок мой черненький, я сейчас зарыдаю! Встретимся в баре «Четырех времен года». Без двух-трех коктейлей мне твоего общества не вынести, видит бог.

Эмма тоже поднялась, оплатила счет, засунула ноутбук в сумку, прихватила парку Ромуальда и вышла из ресторана.

Бар отеля «Четыре времени года» напоминал старинный английский клуб: огромный камин, деревянные панели, книжные шкафы, бархатные диванчики, приглушенный свет ламп под абажурами, бильярдный стол, обтянутый зеленым сукном. Ради праздника на стойке красовалась фаянсовая миска традиционного рождественского напитка эгног. ^[30] Эмма со вздохом облегчения опустилась в роскошное кресло Честерфилд и заказала «Кайпироску», коктейль с водкой, сахарным сиропом и лаймом.

Наконец-то она расслабилась, и непрошеное присутствие Ромуальда вдруг показалось ей вполне уместным. Конечно, он гик, чудак не от мира сего, но в уме и проворстве ему не откажешь. Если направить его интеллект и энергию в нужное русло, из него выйдет незаменимый помощник.

Как только парнишка выразил желание участвовать в ее расследовании, Эмма отбросила ложную гордость и все-все ему выложила. И про свое увлечение Мэтью, с которым обменивалась электронными посланиями, и про утреннюю вылазку в дом Шапиро. Ничего не скрала, даже своей неудачной попытки самоубийства, даже находки полмиллиона долларов в спортивной сумке. Умолчала только о супружеской неверности Кейт и случае в казино.

Сейчас, благо Ромуальда не было рядом, она принялась увлеченно рыться в карманах его куртки. И помимо бесчисленных шоколадок неожиданно нашла массу интересного. Во-первых, билет на поезд из Нью-Йорка в Скарсдейл и обратно. Да-да, в Скарсдейл, престижный городок, куда переехала богема с Манхэттена. Он побывал в Скарсдейле не далее как вчера — одна нога здесь, другая там, в десять утра уехал, в четверть второго вернулся. На обороте нацарапан адрес и любопытное имя: Мишель Беркович, почтенная дама, главный администратор ресторана «Император». Она действительно жила в роскошном особняке вместе с мужем, брокером с Уоллстрит, и двумя детьми. После ухода Джонатана Лемперера Мишель, типичная начальница, холодная, высокомерная, неприветливая, заняла его пост. Так что, черт возьми, забыл Ромуальд у Берковичей в воскресенье?!

Во-вторых, обнаружила другой, не менее странный билет. Оказывается, Ромуальд собирался улететь в Париж... сегодня утром! Эмма закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться. Так, ну теперь понятно, как этому пройдохе удалось с такой скоростью переместиться в Бостон со всеми вещами. Он заранее собрал их, коль скоро возвращался во Францию. Однако без колебаний отложил перелет, как только она ему позвонила и попросила помочь с отключением сигнализации в доме Шапиро... Эмма не знала, чем объяснить его великодушие, да и не было времени раздумывать, нужно поскорей рассовать билеты и шоколад обратно по карманам.

Выпила залпом принесенный коктейль. Водка и лайм приятно согрели ее изнутри. Эмма собиралась заказать еще один, но тут на пороге появился Ромуальд.

Она помахала ему. Напрасно, парень не замечал ничего вокруг. Отгородившись от мира, с молниеносной быстротой набирал что-то на мобильном.

«Занятное поколение... Экран заслонил от них все остальное. Они буквально срослись со смартфонами и планшетами, будто это части их тел... Ну а я разве от них отличаюсь?»

Ромуальд налетел на официанта, пробормотал извинения, оторвался на мгновение от Интернета и наконец-то заметил Эмму.

— Можно отхлебнуть из вашего бокала? — нагло спросил он, садясь напротив.

— Ни в коем случае! Детям алкоголь категорически запрещен. Закажем тебе лимонад или горячее молоко.

— По-вашему, я ребенок? Как бы не так! Держу пари, все вокруг уверены, что мы с вами любовники.

— Вот-вот, мечтай!

Ромуальд вдруг снова стал серьезным.

— Ладно, я тут подумал, нам бы здорово пригодился надежный источник информации о юности Кейт. Прошлое — ключ к пониманию сущности каждого человека, там кроются разгадки всех тайн. Таково общее правило, исключений не существует, — торжественно и авторитетно изрек он.

— Золотые слова! Так и вижу своего психоаналитика, — тяжело вздохнула Эмма. — Продолжай-продолжай, я внимательно слушаю. Тебе нет равных в искусстве убеждения.

— Спорим, их идиллическая дружба с Ником Фитчем не вчера началась? Держу пари, это он ее сфотографировал, — парнишка вывел на экран смартфона стильное черно-белое фото Кейт.

На ее предплечье красовалась татуировка — единорог.

— Вполне возможно, — кивнула Эмма.

— Мы попробуем отыскать давнюю подругу Кейт и расспросим ее обо всем.

— Какую еще подругу?

— Напоминаю: когда мы отключали сигнализацию, третьим паролем было имя ее лучшей университетской подруги.

— Точно, как я могла забыть? — Эмма поспешно закатала рукав, поскольку пароли записала прямо на руке.

— Отличный блокнотик, — съязвил Ромуальд. — Я тоже так делал, когда мне было лет восемь...

— Заткнись, гнусный проныра! — гаркнула Эмма. — Подругу звали Джойс Уилкинсон. Найти ее теперь нелегко. Часами будем сидеть в Интернете. Возможно, она вышла замуж, сменила фамилию...

— Мы отыщем ее в три секунды, — резко перебил Ромуальд.

И мгновенно проник в базу данных университета в Беркли. Впрочем, оказалось, что сведения о студентах прежних выпусков неплохо защищены.

— Не удастся взломать? — посочувствовала Эмма.

— С полпинка не вскрыешь. Мы поступим проще.

Парнишка без лишних затей набрал в поисковой системе: «Джойс Уилкинсон, доктор медицины». И немедленно получил ответ.

— А вот и некая Джойс Уилкинсон, профессор неврологии, доктор наук, преподает в Стэнфорде. Училась на медицинском факультете в Беркли с 1993 по 1998 год.

— Это она, ей-же-ей!

— Специалист по болезни Альцгеймера, — читал дальше вслух Ромуальд. — А вот и подарок вам лично: в настоящее время работает в одном из филиалов Массачусетского технологического института, точнее, в Институте мозга человека, специализируется на церебральных расстройствах.

Эмма закусил губу, чтобы на радостях не завопить во всю глотку. Не может быть, чтобы ей вдруг так повезло! Этот институт расположен в Кембридже, в десятке километров от Бостона, до него же рукой подать!

— Джойс училась вместе с Кейт, они были лучшими подругами, возможно, жили в одной комнате. Вы должны срочно поехать туда и расспросить ее.

— Я бы с удовольствием, только едва ли она захочет отвечать на мои вопросы. А заставить ее я не в силах.

— Припугните хорошенько. Люди поневоле откровенны с полицией.

— Может, ты и не заметил, но я сомелье, а не коп.

— Эту досадную оплошность мы легко исправим. Я вам сделаю такое удостоверение, что настоящее покажется подделкой.

Эмма с сомнением покачала головой:

— Скоро Рождество, у Джойс сейчас каникулы, я ее не застану...

— Есть лишь один верный способ это проверить, — назидательно произнес Ромуальд.

И во мгновение ока набрал номер института, обнаружив его на официальном сайте.

— Ваш выход, мадам. — Он протянул смартфон Эмме.

— Институт мозга человека, — раздался голос секретарши. — Чем могу вам помочь?

Эмма заговорила измененным голосом:

— Здравствуйте, могу я поговорить с доктором Уилкинсон?

— А кто ее спрашивает?

— Ну-у... это ее мама, — Эмму застали врасплох, и она ответила первое, что пришло в голову.

— Не вешайте трубку, мэм, я сейчас соединю вас.

Эмма поспешно отключила смартфон.

— Во всяком случае, мы теперь знаем, что Джойс никуда не уехала, — с этими словами она подозвала официанта и потребовала счет.

Затем недоверчиво спросила у Ромуальда:

— Ты и вправду можешь подделать полицейское удостоверение?

Тот кивнул:

— Без проблем! Пойду в бизнес-центр, там есть отличный цветной принтер. Встречаемся через пять минут.

Как только он ушел, Эмма проверила электронную почту. По-прежнему нет ответа от Мэтью, хотя она утром посылала ему столько сообщений... Странно! В ожидании счета она перебирала в памяти события последних дней, нарушивших мирное течение ее жизни.

«И зачем мне понадобилось нырять в этот бешеный водоворот?!»

Оплатила счет и побежала вслед за Ромуальдом.

Бизнес-центр располагался рядом со стойкой администратора. Просторный зал, разделенный невысокими перегородками на небольшие отсеки, в каждом — кресло, стол с компьютером, принтером, факсом. Эмма нашла Ромуальда в одном из боксов, тот увлеченно что-то искал в Сети.

— Улыбочку! — парень направил на нее камеру смартфона. — Не хватает вашего портрета. Вы агент ФБР или Бостонского полицейского департамента?

— Лучше уж бостонский коп, так правдоподобней.

— В любом случае вам понадобятся другие шмотки. Так вы на полицейскую не тянете.

— А на кого тяну, сказать?

Эмма села возле него и принялась делиться своими сомнениями, наблюдая за процессом изготовления фальшивки.

— Может, зря мы за ней шпионим? А вдруг Кейт — честнейший прекраснейший человек?

— Смеетесь, что ли? Честнейшие люди не прячут спортивные сумки с кучей бабок. Полмиллиона долларов! Это надо же! Нужно разузнать, откуда взялись эти деньги и, главное, что она замышляла.

— И что ты предлагаешь?

— Есть один план. Но мне надо нарыть кое-что по-тихому...

Эмма со вздохом вытащила кредитную карту: доверять так доверять...

— Ладно, купи себе нужную технику. Если налички не хватит — пользуйся, так и быть.

Она снова закатала рукав рубашки и сверилась с записями на руке.

— Ах да, вот еще о чем хотела тебя попросить. Кейт вела блог «Если ты потерялась в Бостоне». Подсказывала дамам адреса недорогих ресторанов и магазинов. Загляни туда одним глазком. Что-то мне там не понравилось: тон, подача материала, выбор мест... Как-то все странно...

— Будет исполнено, — заверил он, поместив название блога в «закладки».
Вскоре компьютерный гений распечатал поддельное удостоверение на тонком картоне и принялся его аккуратно вырезать.
— Вот, лейтенант, возьмите. — Он явно гордился собой, протягивая Эмме волшебный ключ к тайне.
Она одобрительно похлопала его по плечу: молодец, малыш, отличная работа! Затем быстро спрятала карточку в бумажник.
— Не выключай мобильный, о'кей? Не делай глупостей и звони, если что.
— Есть! — Он лукаво ей подмигнул и опять уткнулся в смартфон.

Снег все падал и падал, завалил Бойлстон-стрит, перекрыл движение. Однако жители Бостона не спасовали перед разгулявшейся стихией. Консьержи вооружились лопатами и расчистили площадки перед подъездами, муниципалитет нанял рабочих, чтобы освободить от сугробов и льда проезжую часть.

Неподалеку от отеля «Четыре времени года» находился торговый центр. Эмма купила по-быстрому необходимое: кожанку, кашемировую водолазку, черные джинсы, высокие ботинки.

Примерив все это в кабинке, она критически оглядела себя в зеркале: так выглядит женщина-полицейский или нет?

— Лейтенант Эмма Ловенштайн, полиция Бостона! — и предъявила зеркалу поддельное удостоверение.

17

Парнишка Перед Монитором

Но — на милость разум нужен.

Александр Солженицын

Бостон, 2010

19 часов 15 минут

Крупные хлопья снега совсем залепили стекла очков Ромуальда.

Парень снял их и принялся протирать рукавом свитера, вытянув его из-под куртки. Вновь нахлобучил на нос, однако понял, что видит по-прежнему смутно, картинка размыта. В очках или без, он воспринимал окружающий мир, запутанный, непонятный, сложный, словно сквозь пелену.

«И так всю жизнь...»

А ведь сейчас он в кои-то веки решил действовать по плану, ответственно и последовательно. Магазин компьютерной техники на Бойлстон-стрит, огромный остекленный светящийся куб, Ромуальд заметил еще по дороге из аэропорта. Вот туда-то он и отправится! Тротуар превратился в сущий каток. Он много раз поскальзывался и едва не падал, в последнюю минуту хватаясь за какую-нибудь случайную опору: фонарный столб или столб светофора. В конце концов с грехом пополам добрался до громадного стеклянного фасада трехуровневого здания. За два дня до Рождества везде открыто чуть ли не до полуночи. И повсюду кишат покупатели. Прозрачный муравейник, да и только! Один вид плотной суетливой, куда-то спешащей толпы едва не обратил в бегство злополучного гика. Скопление людей всегда вызывало у него приступы паники. Сердце бешено колотилось, холодный пот стекал по спине. Пересиливая головокружение, спасаясь от давки, парнишка вскочил на эскалатор с прозрачными стенками — такие соединяли три уровня магазина и, обнаженные у всех на виду, казались ему братьями по несчастью.

Поднимаясь вверх, Ромуальд стал дышать свободнее, ровнее, глубже, и понемногу страх улегся. Возле компьютерного салона пришлось набраться терпения, подождать, пока очередь рассосется и к нему подойдет консультант. Куда девалась прежняя растерянность? Ромуальд заговорил толково, деловито, убедительно, сразу видно: этот твердо знает, что ему нужно, и в средствах не стеснен. Парень выбрал самый мощный системный блок, отличный модем, несколько мониторов, кабели, сетевой фильтр. Осуществил давнишнюю мечту. Порезвился. Денег на карте Эммы хватило, и, убедившись в этом, продавец пообещал, что покупки доставит курьер прямо в номер, благо отель расположен поблизости, да и вложенная внушительная сумма как-никак обязывает.

Ромуальд вернулся в «Четыре времени года» пешком, невероятно довольный собой: первое ответственное поручение он выполнил блестяще! Вызвал в номер коридорного, заказал дорожный бургер «Россини» с мраморной говядиной, сое из гусяного паштета, черными трюфелями и соусом «мадейра»; знаменитый вишневый торт «Черный лес» и колу лайт для полного счастья.

А когда принесли покупки, надел наушники, включил плеер, выбрал любимую подборку («Led Zeppelin», «Blue Oyster Cult», «Weezer»...) и много часов под музыку с удовольствием подключал, налаживал, устанавливал. Красота!

В теплой запертой комнате под привычное жужжание системного блока он чувствовал себя в безопасности, в своем собственном уютном мирке. Запасся жратвой, окружил себя всякими гаджетами и в гордом одиночестве углубился в научную фантастику или фэнтези — что еще нужно человеку? Ну да, порой одиночеством не гордишься. Ты один. Один-одинешенек. Ни с того ни с сего накатит волна тоски, в горле ком, глаза на мокром месте.

Он повсюду чужой, скованный, неуклюжий — ему неловко, и с ним не лучше. А притворяться не умеет. Родители и психолог твердят: «Сделай первый шаг навстречу, займись каким-нибудь спортом, а там, глядишь, сами собой появятся друзья и подруги». Чтобы им угодить, он несколько раз предпринимал попытки сблизиться со сверстниками — безрезультатно! Он вообще боялся людей, их оценивающих взглядов, недоброжелательности, насмешек, колкостей. При первой же опасности убегал и прятался в свою скорлупу, как привык с детства.

Ромуальд завершил установку нужных программ и допил колу. Происходящее щекотало нервы, наполняло радостным предчувствием чудес и одновременно вызывало недоумение. Какое волшебство заставило его перенестись за шесть тысяч километров от дома, в Бостон, в роскошный отель к едва знакомой женщине, уверенной, что она шлет сообщения в будущее по

электронной почте?

Нет, его вело не волшебство, а обыкновенное предчувствие. В Эмме Ромуальд угадывал родную душу, старшую сестру — такую же одинокую и потерянную, как он сам, — злую на язык, добрую сердцем. И, главное, ощущал впервые в жизни, что нужен кому-то: ведь без его помощи она не справится, сдастся. Он давно ждал возможности проявить свою внутреннюю силу, недюжинный интеллект, хотя никто и не знал об этом.

Пальцы стремительно бегали по клавиатуре — робкий подросток направил войска на штурм вражеской крепости.

В Нью-Йорке он наблюдал, как Джарод незаконно взломал первый уровень «Domain Awareness System», которая контролировала в реальном времени камеры слежения по всему Манхэттену. И запомнил несколько хитрых приемов. Да, ему вполне хватит навыков, чтобы достичь цели: проникнуть в информационную систему Центральной больницы Массачусетса.

Упорный продолжительный бой, но — терпение и труд все перетрут — в результате в его власти оказались камеры слежения и даже база данных уважаемых медиков. Преодолевая защиту шаг за шагом, он получил доступ к истории болезни каждого пациента, личным делам персонала и всеобщему рабочему графику.

Добраться до Кейт не составило труда. На сегодня ее рабочий день, понятное дело, закончился, а завтра с восьми утра хирург приступит к своим обязанностям: операция в кардиологии, затем поездка в детский медицинский центр Джамайка-Плэйн на юго-западной окраине Бостона.

Да-да, Ромуальд припоминал что-то такое из рассказов Эммы: кажется, грузовик собьет Кейт как раз на выезде с парковки детской больницы... Нужно быть начеку. Его блестящая «хакерская стратегия» позволила за четверть часа вывести на монитор изображение с каждой камеры. Целый час он таким образом бродил по больнице, осматривал окрестности, осваивался, привыкал, а потом вдруг вспомнил о блоге Кейт, с которым Эмма просила его ознакомиться.

Открываем: «Если ты потерялась в Бостоне». Ведет «чайник», сразу видно. Почтенная дама-хирург предлагает список своих излюбленных кафе, ресторанов, магазинов. Каждый отзыв проиллюстрирован. Ромуальд минут десять честно читал все подряд. И вот что его смутило: неоднородность опубликованного в разное время. Что-то написано складно, ярко, даже литературно, и вдруг меняется тон, появляются орфографические ошибки, коряво, безграмотно — жуть! Трудно поверить, что это писал один и тот же человек. И еще вопрос: откуда у занятого серьезного хирурга-трудоголика нашлось время побывать во всех этих лавочках-забегаловках?

Ромуальд, тяжело вздохнув, полез в историю браузера и обнаружил, что все эти заметки Кейт скопировала с других сайтов. Они и впрямь принадлежат разным авторам, вот откуда смешение стилей.

«Но зачем ей это, зачем?!»

Парень выпал в осадок. Еще какое-то время тупо читал дальше, обращая особенное внимание на комментарии постоянных читателей и анонимов. Их было немного, правда, один ПЧ с ником «Jonas21» не пропустил ни одного сообщения. То: «Очень интересно, хотелось бы узнать побольше». То: «Здесь мы уже побывали, спасибо». Или же: «Не заслуживает внимания». И, наконец: «Благодарим за ценную информацию, браво! Мы в восторге от обслуживания!»

Ромуальд зевнул и прикрыл глаза. Чепуха какая-то, возиться неохота. На всякий случай отправил ссылку Джароду в Нью-Йорк с просьбой проверить блог по всем статьям, вдруг чего нароет? Пообещал щедрую оплату труда: 1000 долларов за срочность.

В начале второго ночи утомившийся паренек заснул перед монитором.

18

Лейтенант Ловенстайн

Женщина, как чайный пакетик: пока она не попадет в кипяток, нельзя судить о ее крепости.

Элеонора Рузвельт

Бостон, 2010

Огромное вычурное остекленное здание Института мозга человека светилось в темноте и напоминало не то гигантскую винтовую лестницу, не то молекулу ДНК.

Стеклянные двери резко распахнулись с мелодичным звоном, Эмма решительно направилась в приемный покой.

— Лейтенант Ловенстайн, полиция Бостона, — напористо выговорила она, предъявив поддельное удостоверение.

— Чем могу вам помочь, лейтенант?

Эмма сообщила, что ей необходимо побеседовать с доктором Джойс Уилкинсон.

— Подождите, пожалуйста, — медсестра немедленно сняла трубку, — я предупрежу профессора о том, что вы ее спрашиваете.

Эмма, стараясь не выдать волнения, резко расстегнула молнию на кожаной куртке и стала прохаживаться взад-вперед вдоль молочно-белой, отражающей электрический свет стены. У нее было четкое ощущение, будто она находится на космическом корабле. Со всех сторон прекрасно оформленные стенды, столько информации об истории становления института, чьи сотрудники посвятили жизнь изучению самого загадочного завораживающего явления...

«Изучению человеческого мозга, да, впечатляет...»

Международный научно-исследовательский центр создали с целью объединить усилия крупнейших ученых планеты, специалистов по болезни Альцгеймера, Паркинсона, разным видам шизофрении...

— Лейтенант, — голос медсестры отвлек ее от чтения, — следуйте за мной!

Эмма послушно заковыляла следом — новые ботинки жали.

В прозрачной капсуле лифта они бесшумно и стремительно вознеслись на самый верх спиралевидной башни. Миновали остекленный коридор и оказались во владениях доктора Джойс Уилкинсон, лаборатории, парящей в космическом пространстве.

Как только Эмма переступила порог, молодая ученая оторвалась от экрана ноутбука и поднялась ей навстречу.

— Проходите, лейтенант, садитесь, прошу вас. — Она указала на стул рядом с ней.

Еще по фотографиям Эмма догадалась, что у ее собеседницы среди предков были индейцы. Смуглое скуластое лицо, черные как смоль волосы... Все это не очень вязалось с короткой мальчишеской стрижкой и озорным приветливым взглядом сквозь узкие стекла очков в тонкой оправе.

Эмма хладнокровно предъявила фальшивое удостоверение.

— Благодарю вас, профессор, за то, что согласились уделить мне несколько минут вашего драгоценного времени.

Халат Джойс распахнулся, и новоявленная полицейская увидела простецкие брюки цвета хаки и грубый свитер ручной вязки — ни дать ни взять угловатый мальчишка-подросток! Зато молоджавое широкое лицо женственно и даже привлекательно.

Эмма не спешила садиться, ей хотелось сперва хорошенько осмотреться в лаборатории. Она заметила, что стены сплошь завешаны красочными изображениями человеческого мозга в десятках различных проекций.

— Эти ваши пестрые схемы напоминают полотна Энди Уорхола, — попробовала пошутить Эмма, подразумевая, что отдельные участки мозга обведены разноцветными яркими линиями так, что все вместе стало похоже на веселый детский рисунок.

Джойс охотно пустилась в пространные объяснения:

— Тут запечатлен результат многолетнего эксперимента, проведенного в Латинской Америке. Мы исследовали одно многочисленное разветвленное семейство, в котором болезнь Альцгеймера передавалась по наследству.

— И каковы результаты?

— Мы обнаружили, что некоторые признаки снижения мозговой деятельности проявляются чуть ли не за двадцать лет до первых неопровержимых симптомов.

Эмма подошла к одной из схем вплотную и принялась рассматривать ее, думая об отце, которого отправили в хоспис в Нью-Хэмпшире, когда он никого уже не узнавал... Джойс, будто бы подслушав ее мысли, доверительно сообщила:

— Мой отчим не был старым, когда у него развился Альцгеймер. Так что в детстве мне пришлось несладко, зато я рано поняла, в чем мое призвание.

Странная «полицейская» произнесла задумчиво:

— Человеческий мозг... Это ведь он всем управляет, да? — Она положила руку на лоб. — Электрохимические процессы, импульсы, возбуждение различных групп нейронов...

— Верно, — широко улыбнулась Джойс. — Именно мозг диктует все наши решения, предпочтения, убеждения, вкусы. Он влияет на наше отношение к себе и к окружающим, даже на то, в кого мы влюбляемся.

Ее ласковый глуховатый голос обволакивал, зачаровывал. Она и вправду приятный обаятельный человек.

Доктор Уилкинсон вдруг умолкла, повертелась на кресле, недоверчиво покачала головой:

— Об этом увлекательном предмете можно говорить часами, но вы же не лекции мои слушать пришли сюда, лейтенант?

— Нет, к сожалению. В настоящее время полиция Бостона ведет расследование по делу... Неважно. В общем, я хотела бы вас расспросить о Кейт Шапиро.

Было сразу видно, что Джойс искренне удивлена.

— О Кейт? В чем ее обвиняют?

— Нет-нет, никаких обвинений, — поспешно заверила Эмма. — Кейт проходит по этому делу в качестве свидетеля. Простите, что не могу рассказать вам всего, я не уполномочена разглашать... Благодарю, что согласились сотрудничать.

— И в чем же будет заключаться мое сотрудничество?

— Вы всего лишь ответите на пару вопросов. Скажите, давно ли вы с Кейт знакомы?

Джойс наморщила лоб и принялась подсчитывать, разжимая пальцы правой руки, начиная с указательного.

— С 1993 года, если не ошибаюсь. Ну да, мы обе поступили в университет в Беркли по JMP.

— Как, простите?

— «Джойнт Медикал Программ» — особый пятилетний курс обучения медицине для самых одаренных студентов, отобранных по всей стране. Три года академических занятий в кампусе, затем двухгодичная практика в больницах Калифорнии.

— В студенческие годы вы были ее лучшей подругой, да?

Джойс снова замолчала, прикрыла глаза с отрешенным видом, будто ее захлестнула волна воспоминаний.

— Пожалуй, да. Три года в Беркли мы жили в одной комнате, а во время практики вместе снимали крошечную квартирку в Сан-Франциско. Дружно решили защитить диссертации в Балтиморе.

— И какой тогда была Кейт?

Профессор хмыкнула:

— Такой же, как и теперь, полагаю. Красивой, умной, целеустремленной. Человеком с железной волей. Невероятно одаренным врачом. Она работала без устали, упорно трудилась и при этом все схватывала на лету! Ей нет и не было равных. Помнится, она очень мало спала, но ее внимание все равно не ослабевало ни на минуту! Она была самой лучшей среди нас, первой во всем выпуске.

— А где она училась до вашего знакомства?

— В каком-то скромном католическом лицее, где-то в штате Мэн, кажется. Не помню, как он назывался. Никто из его учеников ни до, ни после Кейт и мечтать не мог об участии в такой престижной программе. На выпускных экзаменах она набрала беспрецедентное количество баллов, учителя не справились бы лучше! Уверена, ее рекорд не побили до сих пор.

— И вы с ней сразу подружились?

Джойс кивнула:

— Думаю, нас сблизило общее несчастье: болезнь родителей. У Кейт мама умерла от рассеянного склероза. Так что мы обе поклялись все силы отдать борьбе с нейродегенеративными заболеваниями.

Эмма нахмурилась:

— Вы остались верны этой клятве, но Кейт отступила, перешла в кардиологию, стала хирургом.

— Да, в 1999-м, на втором году аспирантуры в Балтиморе, она вдруг решила поменять специализацию. Разве это отступничество? Не понимаю, что вам не нравится?!

— То есть вы хотите сказать, что Кейт отложила почти готовую диссертацию по неврологии ради хирургии?!

— Именно так. Университет Джона Хопкинса в Мэриленде с радостью принял столь блестящую студентку, так что Кейт чуть ли не за год написала диссертацию по кардиологии.

— Почему же она передумала? Да еще так внезапно!

— Не знала тогда, не знаю и сейчас. Жаль, что с того момента наши пути разошлись и отношения стали прохладнее.

Но «полицейская» вцепилась мертвой хваткой.

— Может быть, вы все-таки вспомните, сопоставите факты? Подобное ответственное решение не принимают очертя голову.

— Боже, да с тех пор прошло десять лет. Нам в то время было по двадцать четыре года. И напрасно вы так волнуетесь, студенты-медики довольно часто меняют специализацию в процессе обучения.

— Возможно. Но вы сами сказали, что для вас обеих неврология — высокое призвание. Что Кейт хотела посвятить жизнь борьбе...

— Отчасти вы правы, — признала Джойс. — В 1999-м в ее жизни произошла какая-то важная перемена, я это чувствовала. Но в чем она заключалась, не могу вам сказать.

Эмма схватила со стола первую попавшуюся ручку, закатала рукав и записала прямо на предплечье: «Что случилось с Кейт в 1999-м?»

— Может, лучше я дам вам листок бумаги, лейтенант?

«Полицейская» пропустила участливое предложение мимо ушей и с увлечением продолжила допрос:

— У Кейт в то время были любовники?

Ученую даму покорило от резкости вопроса.

— За ней многие ухаживали, ведь Кейт чарующе привлекательна, прекрасна. Или, если вам так больше нравится, любой мужик при виде ее делал стойку и мечтал затащить красотку в постель.

— Вы не ответили на мой вопрос, — прервала ее Эмма. — С кем она тогда встречалась?

Джойс, вконец смущенная не деликатностью лейтенанта, попыталась защитить личную жизнь подруги юности от грубого вмешательства.

— По-моему, это к делу не относится, не так ли?

Но Эмма отмахнулась от ее щепетильности, спросив напрямик:

— У нее был роман с Ником Фитчем, да?

Профессор нейрохирургии невольно вздохнула с облегчением. И стала откровеннее, коль скоро ее избавили от необходимости выдать чужой секрет.

— Ник действительно был любовью всей ее жизни.

— И когда именно их отношения стали близкими? — Эмма поспешила воспользоваться неожиданной победой над собеседницей.

— Кейт исполнилось девятнадцать, мы учились на втором курсе, а Ник приехал в Беркли читать лекции. Впрочем, они и раньше были знакомы. После первого же семинара разговорились и вскоре влюбились друг в друга. Их роман начался в 1994 году. Фитч уже тогда был живой легендой — к двадцати пяти — двадцати шести годам он здорово преуспел в индустрии видеоигр, баснословно разбогател. И среди программистов его операционная система «Unicorn» пользовалась бешеной популярностью.

— Многие знали о том, что они пара?

— Немногие. Точнее, никто не знал. Кроме матери Ника и меня, полагаю. Фитч всегда ревниво оберегал свою личную жизнь от посторонних. До паранойи доходило. К примеру, нет ни фотографий, ни видеозаписей, где они вместе. Ник пристально следил за тем, чтоб их ничто не выдало.

— И с чего вдруг он стал параноиком?

— Понятия не имею. Такой уж у него характер, ничего не поделаешь!

Эмма в замешательстве умолкла. Не очень-то этот «характер» вязался с ее собственной записью на мобильном... Если Кейт и Ник скрывают ото всех свои отношения, с чего вдруг им встречаться среди бела дня в людном пабе, где любой может их засечь?!

— Долго ли длился их роман?

— Многие годы, впрочем, он не длился, а то и дело прерывался. Не прямая линия, а, скорее, пунктир. Знаете, бывают такие странные отношения: вместе тесно, а врозь скучно?

— Лучше бы не знала, но увы... — тяжело вздохнула Эмма.

Джойс проникательно и сочувственно улыбнулась.

— Кейт жаловалась мне на нестабильность Ника, у него бывали резкие перепады настроения. Его непредсказуемость доставляла ей жестокие страдания. Сегодня он страстно влюблен и ласков, а завтра — холоден и рассеян. Множество раз она пыталась от него уйти, но неизменно возвращалась. Кейт способна на беззаветную преданность, она бы что угодно сделала ради Ника. Взять хотя бы ту нелепую пластическую операцию...

У Эммы мурашки побежали по спине: «Вот-вот, я верно угадала, браво!»

— А в каком году это было?

Джойс опять стала разжимать пальцы, считая.

— Летом 1998-го, как только закончился первый год нашей с ней аспирантуры, за несколько месяцев до того, как она сменила специализацию.

— Вы уверены, что она решилась на операцию с единственной целью: чтобы Ник Фитч ее не разлюбил?

— Уверена на все сто. Кейт в то время никак не могла понять, за что Фитч ее наказывает. Она окончательно потеряла веру в себя. И пошла на операцию от отчаяния.

Эмма задала другой волновавший ее вопрос:

— Когда же произошел окончательный разрыв?

Джойс покачала головой:

— Не знаю, мы почти перестали общаться. Я ведь уже говорила, что Кейт, выбрав кардиологию, уехала из Балтимора. Мы надолго потеряли друг друга из вида. Иногда переписывались по электронной почте, но задушевные доверительные беседы прекратились. Она защитила диссертацию в Сан-Франциско, затем переехала в Нью-Йорк и стала практикующим хирургом. Пять лет назад получила в Бостоне лицензию специалиста по трансплантации сердца и ныне является штатным сотрудником Центральной больницы Массачусетса.

Тут «полицейская» ловко направила разговор в нужное ей русло.

— И вот, наконец, вы обе оказались в одном городе. Единство времени и места.

— Не совсем. Я-то приехала по вызову Института мозга человека позже, три с половиной года назад.

— Не сомневаюсь, по приезде вы сразу же захотели увидеться с лучшей подругой...

Джойс замаялась, умолкла, подбирая слова.

— Да, я ей позвонила, и мы встретились в кафе. Ее дочке тогда было месяцев шесть. Кейт сказала, что счастлива, наслаждается спокойной семейной жизнью, всем сердцем любит мужа, профессора философии в Гарварде.

— Вы ей поверили?

— С чего бы ей лгать?

— Вы не спросили про Ника Фитча?

— Нет, конечно! Это было бы неуместно. Она не так давно вышла замуж, родила дочь. К чему ворошить прошлое?

— И часто вы виделись с ней с тех пор?

— Пыталась много раз с ней связаться, но она не отвечала на мои послания, не подходила к телефону. В конце концов я отступилась.

Джойс тяжело вздохнула, повисло тягостное молчание. Эмма обернулась к окну, прищурилась и разглядела внизу в темноте черную мрачную реку.

— Спасибо за вашу помощь, профессор. Простите, что отняла у вас столько времени, — «полицейская» встала и откланялась. Ученая дама тоже поднялась:

— Пойдемте, лейтенант, я провожу вас.

Они вместе прошли по коридору, вместе спустились на лифте. Нажимая кнопку первого этажа, Джойс встревоженно повторила прежний вопрос:

— В чем все-таки обвиняют Кейт? Ведь никакой она не свидетель... Неужели я не вправе узнать?

— Увы, я действительно не могу ничего рассказать вам. И, пожалуйста, не говорите никому о нашем разговоре.

— Хорошо, если вы настаиваете. Надеюсь, вскоре все разъяснится, и Кейт оправдают. Поймите, она слишком умный, твердый и последовательный человек, чтобы оступиться. Об одной ее особенности вы должны знать: за что бы она ни взялась, обязательно доведет начатое до конца. Лишь одно может погубить ее, у Кейт всего одна слабость...

— Любовь к Нику Фитчу?

— Именно. Кейт сама говорила, что он пробудил в ней русские корни, широкую страстную натуру, так что ради него она готова на все, даже на преступление. Поверьте, она не шутила.

Когда они вышли в холл, Джойс протянула «лейтенанту» свою визитную карточку.

— Если вам понадобятся еще какие-то сведения, не стесняйтесь, звоните.

— Благодарю вас. И последний вопрос: способна ли Кейт жестоко отомстить Нику Фитчу за все обиды?

В ответ профессор только руками развела. Они еще долго, не менее получаса, стояли у молочно-белой стены. Джойс говорила, а Эмма слушала.

Все, стеклянные двери за ней закрылись, темнота обступила со всех сторон. Как поздно! Вьюга улеглась, зато мороз усилился. Будто она не в Кембридже, а на Северном полюсе.

И ни одного такси, хоть плачь. Пришлось добираться до Бостона на метро.

Войдя в номер, она увидела, что Ромуальд спит, сидя перед компьютером и положив буйную голову на стол.

С любопытством заглянула в экран и ахнула: мальчишка заделался охранником больницы, все камеры слежения теперь к его услугам! Ничего себе, потрудился!

Эмма на цыпочках вышла в коридор, вернулась в уютный бар. Ночью здесь почти никого не было.

Заказала еще «Кайпироску», потом выпила коктейль «Опухоль мозга». Джойс Уилкинсон в холле на прощание рассказала ей много интересного, предстояло это обдумать.

Она рассказала о первой встрече Кейт и Ника Фитча.

19

Бессмертная Перуанская

Слова любви подобны стрелам. Охотник выпустил в оленя стрелу и попал. Тот еще бежит и не знает, что смертельно ранен.

Морис Магр^[31]

Девятнадцать лет назад
Февраль, 1991
Кейт — шестнадцать лет, Нику — двадцать три

Закусочная на автозаправке в Орегоне.

За окном валит густой снег. Зал почти пуст, единственный посетитель доедает яичницу по-бенедиктински — поджаренный хлеб с яйцами пашотпод голландским соусом — и доигрывает партию на электронной шахматной доске. За стойкой совсем юная официантка слушает на CD-плеере знаменитый альбом Курта Кобейна «Nevermind». Она слегка раскачивается в такт

несням, но все ее внимание поглощено учебником биологии.

— Мадемуазель! Еще чашку кофе, пожалуйста.

Кейт оторвалась от чтения, вынула горячий кофейник из кофеварочной машины и направилась к столику. Налила кофе, не глядя на посетителя. Куда больше ее заинтересовала шахматная партия. Она дала себе слово ни в коем случае не знакомиться с мужчинами, вообще держаться от них подальше, но теперь ее так и подмывало дать ему совет. Догадавшись, какой ход он собирается сделать, она не удержалась: вернулась к столику и властно произнесла:

— Оставьте в покое ладью, забудьте о рокировке.^[32]

— Что, простите? — вот уж чего Ник не ожидал здесь услышать.

Звук приятного бархатного густого голоса заставил ее впервые взглянуть в лицо незнакомцу. Оно оказалось красивым, мягким, приветливым. Посетитель был одет во все черное, только выющиеся густые волосы отливали золотом.

— При такой комбинации рокировка — не лучший выход, — уверенно продолжала она. — Конь на e7 — оптимальный вариант.

— С какой стати?

— Ведь это десятый ход, верно?

Ник окинул взглядом шахматную доску.

— Вы угадали.

— Значит, ваш виртуальный противник разыгрывает аналог знаменитой партии «Бессмертная перуанская».

— Никогда о такой не слышал.

— А зря, о ней все шахматисты знают, — сказала она с явным чувством превосходства.

Дерзость официантки из жалкой забегаловки его забавляла.

— Что ж, тогда просветите меня, невежду.

— В 1934 году в Будапеште знаменитый перуанский шахматист Эстебан Каналь, международный гроссмейстер, блестяще обыграл безвестного любителя. Он поставил противнику мат в четырнадцать ходов. Красивейший гамбит: жертва ферзем и двумя ладьями.

Гость указал на стул рядом с собой.

— Садитесь и объясните мне все по порядку.

Она недоверчиво глянула на него, но все-таки села и принялась стремительно перемещать на доске фигуры, попутно комментируя ходы с той же бешеной скоростью:

— Сделаете рокировку, противник произведет размен пешками на b4, а вы возьмете ферзем его ладью на a1, так? Его король перейдет на d2, и у вас не останется выбора: ваш ферзь возьмет и другую его ладью на h1. Его ферзь возьмет пешку на c6, вы поневоле возьмете ферзя, его слон двинется на a6, вам мат, партия проиграна.

Ника ошеломил ее натиск. Кейт поднялась с торжествующим видом и завершила урок шахматного мастерства последним эффектным выпадом:

— Вам поставят мат Бодена,^[33] вот!

Задетый за живое, он вернул фигуры на прежние позиции и принялся заново обдумывать партию.

— Нет, позвольте-ка! С чего это вдруг мне брать ферзем ладью?

Она презрительно хмыкнула:

— Если так быстро не усвоили, повторите все ходы не спеша, потихоньку. И поймете, что я права.

Превозмогая гнев и обиду, он предложил ей сыграть партию, но она взглянула на часы и отказалась.

Он со смешанным чувством смотрел, как она возвращается к стойке, как разговаривает с появившимся на пороге хозяином автозаправки.

— Ладно, Кейт, можешь идти, — с этими словами толстяк протянул ей четыре бумажки по десять долларов.

Девушка бережно спрятала деньги, поспешно сняла фартук, сунула учебник в рюкзак и направилась к двери.

Ник окликнул ее:

— Пойдите! Ну, пожалуйста, всего одну партию! Тому, кто выиграет, — десять долларов. Уступаю вам белые, — и он честно выложил купюру на стол.

Кейт согласилась не сразу, однако деньги ей были нужны, поэтому она опустила на стул и сделала первый ход.

Ник самодовольно улыбнулся. В быстром темпе разыграли дебют. Кейт сразу поняла, что выигрывает, причем может поставить противнику шах и мат всего за несколько ходов, однако по некоторым причинам ей не хотелось торопиться. Девушка принялась оттягивать роковой исход партии не то чтобы сознательно, скорее повинувшись внутренней потребности продлить игру. Она нарочно не смотрела в окно на снежный вихрь, лютую метель. Снаружи ее ждали обжигающий холод, жестокий кусачий ветер, страх, нужда. Она знала, что рано или поздно должна будет сразиться с ними, но пока что золотоволосый рыцарь в черных доспехах заслонил ее шахматным плащом, и так не хотелось уходить из душного тепла закуской, где ее баюкал любимый голос Кобейна...

— Простите, я на минутку, — Ник поднялся, с шумом отодвинув стул.

Она вновь посмотрела ему в лицо. Вернувшись из туалета, он сам налил себе кофе, будто был у себя дома. Оба теперь долго-долго обдумывали каждый ход. Она медлила с решающей атакой добрых пять минут, затем осуществила блестящий эндшпиль. Ник изумленно моргал: всего три хода, и вот уже девица объявила.

— Шах и мат! Все кончено! — жестко отрезала Кейт, пряча в карман десять долларов. Встала, перекинула рюкзак через плечо.

— Не уходите! — взмолился он. — Дайте мне шанс на реванш, хоть один, пожалуйста!

— Я же сказала: все кончено!

Она вышла, резко хлопнув дверью. Он смотрел сквозь стекло, как девушка исчезла в метели. «Все кончено, все кончено», — стучало у него в голове.

Все кончено...

— Черт возьми, откуда она такая взялась? — спросил Ник, подходя к стойке.

— Знать не знаю, — отозвался хозяин. — Думаю, из России. Я ее только сегодня нанял.

— Как ее звать?

— Забыл. У этих русских такие трудные имена, и не выговоришь. Мы для простоты зовем ее «Кейт».

— Значит, Кейт, — задумчиво пробормотал Ник, будто говорил сам с собой.

Нахмурившись, полез за бумажником в карман джинсов, бросил деньги на стол, расплачиваясь. Надел массивную кожаную куртку, намотал шарф на шею и принялся искать ключи от машины, обшаривая все карманы подряд.

— Вот дьявол! — злобно выругался он.

— Что случилось? — испугался хозяин.

— Она стащила ключи и угнала мою машину!

Всего через пять часов

Ника разбудил резкий стук в дверь. Он протер глаза, огляделся. Не сразу сообразил, где находится. Ах да, в гнусном тесном вонючем отеле в Орегоне. И почему. Вот дурак, дал какой-то скверной оторве, малявке стащить ключи и угнать тачку, а ведь у него скоро важная деловая встреча в Сан-Франциско, черт!

— Кто там? — сонно спросил он, отпирая дверь.

— Мистер Фитч, сэр? — отозвался голос. — Меня зовут Габриэль Альварес, я помощник шерифа округа Колумбия. Мы нашли вашу машину и поймали угонщицу.

— Неужели? Надеюсь, машину вы мне отдадите немедленно, дело в том, что я спешу и потом...

— Собирайтесь, я вас подвезу.

Громоздкий внедорожник 4X4 помощника шерифа с трудом, пыхтя, одолевал ночную зимнюю дорогу. Метель улеглась, но скользко было по-прежнему.

— Каким ветром вас занесло в такую даль и глушь, позвольте спросить? — ворчливо осведомился Габриэль Альварес.

— Я был в Сиэтле, заключал договор о распространении моей компьютерной игры и на обратном пути в Сан-Франциско попал в снежную бурю, поневоле пришлось остановиться в закусочной при дороге...

— Так вы по компьютерным играм, значит? Моего сынишку от них за уши не оттянешь, часами пялится в монитор. Вот и вырастим поколение слепых и сутулых!

— Надеюсь, вы ошибаетесь, — мягко возразил Ник и поспешно сменил тему разговора: — Где вы нашли мою угнанную машину, скажите на милость?

— В двадцати километрах отсюда, в небольшом перелеске. Девушка спала внутри.

— Как ее зовут?

— Екатерина Сватковская. Это мы быстро установили. Ей шестнадцать. По ее словам, жила в автоприцепе с матерью в Бельвю. Два месяца назад осиротела. К приемным родителям не захотела, из приюта сбежала. Теперь бродяжничает, спит где придется, подрабатывает как может.

— И что с ней теперь будет?

— Боюсь, ничего хорошего. Мы связались с социальной службой, но они ей вряд ли помогут.

— Может, мне лучше отозвать жалобу?

— Поступайте как знаете.

— А можно мне с ней поговорить?

— Если хотите, однако предупреждаю: мы ее посадили в одиночку, пусть немного остынет... Как-никак ее следовало наказать.

Перед Ником отперли дверь камеры.

— Привет, Кейтлин! Бр-р! Лютый холод. Тут всю задницу отморозишь.

— Заткнитесь и отвалите.

— Ну-ну, полегче. Что с тобой такое?

— Что со мной? Во-первых, у меня недавно мама умерла. Во-вторых, отец смылся. Жрать нечего, денег нет, крыши над головой — тоже. По-вашему, у меня все в порядке, да?

Он сел рядом с ней на холодную деревянную откидную скамью.

— А почему ты не хочешь жить у приемных родителей или в приюте?

— Задолбали! — Она больно ударила его в плечо, отталкивая.

Пришлось схватить ее за руки.

— Да успокойся ты, черт тебя дери!

Она глянула с ненавистью, мгновенно вырвалась и столкнула его со скамьи.

— И что ты будешь делать дальше?! — взбесился он. — На дворе зима, холодина, места тут поганые, долго ты продержишься, а?

— Вам-то какое дело? Тоже мне, добренький нашелся!

— Коп показал мне твой рюкзак. Там учебники по биологии и химии. Хочешь стать врачом, так?

— И непременно стану всем назло!

— Не станешь, если не пойдешь в колледж, — отрезал он.

Она отвернулась, чтобы скрыть набежавшие слезы стыда, гнева и отчаяния. Кейт знала, что он прав.

— Позволь, я помогу тебе, — ласково попросил Ник.

— Поможете? С чего вдруг? Мы ведь даже не знаем друг друга!

— Верно, — кивнул он. — И что с того? Чем дольше знаешь человека, тем меньше его любишь.

Девушка смотрела по-прежнему сурово.

— Мой ответ: нет. И точка. Никто ничего не делает бесплатно. Я не хочу быть вам обязанной.

— Ты и не будешь, поверь.

— Ага, сперва все так говорят, а потом...

Чтобы немного разрядить атмосферу, он достал электронные шахматы.

— Я жажду реванша.

— Видно, вы никогда не сдаетесь, — устало вздохнула она.

— Никогда не сдаюсь, — усмехнулся Ник. — Да и ты тоже, Кейтлин.

— Перестаньте называть меня этим дурацким именем! Что теперь на кону?

— Если выиграешь, я от тебя отстану.

— А если выиграете *вы*?

— Ты примешь мою помощь.

С этими словами он протянул ей бумажный платок, заметив, что она шмыгает носом.

— Ладно, — согласилась девушка. — Мало одной взбучки, задам вам новую. Уступаю белые.

Он улыбнулся и сделал первый ход. Она тоже взялась за пешку.

— Тут и правда можно сдохнуть от холода, — было видно, что у нее зуб на зуб не попадает.

— Надень мою куртку, согреешься, — предложил он.

Ее трясло, но она решительно отказалась.

— Не нужно.

Тогда он поднялся и сам укрыл ее своей черной кожаной курткой.

Кейт свернулась под ней в комок, пригрелась и сказала чуть мягче прежнего:

— Весит целую тонну, зато греет классно!

Они продолжили партию. Делая ход за ходом, Кейт чувствовала, что избавляется понемногу от испуга и недоверия. Она выросла в страхе, пропиталась им с детства: всегда боялась, что их выгонят из дому, что мама умрет, что она останется одна-одинешенька на всем белом свете...

Девушка расслабилась, закрыла глаза и впервые в жизни дала себе поблажку: на этот раз она проиграет, уступит, примет помощь прекрасного рыцаря в черных доспехах, что явился к ней ниоткуда. И как будто гора упала с плеч.

Кейт не знала, что в этот миг в ее жизни случился роковой перелом.

В будущем она часто станет восстанавливать в памяти первую встречу с Ником Фитчем во всех подробностях, словно пересматривать заново любимый фильм.

Встречу с первым мужчиной, которого она полюбила. Первым и единственным. Нежданное чудо невероятного появления Ника в ее жизни будет давать ей силы все последующие годы, даже если гнетет отчаяние, наваливается усталость, не хватает духа продолжать борьбу. Именно тогда она решила, что будет принадлежать ему полностью: «в горе и в радости, в богатстве и в бедности, в здравии и болезни, пока смерть не разлучит их».

— Шах и мат, — торжествующе объявил Ник, перемещая ферзя.

— Ваша взяла. На этот раз вы выиграли, — кротко признала Кейт.

Счастливый, он покровительственно положил ей руку на плечо.

— Отлично! А теперь послушайте, Кейтлин. Я отзываю жалобу и присылаю сюда моего адвоката. Отныне будьте умницей, ведите себя как следует. О'кей?

— Если нет жалобы, зачем мне тогда ваш адвокат?

— Он проследит, чтобы вас отпустили, затем избавит ото всех приемных родителей и социальных работников отныне и во веки веков. А главное, оформит необходимые бумаги, чтобы вас приняли в колледж Святого Иосифа.

— Что еще за колледж?

— Небольшое частное учебное заведение при католическом женском монастыре. Поверьте, если действительно хотите чему-то выучиться, лучшего места не найти. Я сам там учился.

— Но ведь я не смогу...

— Три года на полном довольствии, — перебил ее Ник. — Благочестивые сестры приютят вас, накормят и обогреют. У вас будет лишь одна забота — учиться как можно лучше. Упорный труд откроет вам дорогу к медицине. В дальнейшем справитесь сами, заслужив государственные стипендии. Вы согласны?

Она кивнула, какое-то время молчала, потом задала вопрос:

— Я и вправду ничего не должна вам?

Ник покачал головой:

— Я не только никогда ничего не потребую, но и вряд ли вообще появлюсь еще раз у вас на пути.

— Зачем же вы мне помогаете?

— Чтобы вы потом не жаловались, будто у вас не было возможности пробиться, — монотонно произнес он, будто читал прописную истину.

Фитч поднялся, взглянул на часы, спрятал электронные шахматы и попрощался.

— Прошу прощения, Кейтлин, но мне пора. Меня уже ждут в Сан-Франциско. Было приятно познакомиться с вами. Берегите себя.

Он ушел, так и не забрав свою кожаную куртку. Великодушный жест или рассеянность? Неважно. Кейт потом берегла ее как зеницу ока. До конца своих дней.

Часть Пятая

ДОРОГА В АД

День Шестой

20
Встреча С Прошлым

Мужчины предпочитают блондинок, потому что блондинки знают, что именно предпочитают мужчины.

Мэрилин Монро

Бостон
24 декабря 2010
7 чалов 46 минут

Встало солнце, и под его лучами в номере отеля заиграли все полированные деревянные и металлические поверхности. Солнечные зайчики запрыгали по лицу Ромуальда. Он открыл глаза и сейчас же зажмурился, ослепленный блеском. Поспешно отвернулся, да еще и рукой заслонился.

Бедный малый не сразу пришел в себя. Он так и спал сидя, поэтому руки и ноги у него затекли, нос заложило, в горле пересохло. Разогнуться и подняться удалось с трудом. Мурашки побежали по всему телу. Попробовал дотянуться до бутылки с минеральной водой, которая стояла на низком столике, однако споткнулся непослушными ногами о свой рюкзак и растянулся во всю длину. Чертыхаясь, вслепую попытался нашарить очки.

Очки нашлись, ура! Он нацепил их на нос, убедился, что Эммы в номере нет, взглянул на часы и ужаснулся: чуть не прогляпил прибытие Кейт в больницу, кошмар!

Прикосновением к клавиатуре активировал уснувший компьютер, поспешно набрал нужный код и вывел на экран изображение больничной парковки с камеры слежения.

В панике позвонил Эмме.

— Ну что, клоп, выпался? — Она почему-то тяжело дышала.

— Куда вы пропали?

— Я наверху, в спортивном зале. И тебе советую сюда подняться, жир растряссти.

От столь неприятного предложения он поморщился.

— Некогда глупостями заниматься. Возвращайтесь скорее, если хотите продолжить расследование.

— Ладно, иду-иду.

Почесав в затылке, парень увеличил изображение.

Пришлось повозиться, но вскоре он полностью подчинил своей воле все камеры. Мог теперь направлять их как угодно, в любую сторону, озирая окрестности, разглядывать детали. Переходя от одной к другой, прочесал всю парковку, однако машины Кейт не обнаружил.

На пороге появилась Эмма с полотенцем на шее и бутылкой воды в руке.

— Какие новости? — осведомилась она, закрывая дверь.

— Пока никаких, но скоро появятся. А у вас?

Она промокнула полотенцем потное лицо и рассказала о вчерашнем допросе во всех подробностях. Ромуальд слушал ее с интересом, ни на миг не спуская глаз с монитора. Внезапно он перебил ее:

— Взгляните-ка на того чувака! Это же муж Кейт, вылитый. — Гик указывал на мужчину, который слезал с мопеда.

Эмма приблизилась к монитору. А ведь он прав. Стоя рядом с чьим-то мотоциклом «Триумф», Мэтью как раз пристегивал свой мопед к столбу петель и запирал его на замок, чтобы не угнали.

— Зачем он сюда приехал, да еще без жены?

— Кейт тоже сейчас появится, не волнуйся. А вот и она, — догадалась Эмма.

Действительно винтажный кабриолет «Мазда» через секунду притормозил возле Мэтью с мопедом.

— Можешь приблизить изображение?

Ромуальд повиновался, и красный капот заполонил весь экран. Такую роскошную спортивную машину не спутаешь ни с одной другой: обтекаемая форма, кожаные сиденья, хромированные ручки, противотуманные фары... Сегодня ее днем с огнем не сыщешь, но Эмма помнила, что в девяностых сотни тысяч таких моделей разъезжали по всему миру.

Кейт распахнула дверцу, выпорхнула из кабриолета и направилась к мужу.

— Вот черт! — Эмма в возбуждении ткнула пальцем в монитор. — Ты только посмотри!

Ромуальд без очков, близоруко щурясь, придвинулся как можно ближе.

Дама-хирург в элегантном приталенном плаще неторопливо приближалась к Мэтью.

В левой руке она тащила объемистую тяжелую спортивную сумку, ту самую, красную с белым.

Заасфальтированная заснеженная площадка парковки, открытая всем ветрам, освещенная ярким зимним солнцем. Посреди нее яркий плакат: «Твой дар спасет жизнь». А под ним огромный грузовик Красного Креста, оборудованный для сбора донорской крови.

Мэтью дышал на замерзшие пальцы.
— И ты вправду настаиваешь, чтобы я с утра пораньше сдавал кровь? Вот ведь наказание! — хныкал он.
— Настаиваю, еще бы! Я же вчера сдала, — пристыдила его Кейт. — Теперь твоя очередь.
— Ты ведь знаешь, я ненавижу, когда мне иголкой тычут в вену. Терпеть не могу, боюсь!
— Не ломай комедию, милый. Можешь ты хоть чем-то пожертвовать ради меня раз в полгода. Именно наша больница первой поддержала эту акцию Красного Креста. Мы должны личным примером вдохновлять остальной персонал, это наш долг, вот и все.
— Я не твой коллега, опомнись.
— Мэтт, перестань сейчас же! Нам обоим некогда. В награду получишь отличный завтрак в нашем кафе. Неужели откажешься от кексов с кленовым сиропом?
— Ладно, сдаюсь, — улыбнулся он. — Против кексов я бессилен.
Супруги рука об руку поднялись по ступеням в лабораторию на колесах.
Здесь было тепло, уютно, чисто. Радио напевало рождественские песенки.
— Здравствуй, Мэри, — привычно поздоровалась Кейт с медсестрой, которая вела учет доноров.
— Добрый день, доктор Шапиро, — приветливо отозвалась та.
На самом деле Мэтт и Кейт сдавали кровь Красному Кресту многие годы, так что сестра мгновенно отыскала их в базе данных. И они смогли сразу перейти в один из четырех боксов со специальным оборудованием.
— Как поживаешь, Вон? — спросила Кейт знакомого санитары. — Ты ведь знаком с моим мужем, если не ошибаюсь?
Тот кивнул и дружески пожал Мэтью руку.
— Мэтт считает, что ты с ним слишком груб, — подколола его она. — Я одна могу безнаказанно всаживать ему иголки под кожу. Собственно, с этого и начался наш роман.
Санитар выпучил глаза, не зная, обидеться или рассмеяться.
— Ладно, садомазохисты, оставляю вас наедине, так и быть! Пойду пока выпью кофе. Когда закончите, позовете.
Как только он скрылся из вида, Мэтью сбросил пальто и рухнул в одно из кресел с откидной спинкой.
— Не знал, что мы с тобой, оказывается, любители экстремального секса, — усмехнулся он, засучив рукав.
— А сам уже завелся небось, — ответила она ему в тон, надевая стерильные перчатки.
Обработала ему руку ватным тампоном со спиртом, выше локтя перетянула ее жгутом, нащупала на сгибе вену.
— Ну-ка, сожми и разожми кулак!
Мэтью безропотно слушался ее, но в последний момент отвернулся, не в силах смотреть, как игла протыкает кожу.
— А что в этой красно-белой сумке? — спросил он, чтобы отвлечься от неприятных ощущений. — Помнится, раньше я у нас такой не замечал.
— Там мой спортивный костюм и кроссовки, — спокойно ответила жена, глядя, как прозрачная емкость наполняется кровью.
— Решила снова заняться спортом?
— Да, схожу в наш тренажерный зал в обеденный перерыв. Без зарядки я растолстею. Видел, какую задницу нагуляла?
— Я твою задницу обожаю!

Эмма от волнения грызла ногти.
— Черт подери! Зачем ей таскать с собой пол миллиона долларов? А если отнимут?
— Думаете, муж в курсе?
Эмма покачала головой:
— Уверена, что нет.
Ромуальд, понурившись, мерил шагами гостиничный номер.
— Едва ли она решила отнести бабки в банк.
Устав, он сел рядом с Эммой, и оба принялись ждать, когда же счастливая пара выйдет из передвижной лаборатории.
Вот и они. Переходя от одной камеры слежения к другой, удалось проводить их через холл и коридоры в кафе.
— Жаль, что не слышно, о чем они разговаривают, — вздохнула Эмма.
Ромуальд воспринял это как упрек.
— Вечно вы всем недовольны! — обиделся он.
Не обращая внимания на ребячьи капризы, Эмма указала на сумку, которую дама-хирург бережно поставила на один из стульев.
— В любом случае деньги при ней.
Четверть часа, не меньше, они тупо пялились в монитор, но не заметили ничего интересного. Милые люди мирно завтракали, вот и все.
— Какие аппетитные кексы с кленовым сиропом, я тоже есть хочу, — жалобно проскулил мальчишка, будто голодал по меньшей мере три дня.
Эмма не на шутку взбесилась:
— Ты можешь думать хоть о чем-то кроме компьютеров и еды?!
Ромуальд испуганно прикусил губу и поспешно перевел тему:
— А по виду такие любящие супруги! Даже не верится, что у нее есть любовник, да?
— Пожалуй, — мрачно процедила Эмма. — Эта стерва неплохо умеет притворяться.
Вскоре супруги встали из-за стола. Нежно расцеловались и разошлись по своим делам.
Мэтью уехал на мопеде, а Кейт заперла сумку в свой именной шкафчик в ординаторской и стала готовиться к плановой операции.
Ромуальд сверился с расписанием дня хирургов, который скачал еще накануне, и радостно объявил:

— Сегодня ей предстоит сначала оперировать митральный клапан, а затем — аневризму аорты. Не желаете насладиться этим зрелищем?

— Нет, спасибо. Я и так прилежно смотрела все сезоны «Скорой помощи» и «Анатомии страсти». До полудня оставим ее в покое, она никуда не денется.

— А можно мне тоже кекс с кленовым сиропом? — парнишка состроил умильную рожицу.

— Сигнал моему подсознанию? Тонкий намек на то, что я должна накормить тебя завтраком? — засмеялась Эмма.

— Ну, если вы предлагаете, я не против, — скромно потупился тот, довольный, что хитрость удалась.

— Так и быть, угощаю, твоя взяла. Я тоже проголодалась, к тому же нам нужно кое-что обсудить.

Официант с изящной бородкой в ярком клетчатом пиджаке, вылитый хипстер, принес им две чашечки капучино с сердечками из взбитых сливок, плавающими на маслянистой поверхности.

Эмма и Ромуальд сидели в уютном модном кафе на Бойлстон-стрит, в двух шагах от отеля.

Тут был рай земной для любителей стиля ретро: винтажные абажуры, старинные столики, неполированные деревянные скамьи, растения в кадках.

Эмма смешивала мюсли с йогуртом, глядя не без осуждения на то, как парнишка старательно лил весь здешний запас кленового сиропа на сдобные кексы.

— Ромуальд, пожалуйста, ответь мне на один вопрос, только честно, — вкрадчиво попросила она.

— Шпрашивайте што уодно, — прошамкал тот с набитым ртом.

— Зачем ты приехал в Соединенные Штаты?

Парень поспешно проглотил громадный кусок кекса, закашлялся, отпил капучино, чуть ли не полчаски разом.

— Я же вам рассказывал: моя подружка нашла в Нью-Йорке сдельную работу, а я приехал за ней следом, а она...

— Сейчас же бросила тебя. Это я уже слышала. Однако мы оба знаем, что это все ложь, ведь так?

— Это чистая правда! — возмутился Ромуальд.

— Допустим, но тогда с какой стати ты не звонишь родителям?

— Я им звоню каждый день. — Он уставился в тарелку с кексами.

— Врешь, не звонишь. А вот я им позвонила прошлой ночью. Они там с ума сходят, не знают, что с тобой стряслось. От тебя не было вестей уже три недели!

— Откуда у вас... как вы узнали их номер?

— Действительно, как? Не ты один по чужим компьютерам лазишь.

— Это нечестно, вы не имели права так поступить, — сказал он с укоризной.

— Я хоть их успокоила. Но не будем отвлекаться, скажи-ка: если девушка и впрямь тебя бросила, зачем ты остался? Почему не вернулся во Францию, ты же в лицее учишься?

— Мне все осточертело, и учеба, и родители... Неужели непонятно?

— Еще как понятно, но вот что странно: ты мог бы путешествовать по стране, осмотреться, найти работу по душе, заработать побольше денег. Ты ведь умный, способный, тебе и карты в руки. А вместо этого ты битых две недели прозябал в «Императоре», мучился, унижался. Зачем?

— Да ну вас с вашими вопросами. Не буду отвечать, вы не коп.

— Отчасти коп, ты же сам наградил меня отличным удостоверением. И как добросовестный уважающий себя коп задам еще один вопрос: зачем ты ездил в прошлое воскресенье в Скарсдейл к Мишель Беркович, главному администратору «Императора»?

Он упрямо покачал головой:

— Не был я там никогда и быть не мог!

— Хватит! Ты что, душой меня считаешь? — с угрожающим видом она выложила на стол билет, что нашла у него в кармане.

— Вы обыскали мои карманы?! Вы не имели права!

— Постой-ка, а что делаешь ты, когда взламываешь базы данных и пользуешься камерами слежения? Дни и ночи напролет ты шпионишь за чужими людьми. Следишь, вынюхиваешь, вторгаешься в их личную жизнь.

— Я помогаю вам, а вы... — возмущению подростка не было предела.

— Я тоже хочу тебе помочь. На кой черт тебе понадобилась Мишель Беркович?

— Она моя мама...

Эмма возвела глаза к небу, с трудом сдерживая гнев.

— Какие еще дурацкие истории выдумываешь? Повторяю: ночью я говорила с твоей мамой. Ее зовут Мари-Ноэль Леблан. Она работает... кассиром в Службе страхования здоровья в Боне, — все это Эмма прочитала вслух, глядя на свою исписанную руку.

Ромуальд уставился в окно, воцарилось напряженное молчание.

Эмма потрясла его за плечи:

— Говори же, дурья твоя башка! Объясни, в чем дело!

Парнишка тяжело вздохнул, протер глаза. С одной стороны, он охотно сбросил бы груз этой тайны, но с другой, еще охотней сбежал бы за тридевять земель.

— Три года назад, — начал он, запинаясь, — копался в родительском ящике с документами и обнаружил, что я приемный, меня усыновили во младенчестве.

Эмма не скрывала удивления.

— И родители ничего тебе не сказали?

— Нет, но я догадывался.

— Что же тебе не нравилось?

— Меня насторожили обмолвки, замалчивания, разные мелочи, всякая ерунда.

Эмма знала, что последует дальше.

— Ты решил отыскать своих биологических родителей, да?

— Два года потратил. Проник в базу данных роддома в Оксере, но, как я и боялся, никаких сведений о моей матери там не сохранилось. Пришлось взломать сервер службы социальной помощи при генеральном совете департамента Кот-д'Ор. Зря старался — информации ноль. Дело пошло на лад, когда я получил доступ к результатам переписи населения, организованной Национальным советом. Так, шаг за шагом, сопоставляя различные факты, я выяснил, что мою настоящую мать прежде звали Мишель Руссель и что, родив меня в 1993 году, она сразу же заключила с моими приемными родителями договор об усыновлении. Удалось проследить и дальнейшую ее судьбу. Она уехала в Америку, преуспела там, вышла замуж за брокера, взяла его фамилию — Беркович. Родила в браке двоих детей. Узнав, что теперь она живет в Нью-Йорке и работает администратором в ресторане «Император», я решился полететь в Штаты и познакомиться с ней. Мне так хотелось ее увидеть, услышать ее голос, понять, кто я на самом деле! Это желание стало моим наваждением. Я не мог думать ни о чем другом.

— Так, и что было дальше?

— Да ничего особенного. Попробовал наняться в ресторан, меня взяли. Каждое утро встречал ее, но она ни разу даже не взглянула на меня.

— Тут нет ничего удивительного. Ведь не думал же ты...

— Прошло две недели. Я решил, что ей пора узнать правду. Выяснить, где она живет, не составило труда. Дождался выходных, купил билет на поезд до Скарсдейла. Приехал туда еще до полудня. Тащился минут сорок от вокзала до ее дома. Было холодно, шел проливной дождь, я промок насквозь, замерз. Меня трясло, ноги подгибались, сердце бешено колотилось. Заставил себя позвонить, она сама мне открыла. Глянула с отвращением, хотела захлопнуть дверь, наверное, приняла меня за бомжа... С меня текло, я выглядел так нелепо...

— И что потом?

— Потом я сказал ей...

— Здравствуйте, госпожа Беркович.

— Добрый... добрый день. А вы, собственно, кто?

— Меня зовут Ромуальд Леблан. Я работаю в ресторане «Император» секретарем по связям с общественностью и прессой. Помните, вы приняли меня на работу?

— Да-да, припоминаю. Вы француз-стажер. Так что вам угодно?

Она открыла дверь пошире, и я разглядел в глубине уютную гостиную с рождественской елкой. Услышал музыку, детский смех. Почувствовал вкусный запах из кухни.

Не меньше минуты смотрел ей прямо в глаза, все надеялся, что каким-то чудом она узнает меня. Заметит родные черты, угадает знакомые нотки в голосе.

Нет, не узнала. Я был для нее чужой. Назойливый посетитель. В конце концов Мишель потеряла терпение:

— Не стойте молча, как идиот. Либо говорите, зачем пришли, либо уходите. Не то я пожалуй мужу, а он немедленно вызовет полицию.

Тогда я собрался с духом и выпалил:

— Я ваш сын.

Мадам Беркович застыла от изумления, побледнела, ее лицо исказилось.

— Что за чушь вы несете?! — в гневе не крикнула, а прошептала она.

Поспешно вышла на крыльцо, прикрыла дверь и повела меня в сад под дождь.

— Послушайте, я не знаю, кто вам внушил такую бредовую идею, но этого просто не может быть.

Я достал из кармана копию договора об усыновлении, где были указаны ее имя и девичья фамилия. Мне с трудом удалось раздобыть этот документ, я им так дорожил...

Однако ей он внушал дикий страх. Читая, мадам Беркович то и дело боязливо оглядывалась на дверь: только бы муж и дети не застали ее с этой бумагой в руках... Я надеялся встретить любящую маму, а увидел испуганную враждебную женщину.

Она вернула мне копию и проводила до калитки. Объяснила, что мое появление на свет — «ошибка молодости», не больше. Ей было всего восемнадцать, она даже не сразу поняла, что беременна... Пыталась избавиться, но не удалось...

— Полагаю, ты стал расспрашивать ее о твоём отце.

— Она и сама хорошенько не знала, кто он. Какой-то военный, они познакомились в Безансоне в баре. «А наутро расстались навсегда». Родных у Мишель не было, она мечтала лишь об одном: уехать из Франции в Америку и стать бизнес-леди. Так что ребенок был для нее досадной помехой.

— Мишель задала хоть один вопрос о том, как ты живешь, чем интересуешься?

— Ни единого. Она знать меня не хотела в полном смысле слова. Ее муж и дети понятия не имели о том, как прошла ее юность, и подобные неприятные открытия вполне могли разрушить счастливую семью, — это она мне ясно дала понять. На мгновение убежала в дом, вернулась с чековой книжкой. Попросила, чтобы я больше не приходил на работу в ресторан и выписала мне чек на пять тысяч долларов. В полной уверенности, что мы теперь в расчете, потребовала никогда больше не беспокоить ее и скрылась за дверью. А я остался под дождем, брошенный, одинокий, раздавленный. Кое-как доплелся до вокзала, порвал и выбросил чек в первую же урну. Решил вернуться во Францию, уже собрал чемоданы, но тут позвонили вы...

— Ромуальд, родной, мне так жаль, что тебе пришлось пережить такое... Попробуй взглянуть на это иначе. Теперь ты знаешь, кто твои биологические родители, так? И понимаешь, что папа и мама, которые тебя растили, заботились о тебе,

беспокоились, — никакие не приемные, а настоящие! Ты можешь начать все заново, с чистого листа...
Гудение мобильного в кармане Ромуальда помешало Эмме договорить.
Мальчик взглянул на номер вызывавшего и сразу ответил. Звонил Джарод.
Программисты перекинулись парой таинственных слов, Ромуальд от изумления вытаращил глаза.
— Бежим в отель как можно быстрее, — парень на ходу застегивал парку.
— В чем дело? К чему такая спешка?
— Теперь мы знаем, откуда у Кейт полмиллиона долларов!

21 Беги, Эмма, Беги

Твоя рука меняется в руке другого.

Поль Элюар^[34]

Бостон
24 декабря 2010
9 часов 43 минуты

— Не смейте прикасаться к моему компьютеру, сейчас же отойдите от него!
В номере их ждали коридорная и уборщица: последняя, увидев столько мощной включенной техники, немедленно позвала на подмогу.
— Мисс, мне искренне жаль, но электросеть отеля не рассчитана на системный блок такого рода, и все эти провода... — коридорная в ужасе указывала на джунгли Ромуальда. — Так что я вынуждена попросить вас...
— Мы все это выключим и вынесем, обещаю, — с этими словами Эмма выпроводила обеих из номера.
Снаружи повесила на ручку двери табличку: «Не беспокоить». Затем они заперлись. Парнишка сразу уткнулся в монитор.
— Ну же, скажи скорей, как это ей удалось раздобыть такие деньжищи? — нетерпеливо теребила его Эмма.
Он уже залез в свою электронную почту и увеличил одно из присланных изображений во весь экран.
— Помните, вы просили меня проверить блог Кейт «Если ты потерялась в Бостоне»?
— Само собой!
— Я занялся им вплотную, понял, что это всего лишь собрание ссылок на другие сайты, но объяснить, зачем они ей нужны, не смог. Поэтому на всякий случай попросил Джарода мне помочь.
— Твоего приятеля-программиста?
— Да. И пообещал, что вы заплатите ему тысячу долларов, если он обнаружит что-нибудь полезное.
— А ты у нас очень щедрый. За чужой счет, — ехидно заметила Эмма. — Все в порядке, ты правильно поступил.
— Он сразу же обратил внимание: картинки подозрительно много весят.
— И что же дальше?
— Отследил аномальные характеристики распределения значений диапазона младших битов.
Эмма уселась на подоконник:
— Как ты сказал? Повтори!
Ромуальд развернулся к ней на крутящемся кресле.
— Вы когда-нибудь слышали о стеганографии?
— О стенографии?
— Нет, не стенография, а стеганография. Это наука о скрытой передаче информации. К примеру, некоторые технологии позволяют в любом вполне невинном цифровом изображении спрятать другое, секретное.
Эмма зажмурилась:
— Стой! Что-то я недавно об этом слышала. Кажется, в новостях передавали, да?
— Вот именно. Прошлым летом в США арестовали десять русских шпионов. Помимо прочего, они использовали и сетевую стеганографию. Отправляли в Москву по Интернету свои фотографии, мол, смотрите, как мы весело отдыхаем, а на самом деле это были секретные документы. И террористический акт 11 сентября был спланирован так же. Агенты ФБР давно подозревали, что сторонники Усамы бен Ладена оставляют друг другу сообщения на самых обычных форумах под видом милых картинок.
— То есть невооруженным глазом на них ничего не заметно?
— Абсолютно ничего.
— Разве это возможно? Как сплавить два разных изображения в одно?
— Да это не так уж сложно. Существует несколько способов. Один из них заключается в замене последних значащих битов в контейнере на биты скрытого сообщения, вот и все.
Эмма пересела на стул поближе к парнишке:
— Все равно не понимаю. Объясни попроще.
— Хорошо. Вы вообще знаете, что такое пиксели?
— Это крошечные прямоугольники, из которых состоит цифровое изображение.
Он кивнул и начал читать ей лекцию:
— На цветных мониторах пиксели восьмигранные и состоят из триад: субпикселей красного, зеленого и синего цветов, ясно? Каждый цвет имеет 256 градаций. Отсюда получаем 256х256х256, таким образом, мы имеем больше шестнадцати миллионов градаций. Пока все понятно, так ведь?
Эмме было скучно, она отвлеклась на середине, но старательно делала вид, будто ей интересно. Ромуальд продолжил терпеливо разжевывать:
— Восьмигранник — это восемь битов. Хитрость в том, чтобы изменить один бит из каждой триады. Такая «кража» совсем

незаметна при поверхностном наблюдении.

Эмма наконец-то поняла, в чем суть.

— Из этих измененных битов и складывается тайное послание.

Ромуальд захопал в ладоши.

— Браво! Вы довольно сообразительны для человека, который записывает все на руке вместо блокнота, — и он скорчил умильную рожицу.

В притворной ярости она надавала ему по шее.

— Заткнись! При чем тут Кейт?

— Она использовала свой блог в качестве шпионского «почтового ящика». Все изображения там с двойным дном.

— И что же она посылала?

— Вы не поверите!

Ромуальд указал на первую картинку.

— Видите эту славную фотку? Подобрана к рассказу о бостонской кондитерской.

Эмма взглянула: изобилие разноцветных пирожных на витрине.

Ромуальд нажал сложную комбинацию клавиш, и фотография преобразилась до неузнаваемости.

— Вот как в действительности выглядит ее послание.

На мониторе возникла странная схема из математических формул и программных кодов. Какие уж тут пирожные! Эмма брезгливо поморщилась:

— Что за гадость?

— Полагаю, прототип. Описание интерфейса функции в языке программирования. Чертеж, на основе которого изобретение будет воплощено, если вам так понятней. Но самое любопытное впереди.

Он навел «мышку» на изображение, усилил контрастность, и в уголке проступила эмблема: схематичный единорог.

— Продукт корпорации Фитча! — всплеснула руками Эмма. — По-твоему, Кейт занялась промышленным шпионажем?

— Не только.

До полудня они не отходили от монитора. Джарод помог им преобразовать и все остальные картинки. Сначала шли разработки корпорации Фитча, посвященные сенсорным панелям нового поколения, реагирующим не на прикосновение, а на тепловой сигнал.

— Прямо как у Спилберга в «Особом мнении»! — восхитился Ромуальд. — Помните, как Том Круз все перемещает одним движением?

Дальше «покупатели», видимо, заинтересовались алгоритмами, работающими с цифровыми и звуковыми сигналами, с помощью которых можно мгновенно расшифровать любое сообщение. Однако самая опасная информация заключалась в недавних «письмах». Речь шла о микропроцессорах, «мозге» американских новейших баллистических ракет MQ1 «Хищник» и MQ9 «Жнец» — это секретное оружие недавно начали использовать в нынешней войне в Афганистане.

«Высокие технологии и военная промышленность...»

У Эммы живот заболел от страха.

Судя по всему, Кейт злоупотребляла доверием Ника Фитча, выманивала у него наиболее ценную информацию и продавала ее за бешеные деньги конкурентам или другим государствам, заинтересованным в самых важных тайнах США.

Ромуальд как будто прочитал ее мысли:

— Вот в чем смысл комментариев постоянного читателя! «Не заслуживает внимания». «Очень интересно, хотелось бы узнать побольше». Заказчик руководил тетей-доктором, направлял ее, подстегивал. Вот эта информация нам нужна, а та — нет. Разработай эту тему получше, найди еще документы.

Встревоженной Эмме его тон показался чересчур легкомысленным. Впрочем, оба чувствовали приток адреналина: неожиданные открытия, грозные опасности. «Саспенс» как в настоящем шпионском детективе. Расследование завело их, будто киногероев, совсем не туда, куда они предполагали. И хорошо бы им выбраться живыми и невредимыми.

«Вот угораздило же меня!»

Она закрыла глаза, скрестила руки, обхватив себя за плечи, прижала подбородок к груди: страшно-то как!

А с чего, скажите, все началось? Меньше недели назад познакомилась в Интернете с профессором философии и подумала, что влюбилась... Захотела с ним встретиться, что тут плохого? Завела обычный роман. Кто же знал, в какой жуткий переплет она попадет... Просто в голове не укладывается! На вид Мэтью и Кейт — вполне благополучная пара, но оказалось, что за respectable фасадом скрывается столько лжи и зловещих секретов! До сих пор Эмме везло, она еще ни разу не попалась, но чем больше она узнает о тайной деятельности Кейт, тем реальнее угроза ее жизни...

— Увы, открытие Джарода ничуть не приблизило нас к разгадке главного ребуса, — вздохнул Ромуальд. — Едва ли Ник делился с Кейт информацией по доброй воле, скорее, ей приходилось здорово потрудиться, чтобы ее раздобыть. Она рисковала многим. Однако, насколько нам известно, корыстью и жадностью дама-хирург не отличается. Деньги как таковые ее не интересуют, значит, у нее есть какая-то сверхзадача.

— Сверхзадача на полмиллиона долларов, — задумчиво пробормотала Эмма. — Мы должны проследить за ней и выяснить, куда она их отнесет.

Она не успела договорить, как мальчишка уже нацепил очки и уставился в монитор.

— Вот это мы сейчас и узнаем, — азартно выкрикнул он, указывая на один из квадратов.

Было около часа дня, Кейт как раз закончила вторую операцию.

Переходя от камеры к камере, они видели, как она идет по коридорам больницы. Вот она открыла свой шкафчик и вытащила роковую спортивную сумку.

— Я догоню ее! — враз решила Эмма и поспешно застегнула куртку.

— Куда вы? Подождите... — безуспешно пытался остановить ее Ромуальд.

Но она уже схватила мобильный, надела рюкзак на плечи и выскочила из номера.

— Главное, не спускай с нее глаз! — приказала она напоследок и хлопнула дверь.

«Быстреей!»

Эмма мчалась к больнице во весь дух. Выскочив из отеля, побежала направо по Чарльз-стрит, широкой улице Бостона между двух обширных городских парков. И сразу же у нее перехватило дыхание от жестокого холода. Обжигающий ветер дул прямо в лицо. Казалось, будто тысячи ледяных иголок впиваются в ноздри, гортань, проникают в легкие.

Еще двести метров изматывающей гонки. Быстрее, быстрее! А может быть, лучше срезать, свернуть в парк, забрать еще чуть правее, к востоку? Так она и сделала. Вот только силы уже на исходе. Ноги нестерпимо болели. Она задыхалась, бессильно хватая воздух ртом. В довершение всех бед подошвы новых ботинок отчаянно скользили, а узкие джинсы сковывали движения. Рюкзак оказался слишком тяжелым, ноутбук ребром врезался в спину.

«Еще быстреей, поднажми!»

Парк остался позади, вот и Джой-стрит. Нет, нужно хоть секунду отдышаться. Она хотела продолжить бег, но зашаталась, споткнулась о бордюр тротуара и чуть не упала. Голова кружилась, в груди жгло огнем, глаза слезились от ветра.

«Не останавливайся! Сейчас нельзя сдаваться! Беги!»

Эмма чудом удержалась на ногах и вопреки острой боли, пронзающей диафрагму, невероятным усилием воли заставила себя двигаться дальше. Она знала: если промедлит, то упустит Кейт навсегда.

Последние триста метров до входа в больницу дались ей особенно тяжело. От дурноты она почти ничего не видела, тошнота подступала к горлу. С трудом вытащила мобильный из кармана, прижала к уху:

— Где она сейчас, Ромуальд? — крикнула и зашлась раздражающим кашлем.

Хотелось лечь на мостовую и умереть.

— Я потерял ее из виду, — сокрушенно ответил мальчик. — Кейт отошла от больницы, теперь она вне досягаемости камер!

— Черт! Скажи хоть, в какую из дверей она вышла и когда?

— Буквально две минуты назад улизнула на Блоссом-стрит.

Эмма огляделась по сторонам. Блоссом-стрит совсем близко, рукой подать. Она чувствовала, что Кейт от нее не уйдет.

— Во что она одета?

— Накинула плащ поверх белого халата.

Добравшись до перекрестка, откуда открывался обзор на Блоссом-стрит, Эмма согнулась вдвое, уперев руки в колени. Она надсадно дышала, пар валил изо рта.

«Белый халат, желтоватый плащ...»

Она пыталась высмотреть Кейт в потоке прохожих, но сейчас был обеденный перерыв, и поэтому толпы врачей, санитаров, сиделок и медсестер загромодили район. Они спешили в окрестные ресторанчики и закусовые.

«Сколько тут белых халатов, зеленых брюк, курток, плащей...»

Пот заливал ей глаза, она их протерла и вдруг заметила возле входа в супермаркет «Whole Foods» красно-белую точку...

«Спортивная сумка!»

Усталость будто рукой сняло, азарт охоты придавал ей сил, Эмма со всех ног бросилась следом.

— Не отключай мобильный, клоп несчастный! — бросила она на ходу Ромуальду. — Все, теперь я ее вижу.

Эмма вмиг преодолела пространство, разделявшее их, и теперь пробиралась в толпе, стараясь не потерять Кейт из поля зрения. Та спокойно шагала одна со спортивной сумкой на плече в лад с веселыми рождественскими песенками. Неудивительно, что она не замечала преследовательницы, ведь перед Рождеством в «Хоул Фудс» яблоку было негде упасть, все готовились к праздничному застолью. Хотя обычно здесь немногочисленно: за экологически чистыми продуктами зачастую приходят лишь состоятельные покупатели, а таких немного.

Часть магазина занимало просторное кафе, где молено было передохнуть, поесть, заказав себе суши, салат или какое-нибудь горячее блюдо из широкого ассортимента. Тут Эмма догнала Кейт и постаралась приноровиться к ее шагу. Чтобы не вызвать подозрений, вооружилась тарелкой, взяла тарталетку со шпинатом, пророщенную пшеницу, сырые овощи, напиток из чайного гриба. Поспешно оплатила все в кассе.

Кейт между тем шла дальше. Они оказались в не слишком гостеприимной зоне самообслуживания, где посетители теснились за общими столами, невольно наблюдая сквозь стекла гигантских окон за прохожими.

Народу еще больше, чем в кафе. Чтобы сесть на длинную деревянную скамью, приходилось работать локтями. Еду, довольно-таки немудрящую, самостоятельно разогревали в микроволновках. Весьма сомнительное удовольствие стоять на одной ноге в толкучке, перекусывая вот так, в быстром темпе, — поторопитесь, время дорого! — а потом бежать сломя голову на работу в больницу или в контору. Единственное преимущество: никто тебя не заметит и не услышит, лучшего места для тайных переговоров не найти!

Кейт уверенно прокладывала себе дорогу, и Эмма догадалась, что ее ждут. Действительно, какой-то мужчина сразу же освободил ей место, убрав пальто. Эмме хотелось подобраться к ним поближе, но рядом все было занято. Два длиннейших стола отделяли ее от Кейт, а из-за несмолкаемого гула голосов нечего было и надеяться подслушать их беседу...

«Вот не повезло!»

Она устроилась поудобнее и прищурилась, пытаясь получше разглядеть собеседника Кейт. Лет пятидесяти, короткостриженный, темные волосы с проседью, одет в темный изящный костюм в полоску. Лицо с правильными чертами будто высечено из мрамора. И так же неподвижен взгляд холодных ясных серо-голубых глаз.

— Эй, клоп, ты меня слышишь?

Эмма в нескольких словах описала ситуацию.

— Проклятие! Она вот-вот передаст ему сумку, как пить дать! Я должна во что бы то ни стало узнать, о чем они

сговариваются!

— Так подойдите к ним поближе, — раздраженно ответил Ромуальд.

Эмма тоже потеряла терпение:

— У тебя на плечах голова или кочан капусты? Ты вообще меня слушал? Повторяю: я не могу приблизиться к ним! Кейт видела меня в воскресенье и вчера утром тоже. Она поймет, что я за ней слежу!

— ОК! И нечего так беситься, — клоп явно обиделся.

— Ромуальд, сейчас не время капризничать, пожалуйста, помоги мне! Они говорят о самом-самом важном. Прошу, подкинь идею, да поскорей!

Парень помолчал секунды три, затем выпалил:

— Хватайте мобильный! Кладите на пол и толкните ногой, чтоб к ним под стол уехал. Я запишу их беседу.

Эмма вытаращила глаза.

— Ты и вправду ненормальный! — злобно процедила она сквозь зубы. — Как ты себе это представляешь, а?

И принялась ожесточенно грызть ногти. Но другого выхода не было, пришлось последовать совету гика. Сделала вид, будто завязывает шнурки, потихоньку положила мобильный на светлый паркет и запустила его куда подальше, словно играла в классики.

Телефон скользнул по гладкой поверхности под ногами сидящих и лег как раз возле Кейт и сурового незнакомца.

«Надо же, дуракам счастье!»

Эмма судорожно сжалась в уголке и одним глотком допила напиток из чайного гриба, горячо молясь про себя о том, чтобы никто не заметил мобильный. К счастью, ей не пришлось долго мучиться — буквально через пять минут Кейт и ее собеседник разом поднялись и направились к выходу.

Она тоже встала, бочком пробралась к их месту, залезла под стол на глазах изумленной публики, подобрала телефон и была такова.

Эмма пулей вылетела из супермаркета.

— Ну что, Ромуальд, ты понял, о чем они совещались?

— Не совсем, — смущенно ответил мальчик. — Слишком много помех, их голоса тонут в общем гаме. Придется повозиться с записью, кое-что отфильтровать...

— Так фильтруй! — рявкнула Эмма и резко прервала разговор.

Кейт тем временем вернулась в больницу, а незнакомец направился в противоположную сторону. Эмма решила все-таки проследить, куда уносят полмиллиона долларов, и пошла за ним следом.

Пока они с Кейт договаривались, она не спускала с них глаз. Так что сомнений нет: деньги он взял, а взамен ничего не дал.

«Кто этот странный субъект? Что он пообещал Кейт за такую непомерную сумму?»

Незнакомец неторопливо шел по Кембридж-стрит. Эмма следовала за ним неотступно, сохраняя, само собой, приличную дистанцию. Народу кругом полно. Бостон в предпраздничной лихорадке. Повсюду развешаны разноцветные фонарики. Все деревья, все столбы увиты гирляндами, нет ни единого фасада без венка остролиста или омелы. Разукрашенный город сиял, освещенный ярким зимним солнцем. И отражался радостным блеском в глазах прохожих, нагруженных бесчисленными подарками, танцующих на ходу, вовлеченных в веселую суету. Даже ледяной ветер славил приближение Рождества, разнося по улицам запах корицы, жареных каштанов и хвои.

Незнакомец подошел к станции метро, Эмма думала, что он спустится вниз, но нет, странный человек быстро вскочил в автобус номер восемнадцать. Эмма едва успела проскользнуть в закрывающиеся двери. К счастью, после вчерашнего позднего возвращения от Джойс Уилкинсон у нее сохранилась карта «Линк-Пас» на все виды городского транспорта.

Ей снова повезло: в автобусе вскоре освободилось место позади объекта ее пристального наблюдения — теперь всего три пассажира отделяли их друг от друга. Она видела, что мужчина так и просидел всю поездку с каменным лицом, глядя безо всякого выражения на зимний городской пейзаж, проплывающий за окном.

Автобус исколесил все окрестности городских парков, уехал на север, отклонился к западу, свернул на широкую улицу, обсаженную каштанами и вязами, и вот тут незнакомец вышел.

На Глочестер-стрит, ага. Эмма незаметно пробиравась в толпе за ним следом. Бойл-стон-стрит совсем близко, вон там, чуть южнее.

«Стало быть, он остановился в одном из роскошных отелей на Бэк Бэй, любопытно...»

Ну да, направился к гостинице Святого Франсиска, кирпичному зданию в строгом британском викторианском стиле, что прекрасно гармонирует с благородной сдержанной европейской архитектурой Бостона. Эмма знала эту гостиницу, вернее, помнила здешний ресторан, получивший в прошлом году третью звездочку престижного рейтинга Мишлен. Вместе с «каменным гостем» они миновали холл, дождались лифта, сели в кабину. Он нажал кнопку третьего этажа.

— Надо же, мне тоже на третий, — испуганно пискнула Эмма.

Он ничего не сказал, лишь окинул ее ледяным взглядом с головы до ног.

«Все, теперь я спалилась...»

Открылась стеклянная дверца, оба вышли в устланный мягким ковром коридор. Незнакомец не проявил галантности, не пропустил даму вперед. Стремительно повернул направо и скрылся в своем номере. Эмма едва успела заметить, в каком именно. Постаралась запомнить все цифры, потопталась в нерешительности, затем спустилась на лифте вниз.

У нее созрел дерзкий план, как разоблачить таинственного незнакомца.

Ресторан гостиницы напоминал шкатулку с драгоценностями в стиле модерн. По углам — ширмы, обтянутые кремовым шелком с изящной росписью; резные серебристые карнизы; вычурные кресла с атласной обивкой цвета слоновой кости; желтоватые хрустальные люстры.

— Добро пожаловать, мадам, надеюсь, на ваше имя заказан столик? — осведомился метрдотель.

— К сожалению, я не обедать сюда пришла. Мне нужно срочно передать вашему сомелье, Михаэлю Бушару, одно важное сообщение.

— Прошу, подождите минутку, я сейчас его позову.

Юный коллега Эммы появился незамедлительно.

— Ловенстайн? Какими судьбами? — искренне удивился уроженец Квебека.

Они не были друзьями, однако неоднократно встречались на всевозможных семинарах, дегустациях и конкурсах, так что отлично знали друг друга.

— Здравствуй, Михаэль. Мне нужна твоя помощь.

— У меня сейчас дел по горло. Сама знаешь, каково это. Давай лучше пропустим по стаканчику вечером, идет?

— Мне очень жаль, что я отнимаю у тебя время. Но дело не терпит отлагательств, — прошептала она, придвинувшись к нему вплотную.

— ОК, только быстро.

— Мне нужно узнать, кто остановился у вас в триста двадцать первом номере, ты мне поможешь?

— Шутишь, что ли? А как же конфиденциальность? Так-то вы заботитесь о посетителях в «Императоре»?

— Михаэль, пожалуйста! Это очень важно! Спроси у коридорного или у консьержа.

— Да меня сразу же уволят!

— Не гони волну. Мне нужно всего лишь имя, подумаешь, тайна!

— А я что с этого буду иметь?

— Даже не знаю. Чего ты хочешь? Могу отсосать тебе по-быстрому на кухне, идет?

Она нарочно сказала это громко, так что несколько посетителей с возмущением обернулись. Канадец мертвенно побледнел и потащил Эмму в холл.

— Заткни свой поганный рот, Ловенстайн! Совсем с катушек слетела! Жди здесь и не высовывайся.

— Подойди, пожалуйста, к стойке администратора и спроси, кто остановился в 321-м. Умоляю!

Он глянул на нее с ненавистью, но просьбу выполнил. Ответ получил мгновенно. Вернулся и сразу же прошипел:

— Если верить записи, некий Олег Тарасов. Все, ты довольна?

— Дорогой коллега, выношу вам особую благодарность за чуткость и верность корпоративной взаимопомощи.

— Да пошла ты, Ловенстайн! — Он резко развернулся на каблуках и исчез.

Эмма спокойно сняла рюкзак, вытащила из бокового кармана ручку и записала имя «каменного гостя» на руке.

Ромуальд с нездоровым блеском в глазах не отходил от монитора. Чтобы очистить запись, он выделил отрезок, где шумы проявлены без примеси полезного сигнала. Для более точной и аккуратной работы растянул изображение волны по горизонтали, так что теперь она походила не на горную гряду, а на плато. «Редактор» отсканировал заданный участок и захватил профиль шумов, дабы удалить только их в процессе последующей обработки. Измерил уровень вибрации.

Подросток передвинул регулятор шумоподавления и заново прослушал запись. Часть помех исчезла, но фон остался прежним. Общий результат неудовлетворительный.

«А в телесериалах шумы удаляют за секунду...»

Гик не сдался и не впал в отчаяние, он повторял эту операцию снова и снова на разных участках звуковой дорожки, пока программа не отделила полностью полезный сигнал от прочих наслоений.

«Применим трансформацию, нормализуем звук...»

Ромуальд включил погромче записанный разговор Кейт и незнакомца. Прослушал его и похолодел от ужаса.

Эмма расположилась в баре гостиницы Святого Франциска поближе к выходу, боясь упустить из виду «каменного гостя», если тот вздумает вдруг уйти. Заказала свой любимый коктейль «Кайпироска», достала ноутбук и сразу подключилась к местному вай-фай.

Она на удивление быстро соображала, интуиция обострилась, внимание не ослабевало. Расследование захватило ее целиком. Такого радостного возбуждения от мощного выброса адреналина она никогда прежде не ощущала. Смелей, вперед, нам любое дело по плечу! Страхи бесследно улетучились.

Эмма вышла в поисковую систему и набрала: «Олег Тарасов». Откликнулись разом «Фейсбук» «ЛинкедИн» и «ВКонтакте». Решила посмотреть картинки в «Гугле». О чудо! Вот он, смотрит на нее. Лет на десять моложе, но такой же суровый, бесстрашный, высеченный из мрамора. А вот и ссылка на любимый сайт киноманов «Интернет Муви Дэйтабэйз». Оказывается, если верить здешней статье, Олег некогда был каскадером и постановщиком трюков в сотне фильмов девяностых годов. Впечатляет! Правда, в шедеврах он не снимался, так, триллеры, боевики категории В, малобюджетная продукция, выходящая сразу на DVD, минуя широкий экран. Вместе с Олегом работал его брат Василий, мастер мотогонки по отвесной стене. Десять лет назад артистическая карьера братьев завершилась, и они уехали в Америку. Эмма без труда отыскала их в Лос-Анджелесе в некоем частном охранном агентстве. На сайте агентства вывешено сообщение: «Братья Тарасовы — профессиональные телохранители высшей категории».

Эмма вытащила из кармана мобильный, чтобы поделиться с Ромуальдом своим открытием, но гик ее опередил. Она мгновенно

нажала на «вызов», даже первый сигнал не успел пройти.

— Сумел прослушать их разговор, клоп?

— Да, — с трудом выдавил тот.

— Ты что, с того света звонишь, что ли?

— Полезный сигнал отделен от шумов... — голос подростка звучал как-то странно, безжизненно.

— Ну и?

— Послушайте сами. Это... чудовищно.

Эмма нахмурилась. Прижала мобильный к правому уху, а левое заткнула, чтобы лучше слышать.

«Кейт: Деньги в сумке. Стодолларовыми купюрами в банковских упаковках. Как договаривались: первый взнос в полмиллиона.

Олег: А когда мы получим всю сумму?

Кейт: Когда я удостоверюсь, что работа исполнена согласно моим инструкциям. Постарайтесь сделать все точно по плану.

Олег: Операция назначена на сегодняшний вечер?

Кейт: Да, ждите, я позвоню вам. Ровно в девять часов. Без моего звонка ничего не предпринимайте. Понятно? Если я не позвонила, операция отменяется.

Олег: Место встречи?

Кейт: Вот флешка, на ней все записано. Встретимся за вокзалом Джексон Сквер на Ямайка Плейн. Там такая узкая бетонная площадка, местные зовут ее „плешка“. Никаких машин, огней, людей. Туда бояться заходить из-за бомжей и маргиналов. Даже полиция не суется.

Олег: Вы уверены, что нас не засекут?

Кейт: Я не уверена ни в чем и никогда. Однако в такой холод ночью дилеры и наркоманы сидят по домам. Modus operandi не нужно повторять?

Олег: Нет, я все понял.

Кейт: Адрес записали?

Олег: Записал.

Кейт: Запомните хорошенько: если сделаете хоть что-то не так, денег не получите. Наш договор будет аннулирован.

Олег: Я все понял, не беспокойтесь. Последний вопрос: как зовут человека, которого мне предстоит убить? Кто он?

Кейт: У вас есть фотография, а лишнего знать не нужно. Ладно, так и быть. Его зовут Мэтью Шапиро. Он мой муж».

22

Группа Крови «Хельсинки»

Долг смерти платят только раз.

У. Шекспир. «Антоний и Клеопатра»^[35]

Сердце Эммы готово было выскочить из груди. Она пыталась и не могла заговорить. Губы ее не слушались, она не могла выговорить новость, которую узнала.

«Кейт наняла киллера, чтобы убить Мэтью...»

Но зачем?! Потому что она его больше не любит и хочет жить с Ником? Быть такого не может! Из-за этого не убивают! Разводятся, и все. Завладеть безраздельно дочерью? Тоже не причина. Из-за денег? Но, насколько поняла Эмма, у Мэтью не было никаких богатств, зато Ник был одним из самых богатых людей на континенте. Так что же? Месть?

Эмма постаралась привести в порядок разбегающиеся мысли. Так. Что она могла утверждать с полной уверенностью? То, что Кейт никогда не переставала любить Ника Фитча. Он был ее первой и главной любовью. То, что была долгая разлука, а потом они вновь открыто сблизились. И Кейт воспользовалась их близостью, чтобы украсть у него очень важную информацию, которую она продала за большие деньги, чтобы иметь возможность нанять киллера и избавиться от мужа...

«Нет, это бред какой-то...»

Безусловно, все эти факты были как-то связаны между собой. Но каким образом? Связь ускользала от Эммы. Она стиснула голову руками. Спина, ноги, затылок у нее онемели, сердце щемило.

Еще один вопрос она не могла разрешить. Почему в 2011 году Мэтт был все еще жив? Почему каскадеру так и не удалось с ним расправиться?

— Ты все еще на связи, Ромуальд? Дай мне, пожалуйста, еще раз послушать запись.

Ромуальд включил запись.

Внимание Эммы обратила на себя следующая фраза Кейт: «Начинать действовать вы можете только после моего звонка. Дождитесь его. Я не позвоню раньше девяти вечера. Если я не звоню, все отменяется. Это понятно?»

Эмма вспомнила рассказ Мэтью. Шофер муковоза, который раздавил машину его жены, сказал на следствии, что она говорила по мобильному телефону и не уступила ему дорогу. Мэтью воображал, что Кейт звонила ему, предупреждала, что «Мазда» все-таки завелась. На самом деле Кейт звонила убийце, чтобы дать ему зеленый свет. Ее телефонный звонок благодаря несчастному случаю не дошел до киллера.

Мэтью остался в живых только потому, что погибла его жена. Она не смогла отдать свое бесчеловечное распоряжение.

«Одна жизнь вместо другой...»

Эмма, то и дело оглядывая гостиничный холл, поделилась своими соображениями с Ромуальдом. Он выслушал ее с большим интересом. У них теперь было много фактов, свидетельств, доказательств, но не было главной связующей нити — мотивации Кейт. Отсутствовало основное звено, которое сразу бы связало все воедино и открыло бы им смысл мрачного и страшного замысла.

— И что же Кейт? — спросила наконец Эмма. — Что она сделала?

— Она действовала по плану, села в машину и вернулась в больницу, где лежали дети с Ямайка Плейн.

— И все?
— Есть еще одна мелочь, наверное, пустяковая, — замялся паренек.
— Говори.
— Когда Кейт вернулась из паба, она сразу же вошла в компьютер, на свой хирургический сайт, и единственное письмо, которое она вскрыла и распечатала, был анализ крови ее мужа.
— Тот самый, который Мэтью сделал тем же утром в передвижной лаборатории Красного Креста?
— Да.
— Тебе не кажется странным, что Кейт передали результаты?
— Не знаю. Я в этом ничего не смыслю.
— А у тебя есть доступ к ее почте?
— У меня есть доступ к почте всех сотрудников больницы, — напомнил Ромуальд не без гордости.
— Тогда перекинь это сообщение на мою почту.

Анализ крови Мэтью оказался очень подробным, занимал две страницы. Эмма мало что смыслила по этой части, но постаралась собрать свои скудные знания и вникнуть в длинные названия и непривычные цифры. Лист начинался с характеристики крови: эритроциты, гемоглобин, гематокрит, объем эритроцитов, цветовой показатель, ретикулоциты, тромбоциты, лейкоциты, СОЭ, базофилы...

Молодая женщина переходила от строки к строке, надеясь найти какую-то зацепку. Она сравнивала данные Мэтью с нормой, которая всякий раз была указана в скобках.

Потом перешла к биохимическому анализу: билирубин, глюкоза, железо, плохой холестерин, хороший, мочевины, ферритин, С-реактивный белок, остеокальцин...

«Почки, печень, щитовидная железа... Все, похоже, в порядке...»

Эмма еще раз просмотрела данные и опять не заметила ничего особенного. Кроме...

Кроме обведенной рамкой маленькой отметки в правом углу листа.

Эритроцитарный фенотип редкий

Группа крови «Хельсинки»

Эмма приподнялась с банкетки.

«Группа крови „Хельсинки“? Что это значит?»

Она уставилась на экран, ожидая ответа, но ответ не приходил.

Все последние дни были мучительно напряженными, но они избавили ее от страхов, заставили выбраться из своей скорлупы, убедили в отваге и мужестве. Но по части биологии она плавала. Ей нужна была помощь биолога или врача, но таких знакомых у нее не было.

Эмма со вздохом повернула голову и посмотрела в окно. Полуденное солнце заливало улицу, заставляя вспыхивать яркими искрами снежинки.

Эмма чувствовала, что у нее начинается мигрень, и все-таки не теряла готовности к дальнейшим поискам. Мысленно она перебрала всю свою записную книжку с адресами и телефонами и вдруг вспомнила, что муж ее психотерапевта заведует лабораторией медицинских анализов в Верхнем Вест-Сайде. Лаборатория располагалась в том же здании, что и кабинет его жены, но Эмме никогда не приходило в голову, что два эти учреждения как-то связаны между собой. И вот однажды муж и жена пришли поужинать в «Император», тогда все и выяснилось. Однако сейчас Маргарет Вуд уехала на каникулы в Аспен. У Эммы был номер ее мобильного, но психотерапевт никогда не отвечала сама на звонки своих пациентов, тем более во время отпуска. Однако Эмма, несмотря ни на что, все-таки позвонила. Попала, разумеется, на автоответчик и оставила сообщение, умоляя позвонить ей как можно быстрее. «Вопрос жизни и смерти» — написала она. Психотерапевт, как видно, подумала, что Эмма пишет ей, стоя на перилах Бруклинского моста, потому что перезвонила ей через минуту. Эмма извинилась и сказала, что ей очень срочно требуется консультация, которую может дать только муж Маргарет.

— Я стою на вершине горы с лыжами, но если вам нужен Джордж, то он остался внизу, наслаждается коньяком в таверне «Аякс». Позвоните ему, посылаю вам его телефон.

— Мистер Вуд?

— Он самый.

— Мне очень неудобно беспокоить вас во время отдыха, но я звоню с разрешения вашей жены...

— Так-так, и что же? — не слишком добродушно пробурчал доктор.

— Возможно, вы меня помните. Эмма Ловенстайн. Я была вашим сомелье, когда вы ужинали в прошлом году у нас в «Императоре».

При этом напоминании голос Джорджа Вуда повеселел.

— Я вас прекрасно помню. Мы провели восхитительный вечер, и не без вашей помощи. Вы посоветовали мне сказочный портвейн к моему рокфору.

— Очень рада.

— Кинто до Новаль, если не ошибаюсь.

— Да, Кинто до Новаль, 1987 года, местного разлива.

— Думается, что миллезиме 1964-го еще лучше.

— 1963-го, — поправила Эмма. — Это легендарный год, но от него сохранилось всего несколько бутылок. Если вам будет это

приятно, я постараюсь достать для вас одну. Мистер Вуд, я задала бы вам несколько вопросов, если это не слишком вас утяготит.

— Нисколько, юный друг, спрашивайте все, что хотите.

Эмма наклонилась к экрану и постаралась грамотно произнести незнакомые слова.

— Что такое «эритроцитарный фенотип»?

— Ах, речь о крови? Материя менее приятная, чем вино! Хотя наши с вами профессии не так уж далеки друг от друга. «Кровь моя истинно есть питание», как сказал наш общий знакомый.

И он рассмеялся, очень довольный своим остроумием.

— Так что же такое «эритроцитарный фенотип»? — повторила Эмма, стараясь обуздать свое нетерпение.

— Ничего особенного, жаргон, который употребляют биологи, говоря о редких группах крови.

— В каком смысле редких?

Джордж Вуд прочистил горло.

— Гм, что вы знаете о группах крови, Эмма?

— Знаю не больше, чем все обычные люди. Например, что их четыре: первая, вторая, третья и четвертая. И еще знаю, что существуют отрицательный и положительный резусы.

— Да, но это только начало. На самом деле все гораздо сложнее. Мало кто это знает, но есть люди, у которых кровь совсем другая.^[36]

— Неужели?

— Представьте себе. Есть люди с группой крови «Бомбей» по названию индийского города, где ученые впервые обнаружили особенности этой группы. Есть люди, у которых нет ни положительного, ни отрицательного резусов. Этот фенотип именуется Rh null. И это только два примера из множества. Если говорить попросту, то редкая группа крови определяется отсутствием одного или нескольких антигенов, которые обязательно присутствуют в других группах.

Голос профессора Вуда набрал силу. Не было никаких сомнений, что ему было приятно делиться своими познаниями.

— Специфика этих фенотипов состоит в том, что они производят особые антитела и могут вызывать отторжение в случае переливания крови или пересадки органов. «Бомбей», в частности, может быть совмещен только с «Бомбеем».

Наконец-то молодая женщина задала вопрос, который буквально жег ей губы.

— А группа крови «Хельсинки» вам что-то говорит?

Биолог довольно хохотнул:

— Группа «Хельсинки»? Ну, разумеется! Эта группа еще более редкая, чем ваши бутылки с портвейном шестьдесят третьего года! Этим термином обозначают группу людей, у которых наличествует несколько очень редких эритроцитарных фенотипов. Насколько я знаю, на территории Америки живет не больше двенадцати человек, принадлежащих к этой группе.

«И Мэтью один из них...»

Эммой овладело необыкновенное возбуждение. Мигрени как не бывало. Она еще точно не знала, в чем именно дело, но чувствовала, что ключ к разгадке таится именно в редкой группе крови Мэтью.

— Последний вопрос, профессор, и я отпущу вас наслаждаться отдыхом. Каким образом обнаруживается, что у человека редкая группа крови?

— Возможностей много. Беременность, например. Или несовместимость при переливании. Или анализ, который делают донорам. Когда лаборатория обнаруживает редкую группу крови, она обязана занести этого человека в национальную картотеку.

— Спасибо большое, профессор, вы оказали мне неоценимую помощь.

— Надеюсь получить от вас бутылку портвейна, — напомнил он полусерьезно, полушутливо.

— И я вас не подведу!

У Эммы снова началось сердцебиение. Наконец-то у нее в руках та информация, которую она искала с самого начала! Она не понимала всего до конца, но не сомневалась, что главное в загадочном поведении Кейт — редкая группа крови Мэтью.

«Не будем волноваться...»

Желая справиться с охватившим ее волнением, Эмма сосредоточилась на опаловых разводах абсента в своем стакане. Мысленно она постаралась собрать воедино все сведения о Кейт и о Мэтью. Начала с их встречи. Так как же они встретились? По словам Сары, первой жены Мэтта, это произошло осенью 2006 года. Как это случилось? Сильно обрезав себе палец секатором, Мэтью пришел в травмопункт. Там он встретился с Кейт, которая в этот день была дежурным хирургом. Они прониклись друг к другу симпатией, она наложила ему повязку, сделала несколько уколов.

«И, конечно же, взяла анализ крови...»

Эмма продолжала рассуждать дальше. Кейт сделала анализ крови и установила, что кровь Мэта относится к очень редкой группе. Редчайшей! К группе «Хельсинки». Через несколько дней она начинает с ним встречаться, а еще через несколько месяцев выходит за него замуж.

«Но почему?!»

Эмма подняла голову, увидела каскадера и сразу потеряла нить своих рассуждений. Олег Тарасов положил ключ на стойку администратора и направился к выходу.

Эмма сжалась на банкетке, надеясь, что он ее не заметит, потом стала следить за ним.

Прижимая к уху мобильник, она вышла из бара и почти бегом выбежала из гостиницы.

— Ромуальд? Тарасов собирается уехать. Я постараюсь проследить за ним. Оставайся на связи. И еще я сделала потрясающее открытие.

— Я тоже. Мне есть что вам рассказать.

— Потом. Я... Вот черт!

— Что там происходит?

— Кажется, он сел в машину.

Эмма подставила руку ко лбу козырьком, заслоняясь от солнца. Шофер гостиницы подогнал к дверям внушительных размеров

вишневый пикап. Решетка радиатора с фирменным перекрестьем «Доджа» утоплена в серебристый бампер. Шофер вышел из машины и протянул ключи Тарасову. Тот, ни секунды не медля, уселся за руль.

Эмма в отчаянии судорожно искала взглядом такси. Она обратилась к швейцару с просьбой помочь ей, но вишневый пикап уже встроился в поток машин и исчез из ее поля зрения.

«Черт! Черт! Черт!»

— Я его больше не вижу, Ромуальд! Он поехал в сторону парка!

— По Бостон-стрит?

— Да.

— В какой машине рулит?

— В большом вишневом «Додже».

— Ладно! Придется за ним последить!

— Перестань! Что за глупости!

Паренек натянул куртку с меховым воротником, сунул мобильник в карман и выскочил из номера. Он помчался вниз по лестнице с такой скоростью, словно ему грозила смертельная опасность. Вылетев в роскошный холл гостиницы, он чуть было не врезался в старую даму, которая едва ковыляла, уцепившись за ручки ходунков, споткнулся о ее мальтийскую болонку и сбил с ног коридорного, который нес поднос с бокалами шампанского.

— Простите! Извините! Я в отчаянии!..

И Ромуальд вылетел на крыльцо гостиницы. Солидный швейцар в темной униформе с золотыми пуговицами помогал приехавшему семейству выгружать чемоданы.

«На этот раз обойдемся без извинений!»

Мотор приехавшего внедорожника еще работал. В одну секунду Ромуальд уже сидел за рулем. Внедорожник, взвизгнув, на бешеной скорости сорвался с места.

23
Прихоти Сердца

Содрогнется любой, представив себе беды, которыми грозит опасная любовная связь.

Шодерло де Лакло

Как только Ромуальд свернул на авеню, он увидел вишневый пикап. Мобильник у него в кармане разрывался криками Эммы, которая все еще не отключилась. Ромуальд переместил мобильник из кармана к уху.

— Послушай, ты немедленно поворачиваешь и возвращаешься в гостиницу, — кричала Эмма.

Она торопливо шла по тротуару Бойл стон-стрит, натыкаясь на прохожих.

— Клоп, ты слышишь, что я тебе говорю?!

— Но это наш единственный реальный шанс!

— Ты украл машину, и ты не умеешь водить!

— Умею!

— Попадешь в аварию и сядешь в тюрьму!

— Еще чего!

Ромуальд нажал отбой.

И тут Эмма впервые отчетливо поняла, какой опасности подвергает самоотверженного мальчишку. Она эгоистично втянула его в свое расследование, она думала только о себе. Теперь собственная безответственность ужаснула ее, но поделать она ничего не могла. Поздно. Юный французик окончательно вышел из-под ее контроля. Он не хотел ее слушаться.

Эмма вошла в холл гостиницы и направилась к лифтам. Ей нужно было успокоиться. Собраться с силами, с мыслями. И еще раз поговорить с Ромуальдом. Она снова набрала его номер. Он ответил.

— Ты на связи, клоп? Хорошо, я согласна, следи за этим типом. Но я велю тебе ехать осторожно! Посмей только высунуться, чтобы тебя заметили либо этот русский, либо копы! Заруби себе на носу: ты не будешь геройствовать и выходить из машины ни при каких обстоятельствах!

— Слушаюсь, мамочка!

— И ты больше никогда не будешь бросать трубку, понял?!

Телефон Ромуальда пронзительно запыликал. Он взглянул на экран. Батарейка мигала, показывая, что заряжена всего-навсего на 7 %.

Ромуальд едва не принялся драть на себе волосы. Как это он, всю жизнь, имеющий дело с компьютерами и мобильниками, мог допустить такую оплошность?!

— У меня садится батарея, — пожаловался он. — Позвоню, когда будут новости.

Эмма вошла в номер, ругая сама себя на чем свет стоит. Ее душило чувство вины и бессилия. Она ничем не могла помочь Ромуальду. Только молиться.

Всеми силами Эмма старалась справиться с разрушительными эмоциями. Парнишка так торопился, что даже не выключил

компьютер. Светился экран, не был закрыт сайт. Эмма села в кресло Ромуальда и невольно заинтересовалась. Перед отходом Ромуальд рылся в архивах «Уолл-стрит газеты» и открыл одну из многочисленных статей, которые экономический ежедневник посвящал Нику Фитчу. Статья была давней, 2001 года, и напоминала телеграфное сообщение. Однако содержание оказалось весьма любопытным.

Еще раз о Нике Фитче

Блистательный проект Ника Фитча действует с каждым днем все успешнее и успешнее, но куда исчез глава фирмы? Не оставил ли капитан свой корабль?

«Что с Ником Фитчем?» — этот вопрос в Силиконовой долине у всех на устах. Длительное отсутствие основателя и главного акционера фирмы всех пугает и интригует. Вот уже два месяца Фитч, как ленивый школьник, манкирует генеральной ассамблеей директоров и презентацией новых продуктов своей фирмы.

Непривычное отсутствие главного трудоголика компании сеет беспокойство среди инвесторов, так что ее акции на бирже уже пошли на понижение.

Пресс-секретарь Фитча в ответ на волнующие всех вопросы лаконично сообщил, что в жизни Ника Фитча все в порядке, он перенес тяжелый бронхит и очень скоро снова займет свое капитанское место.

Эмма продолжила поиск. Тогда Фитч в самом деле, похоже, довольно скоро вернулся к исполнению своих обязанностей. Акции на бирже снова взлетели на немыслимую высоту, происшествие забылось, информация о нем затерялась в лабиринтах Интернета.

Эмма перечитала конец статьи.

«Тяжелый бронхит! Рассказывай сказки!»

Она недоверчиво покачала головой, откинулась и прикрыла глаза, чтобы сосредоточиться.

«А что, если Ник по-настоящему всерьез болен?»

Мало-помалу белые пятна в этой истории начали исчезать.

«Серьезная болезнь, кровь, медицина, лечение...»

Факты жемчужинками нанизывались один на другой, становясь нитью Ариадны, которая вела через лабиринт загадок к отгадке.

Эмма открыла глаза и посмотрела на экран другого компьютера.

«Интернет больницы».

Эмма наклонилась над клавиатурой и вооружилась мышкой. Ей понадобилось не меньше пяти минут и не меньше сотни манипуляций прежде, чем она поняла, как получить доступ к карточкам пациентов и каким паролем их открывать.

Начала она с того, что набрала «Ник Фитч».

Никакого ответа.

«Подумай хорошенько, девочка!»

Она сделала новую попытку и набрала: «группы крови + Хельсинки».

На экране обозначилось досье одного из пациентов.

Сердце у Эммы замерло: еще несколько секунд, и ей откроется истина!

Пациента звали П. Дрейк, он лежал в кардиологическом отделении больницы в Джамайка Плэйн.

Эмма кликнула и открыла досье. Как только она стала читать историю болезни, разрозненные пазлы стали складываться в картину.

Больного звали Принц Дрейк.

«Принц Дрейк, Дрейк Принц, Черный Принц...»

Это и был Ник Фитч. Бизнесмен, лежавший в кардиологическом центре бостонской больницы, которым руководила Кейт!

Ошеломленная своим открытием, Эмма, едва не дрожа от возбуждения, принялась внимательно изучать досье. Она не пожалела на него времени и поняла главное. А когда поняла главное, то впала чуть ли не в ступор.

Фитч родился с очень редким пороком сердца. Сердце едва работало и плохо снабжало кровью организм, он был «синюшным ребенком», врачи не надеялись, что он доживет до взрослого возраста.

В восемь лет он прошел очень серьезный курс лечения, который улучшил его кровоснабжение, а потом через семь и десять лет последовали две операции на сердце.

Они продлили ему жизнь, но не избавили от главной проблемы. Отсрочили неизбежный конец. Рано или поздно, чтобы не умереть, Ник Фитч нуждался в пересадке сердца. Но, учитывая его редчайшую группу крови, надеяться на такую операцию было нечего. У него была группа «Хельсинки». В сорок два года Ник Фитч был своего рода медицинским чудом. Годы и годы в режиме строгой конфиденциальности за ним наблюдали и его лечили врачи. Жизнью он был обязан своей железной воле и удаче. Но настал момент, когда его сердце не могло больше работать. Этот момент наступил сейчас.

Эмма вызвала мышкой другие документы и выяснила, что Фитч был госпитализирован сутки тому назад и ждет операции по пересадке сердца.

На этот раз жизнь делового гения была поставлена на карту: или пересадка, или смерть.

Ромуальд старался изо всех сил вести машину как следует. И очень испугался, когда его внедорожник на Бэкон-стрит чуть было не рванул на красный свет. Он дал задний ход и осторожно выровнял его, а потом испугался не меньше, решив, что упустил каскадера. Но очень скоро снова увидел вишневый «Додж». Пикап свернул на скоростную магистраль, огибающую центр города на северо-западе.

Продвижение машин резко замедлилось из-за пробки, которая возникла неподалеку от развязки, не давая возможности

выехать на автостраду. Пока все двигались бампер к бамперу, Ромуальд судорожно разбирался с коробкой скоростей. Во Франции отец немножко учил его водить, и кое-каких приемчиков он, конечно, нахватался, но ездили они всегда вместе. Он и представить себе не мог, что так скоро окажется самостоятельно за рулем — и к тому же внедорожника!

Пробка рассосалась, движение восстановилось. Ромуальд не выпускал из виду вишневый пикап, стараясь сам остаться незамеченным. Теперь «Додж» с немалой скоростью мчался в северном направлении. Через четверть часа они пересекли Мидлсекс с его дубами, серебристыми елками и орешником. Потом пикап повернул на восток, и, проехав километров двенадцать, снова помчался на север по грунтовой дороге.

Они ехали в сторону Лоуэлла, небольшого индустриального городка, некогда процветающего. Ромуальд старался изо всех сил держаться на порядочном расстоянии от каскадера. От просторов вокруг захватывало дух. Солнце, клонясь к горизонту, окрасило облака в оранжевый цвет, заставив светиться их края. Справа и слева нетронутой белизной сияла равнина, вдали мерцала серебром река, а может быть, озеро.

Неожиданно для Ромуальда пикап свернул направо и поехал по узкой проселочной дороге к еловому леску.

«Куда его черт несет?!»

Подросток остановился на обочине и позвонил Эмме, чтобы сообщить, где находится.

В Бостоне солнце заволокли тучи. В комнате потемнело. Эмма сидела в полутьме не шевелясь. Время остановилось. Все остановилось. Она не могла принять очевидное. Не могла поверить тому, что узнала. Поверить, что Кейт собирается убить мужа, чтобы спасти любовника.

Она не могла понять этого. Не могла смириться. Но вопреки своим чувствам не могла не признать, что теперь все встало на свои места. Много, что она узнала за эти дни, сложилось в единую картину. Портрет женщины. Эта женщина, очень красивая, очень умная и страстно влюбленная, ради своей любви задумала страшное преступление.

Эмма словно бы просматривала художественный фильм. Видела кадр за кадром. Сцену за сценой. Она не могла при них присутствовать, но могла их восстановить. Не в подробностях — в подлинности.

Середина 90-х годов. Кейт и Ник страстно любят друг друга. Они созданы друг для друга, они обречены на любовь. Магнетизм красоты, юности, интеллекта. Они ослеплены друг другом. Их любовь необыкновенна, ни на что не похожа. Она вспыхивает сразу, с первой встречи, о которой рассказала Эмме Джойс Уилкинсон. Они встретились в зимний день в придорожном кафе бензозаправки. Этим днем Кейт, наверное, дорожила и считала главным в своей жизни. Он все переменял. День их встречи. День, когда Ник ее спас...

Но у Ника была своя тайна: опасная болезнь сердца. Он был обречен и с юных лет скрывал это. Может быть, потому, что не хотел, чтобы его жалели. И еще потому, что не хотел отдавать свое дело в чужие руки. Он знал, что в любую минуту может умереть, и не захотел пугать Кейт, возложив ей на плечи такое бремя. Он постарался отойти от нее, всячески ее третировал, вынуждая отказаться от него. Кейт пришла в отчаяние. Потеряла веру в себя, не могла понять, почему Ник ее оттолкнул, и дошла до того, что сделала себе пластическую операцию, надеясь покорить его.

Так. И что дальше? Что же произошло после этого? Ник, разумеется, понял, что принял неверное решение. Решился открыть правду своей любимой. Признание принесло молодой женщине удовлетворение. Ник по-прежнему любил ее. А она? Она захотела во что бы то ни стало спасти ему жизнь. Она решительно отказалась от занятий неврологией и стала заниматься кардиохирургией. Для Кейт началась новая жизнь, целиком и полностью посвященная работе, новым открытиям в области медицины и заботам о здоровье Ника. Кейт работала в разных областях: тестировала методы лечения иммуностимуляторами, изучала генетические изменения в группах крови, писала блестящие работы, но не нашла радикальной возможности помочь любимому. Его могла спасти только трансплантация сердца. Но у Ника была редчайшая группа крови, а значит, донор также должен был иметь группу крови «Хельсинки»...

«Куда может завести страсть?»

Далеко.

Очень далеко.

И все-таки существует граница, перейти которую решаются немногие.

Кейт перешла ее.

Как это произошло? Что послужило стимулом?

И опять, словно виртуальное сообщение, переданное по телепатическому каналу, Эмму осенило.

Осень, 2006-й. Долгое дежурство, и вдруг среди самых разных людей в травмпункте попадает пациент симпатичнее других. Молодой мужчина, повредивший руку секатором. Преподаватель философии в Гарварде. Неординарный, умный, по-настоящему привлекательный. Кейт наложила ему шов, потом повязку. Она сразу почувствовала, что нравится ему, хотя он был сдержан и корректен. И все же он тоже подпал под ее чары. Впрочем, как все, абсолютно все мужчины. Несмотря на то что она никогда не стремилась обольщать, в ней было что-то особенное. Она не радовалась своему успеху, он ей не льстил. Она была поглощена другим. Давным-давно вела отчаянную борьбу. Воевала.

Но в этот день Кейт позволила себе маленький отдых. Почему? Может быть, потому, что день был трудным, а Мэтью удачно пошутил и рассмешил ее. Может быть, ей было приятно поболтать с умным, интеллигентным человеком, который не говорил пошлостей, с которым она чувствовала себя в безопасности. Как бы там ни было, Кейт согласилась пойти и выпить с ним кока-колы.

Октябрь только начинался. Бабье лето в разгаре. Солнце золотило больничную автостоянку, на которой стояла передвижная лаборатория Красного Креста, где будущие доноры сдавали кровь на анализ. Кейт и Мэтью пили холодную коку, и Кейт стала

убеждать своего пациента сдать кровь. Это вошло у нее в привычку, она это делала всегда. Она рассказала ему о важности донорства, сообщила, что стоит во главе этой акции, что с его стороны было бы очень мило, если бы он тоже поучаствовал...

Мэтью слушал ее и не слышал. Завороженно смотрел, как она заправляет выбившуюся золотистую прядь за ухо. Вспоминал Грейс Келли в ранних фильмах Хичкока. Спрашивал себя, существует ли уже тот счастливчик, который каждое утро просыпается рядом с этой женщиной? Чувствовал, что уже немного ревнует к этому счастливчику. Соображал, можно ли будет снова встретиться со светлоглазой красавицей. Горячность, с которой она убеждала его сдать кровь, показалась ему трогательной. Он ответил, что уже позавтракал. Она объяснила, что в данном случае это не важно. Он пошутил, что боится уколов. Она предложила поддержку, заверила, что останется вместе с ним.

Он радостно согласился.

А потом жизнь у каждого пошла своим чередом. Вполне возможно, они обменялись телефонами, но, скорее всего, нет. Кейт забыла о симпатичном пациенте. Через два дня его образ полностью выветрился у нее из головы, но тут ей передали результаты анализа. Она посмотрела и не поверила своим глазам. Попросила лаборантку повторить анализ. Результат подтвердился. У Мэтью Шапиро кровь тоже была группы «Хельсинки». Мэтью родился в том же году, что и Ник. У них одинаковая морфология. Мэтью для Ника идеальный донор.

Как не увидеть в появлении Мэтью воли Провидения? Предоставлялся уникальный случай, который больше не мог повториться никогда.

Что тогда творилось в душе Кейт? Что она почувствовала, когда осознала, что ради спасения любимого человека должна стать убийцей? Как перешла границу, отделяющую любовь от безумия?

Мобильник звонил и звонил и наконец пробился в сознание Эммы — она его услышала.

— Да, Ромуальд. Где ты?

— В двенадцати километрах на юг от Лоуэлла. Пикап каскадера свернул на проселочную дорогу.

— Поняла. Значит, у него там убежище, укрытие, и теперь мы знаем, где он прячется. Так что срочно возвращайся в гостиницу! Подросток не спешил отвечать. Эмма слышала шум включенного мотора его внедорожника.

— Это не шутки! Возвращайся, Ромуальд! Мне нужно многое тебе рассказать. Нам необходимо принять решение.

Подросток напряженно соображал, пропуская ее слова мимо ушей.

— Ромуальд, прошу тебя!

Парень снял очки и протер стекла. Нет, он не мог развернуться посередине дороги, так и не узнав, куда она ведет. Это было бы малодушием. Как будто бы он расписался в собственной несостоятельности.

Ромуальд надел очки и тронулся вперед.

— Все же гляну, что там, — сообщил он Эмме. — Остаюсь на связи.

Он взглянул на экран мобильного, батарея заряжена на 3 %. И все-таки медленно двинулся по проселочной дороге к лесу. На дороге лежал снег, но мощные колеса «Доджа» прекрасно с ним справлялись. Чем гуще росли деревья, тем становилось темнее. Кроны сомкнулись, не пропускали солнце. В лесной полутьме Ромуальд пропетлял еще с полкилометра.

Эмма в гостинице не находила себе места.

— Ты еще не отключился, клоп?

— Да нет. Но, кажется, попал в тупик.

Ромуальд изо всех сил стиснул руль. Вишневый «Додж», очевидно, развернулся в конце дороги и теперь стоял прямо перед ним.

— Пикап здесь, но...

Он прищурился, чтобы лучше видеть.

— Но что?

— Кажется, за рулем уже никого нет.

— Ромуальд, возвращайся немедленно!

— Да, наверное, так будет разумнее.

Вот теперь ему стало по-настоящему страшно. Темнота сгустилась, лес словно бы сомкнулся вокруг него. Паренек попытался развернуться, но дорога была слишком узкой, и машина завязла в снегу.

«Черт!»

На лбу Ромуальда бисеринками выступил пот. Он нажал на тормоз и вылез из машины на мороз. Ни единого звука. Мертвая тишина. Наверху ветерок стряхнул с ветки снег, и несколько хлопьев закружилось в воздухе.

— Есть тут кто-нибудь? — неуверенно подал голос Ромуальд.

Тихо. Тихо по-прежнему.

Он подошел к пикапу поближе и заглянул внутрь через стекло.

Никого.

Заметил, что дверь не заперта. Взялся за ручку, чтобы открыть ее, и тут услышал скрип снега. Шаги приближались. Он резко обернулся и успел заметить черную тень, которая навалилась на него.

Закричать он не успел, получив удар по голове револьвером, от которого потерял сознание.

Эмма слышала странный глухой шум, и ей тоже стало очень страшно.

— Клоп! Ты меня слышишь? — спрашивала она, тревожась и пугаясь все больше. — Объясни мне, что происходит. Ромуальд! Пожалуйста!

К горлу у нее подступили слезы, и голос прервался. В телефоне послышались короткие гудки.

Связь прервалась.

Жалей тех, кто боится, они множат вокруг себя ужасы.
Стивен Кинг

Уже наступила ночь, когда вишневый пикап подъехал к промышленной зоне Нью-Хартленда, расположенной между Нашуа и Салемом на границе Нью-Гэмпшира и Массачусетса.

На первый взгляд зона была обнесена надежной оградой, где-то металлической, где-то деревянной. Но так казалось только на первый взгляд. Для тех, кто хотел туда попасть, имелись кое-какие возможности. «Додж» свернул у главного входа, обогнул центральную часть вместе с оградой и стал подниматься вверх по боковой дороге, покрытой гравием, пока не остановился перед другими металлическими воротами, закрытыми на цепь. Каскадер резко затормозил и вылез из машины, прихватив фомку и кровельные ножницы. При свете фар он в две секунды справился с запором и распахнул обе створки. Снова сел за руль и продолжил свой путь уже по территории промзоны.

Промзона, разместившаяся между рекой и старой железной дорогой, была брошена где-то в 2000-х годах и теперь пришла в полную негодность. Для глаз она представляла безотрадное зрелище: обветшалые склады, ангары, заводские помещения с забитыми окнами, пустыри...

Олег Тарасов въехал на своем пикапе в большой ангар, где когда-то располагались бойни округа Хиллсборо. Здание использовалось до последнего, потому что кто-то его выкупил. Оставили его не так уж давно. В части здания до сих пор работало электричество.

Муниципалитет намеревался при помощи частных капиталовложений превратить эту зону в парк отдыха и развлечений, но наступил экономический кризис, и план повис в воздухе. Пустыри, руины, пустые бараки и ангары стали пристанищем для бомжей, преступников и наркоманов.

Тарасов вылез из машины и повернул выключатель. Ангар осветился слабым желтоватым светом.

Каскадер вытащил из машины Ромуальда и дал ему пару пощечин, чтобы тот пришел в себя.

Не помогло.

Тарасов забеспокоился. Он внимательно изучил паспорт, найденный им в кармане джинсов паренька. Мальчишка оказался несовершеннолетним и иностранцем. Какого черта он ехал за ним от самой гостиницы? Он что, имеет отношение к делу, которым ему предстоит заняться сегодня ночью? Олег мысленно прокрутил все дневные события. И вдруг припомнил молодую женщину, которая ехала с ним в гостиничном лифте. И не усомнился ни на секунду, она припомнилась ему не зря: уж очень странно она себя вела. Может, тоже за ним следила? Зато он вел себя предельно осторожно, соблюдал все правила. Из практики известно, что слабым звеном обычно оказывается заказчик. Каскадер подумал было, не позвонить ли Кейт, но договор был жестким: никаких звонков, никаких контактов, никаких следов. Устранение вышеозначенной персоны, и все. Тогда он прикинул, стоит ли обещанная сумма того, чтобы довести это дело до конца. И решил, что стоит. Женщина была обязательная и сделала уже две выплаты по пятьсот тысяч долларов. Откуда она брала эти деньжищи, он понятия не имел. Платила — и хорошо. Это было не его дело. Расплачивалась наличкой. Бабла у нее было полно. И купюры совершенно чистые. По завершении дела ему полагался еще миллион. И он решил, что завершит.

В ожидании, когда можно будет поговорить с парнишкой, который все еще валялся на полу без сознания, Тарасов взял металлический стул, стер с него паутину и уселся возле огромного металлического стола для разделывания туш. Сунул в рот сигарету, закурил и положил спички рядом с собой на стол. С удовольствием затянувшись, он достал из чемоданчика ноутбук, включил, открыл папку, где была собрана информация относительно человека, которого он должен был устранить, и стал еще раз внимательно ее изучать.

Ромуальд различил в тумане мигающий оранжевый огонек. Голова гудела, висок время от времени простреливала резкая боль. Он лежал на полу, наверное, каменном и очень холодном. Он попытался подняться, но понял, что руки у него крепко связаны.

«Где это я?»

Когда сознание окончательно прояснилось, он увидел, что лежит в огромном ангаре с бетонными стенами, слабо освещенном желтым электрическим светом. Ромуальд дернулся, пытаясь резким движением разорвать веревку, но она только сильнее впилась в кожу. Он закусил от боли губу, слезы обожгли глаза — он понял, что освободиться не получится.

И тут увидел, что к нему приближается мужчина. Он попытался сесть и даже почти что сел, но получил от Тарасова удар ногой в грудь.

— Лежать! Не дергаться!

Испуганный подросток лег, не решаясь даже взглянуть на каскадера.

— Почему ехал за мной? — спросил тот, нажимая ему ботинком на грудь.

Ромуальд сжался и закрыл глаза.

— ГОВОРИ!!! — заорал Тарасов так громко, что у Ромуальда снова невольно брызнули из глаз слезы.

Русский, вне себя от ярости, ткнул его ногой под ребра. У Ромуальда перехватило дыхание, а когда боль немного отпустила, он закашлялся.

Тарасов схватил его за куртку и потащил по полу, открыл дверь и швырнул в комнату без окон с металлическими стенами и потолком. Ромуальд мешком упал на пол, а каскадер запер дверь с другой стороны. Пареньку не понадобилось много времени, чтобы понять, где он находится. Пронизывающий холод стал добираться до него. Он поднял глаза вверх. Трубки огромного испарителя дышали холодом. Ромуальд понял: его заперли в мощной холодильной камере.

Бостон
Большой бакалейный магазин «Зеллиг Фуд»

Мэтью вез тележку, пробираясь сквозь толпу в отдел фруктов и овощей.
— Быстрее, папа! Вези быстрее! — просила его Эмили, удобно усевшись в тележке.
Мэтью потрепал дочурку по щеке и занялся покупками: пучок укропа, пучок эстрагона, лук-шалот, маленькие луковки репчатого.
А когда уже уезжал из секции, вдруг увидел молодую картошку Нуармутье, которую обожала его жена. Он уже заглядывал в магазинчики, где продавали первые весенние овощи, но никак не мог напасть на это золотистое чудо. И вот повезло. Сегодня вечером у них будет замечательный ужин. Он приготовит все, что любит Кейт. Несмотря на сумасшедшую цену, Мэтью взял солидную порцию картошки, потом проверил по списку, не забыл ли чего, и направился к кассам.
— Папа! Мы забыли напиток для Санта-Клауса! — закричала Эмили.
— Действительно, — согласился Мэтью и снова развернул тележку.
В молочной секции отец и дочь с общего согласия прихватили пакет гоголя-моголя.
— Добавим в него хорошую рюмочку коньяку, и Санта останется доволен, — пообещал Мэтью, подмигивая Эмили. — Ему же нужно согреться!
— Ты хорошо придумал, — одобрила Эмили.
Мэтью улыбнулся и пообещал себе не забыть выпить гоголь-моголь до того, как в первый новогодний день Эмили войдет в гостиную.

Ромуальд костенел от холода. Он сжался в комок, подтянул коленки к подбородку, уткнулся носом в мех куртки. Хотел взглянуть на часы, но... Наверное, он находился в холодильной камере не меньше получаса. Ромуальд с трудом обвел глазами помещение. Заметил в углу сваленные в кучу деревянные поддоны. Плесень и ржавчину, которые покрывали стены. Что же делать? Выключить холодильник нет никакой возможности. Открыть дверь тоже.
Ромуальд пытался согреться, как мог. Шевелил ногами, стучал одну о другую, двигал плечами, пальцами, но ничего не помогало. Холод забирался под одежду, покрывая кожу пупырышками, проникал под кожу, промораживал до костей. От холода у него застучали зубы, да и сам он весь дрожал. В груди бухало сердце, словно он делал тяжелую работу.
На что теперь можно было надеяться?
Однако внезапно к рокоту холодильника прибавился скрип и скрежет. Дверь открылась, и в камеру вошел каскадер. Со стволом в одной руке и ножом в другой он медленно приближался к Ромуальду.
— Что, холод не тетка? — оскалился русский, наклоняясь над подростком. — Только на своей шкуре можно понять, какая пытка лютый мороз!
Взмах ножа, и веревка, от которой онемели руки Ромуальда, разрезана. Чуть ли не ползком подросток выбрался из холодильной камеры.
Тарасов внимательно следил за ним. Он-то знал, что бывает при резкой смене холода на тепло. У Ромуальда перехватило дыхание, он начал судорожно кашлять. Кашляя, он растирал себе плечи, руки, лицо, но по-прежнему дрожал от холода. Ему стало легче дышаться, потому что он вдыхал более теплый воздух.
Через несколько секунд Тарасов вновь приступил к допросу.
— Возиться с тобой мне некогда, — объявил он. — Или ты говоришь, почему следил за мной, или навсегда отправляешься в холодильник. Выбирай!
Ромуальд с закрытыми глазами глубоко дышал. Тарасов продолжил сыпать угрозами:
— Думаешь, побывал в аду? Нет, это еще цветочки! Подумай хорошенько: ты в пустыне. Можешь орать сколько хочешь, никто тебя не услышит. Выгоднее заговорить, а иначе сдохнешь в одиночестве мучительной смертью.
Ромуальд открыл глаза и огляделся вокруг. Никакой надежды сбежать. Спрятаться тоже нигде.
Русский стоял и смотрел на него.
— Спрашиваю в последний раз: почему ты следил за мной?
Подростка снова начал бить кашель. Тарасов потерял терпение и схватил его за волосы.
— Ты будешь отвечать или нет?!

Собрав все силы, Ромуальд резко наклонил голову и наподдал головой русскому под дых.
От неожиданности и боли русский замер. Подросток, воспользовавшись ситуацией, кинулся бежать. Но каскадер подставил ему подножку, и тот растянулся, рухнув на металлический стол, где лежали вещи каскадера.
— Куда это ты собрался, а?

Тарасов с яростью набросился на мальчишку и принялся его молотить — в живот, под ребра, куда попало, — удары сыпались дождем. Ромуальд свалился на пол, и русский продолжал его бить, но теперь ногами.
Выплеснув гнев, русский остановился. Ромуальд лежал. Он не мог подняться на ноги. Каскадер сгреб паренька за ворот куртки и снова потащил в холодильную камеру.

— Пошел ко всем чертям! — рявкнул он и запер металлическую дверь.

Убедившись, что запор держится крепко, каскадер вернулся в основное помещение и принялся наводить порядок. Падая, подросток мог повредить компьютер. Тарасов проверил, уцелел ли ноутбук, подобрал упавшие сигареты и ключи. Ноутбук не пострадал, и он убрал его снова в сумку, а сумку положил в пикап на заднее сиденье. Достал сигарету и взглянул на часы.

«Покурю потом», — решил он и спрятал сигарету в пачку.

Тарасов направился в глубину ангара, где начинался коридор, в который выходило несколько металлических дверей. Он открыл первую. Там стоял «Харлей-Дэвидсон Фэт Бой», мотоцикл дизайнера 70-х, ярко-оранжевый с блестящим хромом.

Каскадер вывел мотоцикл из «гаража» на свет и стал осматривать. Мощнейшая машина с вместительным топливным баком, спицованными колесами и зубастой резиной. Порядок.

Затем он проверил «глок», вложил его в кобуру и повесил под мышку. Револьвер поменьше надел на щиколотку. Потом надел шлем и специальную мотоциклетную куртку, в которой ездил на своем железном коне.

Прежде чем завести мотор, Тарасов включил навигатор и ввел туда точные координаты дома Мэтью Шапиро. В следующую минуту навигатор предложил несколько маршрутов, какими можно добраться до Бэкон-Хилл. Тарасов выбрал самый короткий. Надел перчатки, еще раз взглянул на часы и повел мотоцикл к выходу. Прежде чем выехать, выключил свет и закрыл дверь бойни.

Мотоцикл одолел кривые дорожки вокруг промзоны Виндхама, выехал на автостраду 93 и помчался по направлению к Бостону. Ветер бил мотоциклисту в лицо. Тарасов не опускал забрала, с удовольствием слушая рокот мощной, надежной машины. Автострада была на удивление свободной, при такой скорости он будет в городе минут через сорок.

Не переставая следить за дорогой, Тарасов размышлял о договоре, который ему предстояло выполнить. У него были свои особенности. И немалые. Куда проще было бы всадить в этого Мэтью пулю. Или чикнуть ножом по горлу. Но Кейт Шапиро заявила однозначно: никакого оружия. Применение оружия как холодного, так и огнестрельного неминуемо означает вмешательство полиции. Но ей было нужно во что бы то ни стало обойтись без копов.

Она повторила это даже сегодня, когда он говорил с ней с утра: мол, деньги он получит только в том случае, если все пойдет по разработанному ею плану. Мэтью Шапиро должен погибнуть в дорожной аварии. Аварии, в которой он получит черепно-мозговую травму и скончается от кровоизлияния в мозг.

Каскадер сглотнул слюну. Кейт выбрала его потому, что в молодости, еще в России, он учился на медика и даже работал медбратом. Ему не составило труда понять требования врача-хирурга. Предстояло уничтожить центральную нервную систему Мэтью Шапиро вместе с его черепной коробкой, но сохранить в целости все остальное. Иными словами, уничтожить мозг, но не повредить другие органы. Когда смерть наступает от кровоизлияния в мозг, сердце продолжает работать еще целые сутки, а то и больше, снабжая весь организм кровью.

Тарасов никогда не старался понять мотивы, которые движут его клиентами. И не судил этих клиентов. У каждого своя правда. И все же от изощренного, продуманного до мельчайших деталей плана этой молодой женщины ему становилось не по себе. Детали она продумала до последнего и даже сама собралась появиться на месте аварии... Идея хоть куда, ничего не скажешь...

«Карниз» — это узкая бетонная дорога, которая огибает на возвышении вовсе не горный пик, а автодорожную развязку. Зная о его существовании, можно сэкономить немало драгоценного времени, добираясь от Конноли-авеню до Роп-стрит, небольшой улочки позади вокзала «Джамайка Плэйн». Хотя «карниз» — дорога прямая и не представляет опасности для скоростных видов транспорта, за последние два-три года здесь погибли трое мотоциклистов. Тому виной металлическое ограждение, которое поставлено как раз с обратной целью, т. е. для безопасности. Мотоциклетный клуб уже не раз сигнализировал городским властям, чтобы спроектировали другое. Металлическая полоса, приподнятая над землей на полметра, мгновенно превращалась в гильотину, если мотоциклист, вылетев из седла, попадал под нее. Два мотоциклиста с промежутком в несколько месяцев из-за нее поплатились головой в прямом смысле слова. А третий на большой скорости врезался в металлический столб и тоже — насмерть. Три смерти на «карнизе», разумеется, привлекли внимание городских властей. Начались дискуссии, как улучшить ограждение, и пока решение не было найдено, муниципалитет запретил мотоциклистам проезд по этой дороге.

Но кто подчинился этому запрету?

Кейт, по крайней мере, утверждала, что не ее муж...

Олег опустил забрало шлема. Посмотрел в зеркало заднего вида и приготовился обойти цепочку грузовиков. Светящихся указателей становилось все больше — свидетельство того, что город близко. Он сосредоточился, чтобы не пропустить поворот на 26-ю, ведущую в направлении Сторроу Драйв. Навигатор показывал, что он следует по экспресс-магистрали вдоль Чарльз Ривер, а затем свернет на Бэкон-стрит. Так он и сделал, а потом поехал по Копли-стрит, повернул на Моунт-Вернон-стрит и, наконец, оказался на Луисбург-сквер. Припарковал мотоцикл на площади под деревьями, снял шлем и сунул в зубы сигарету. Вывернул карманы, но коробка со спичками не нашел. Раздосадованный невозможностью покурить, он недобро покосился на окно, которое указала ему Кейт Шапиро.

На занавеске виднелись две тени — мужчины и маленькой девочки.

Не пройдет и двадцати минут, как мужчины не будет в живых.

— Хорошо я нарисовала? — спросила Эмили, протягивая отцу три плотных листка бумаги.

Мэтью внимательно рассмотрел рисунки. Среди ярких красочных пятен, которые раздала сама кисточка, можно было отчетливо различить оленей, которые везли сани Деда Мороза, на другом рисунке — принцессу, на третьем — снеговика. Для

малышки трех с половиной лет — просто великолепно.

— Отличные рисунки, мышонок! — одобрил Мэтью, погладив дочку по голове. — Мама очень обрадуется, что ты нарисовала такие красивые меню. Разложишь их на столе?

Девочка важно кивнула и из кухонной части комнаты отправилась в столовую, забралась на стул и возле каждой тарелки положила рисунок, меню сегодняшнего праздничного ужина, состоящего из самых любимых маминых блюд:

Карпаччо «Сен-Жак» с черной икрой
Суп из артишоков с бриошами с трюфелями
Устрицы «Рокфеллер»
Кокот из омара с молодой картошкой Нуармутье
Шоколадный торт с орехами пекан

— Смотри не упади! — предостерег Мэтью дочку, наблюдая за ней издалека.

Он вытер руки о передник, повторяя про себя ингредиенты для соуса к устрицам: чеснок, масло, укроп, эстрагон, лук-шалот, бекон, панировочные сухари, оливковое масло, кайенский перец...

Мэтью взглянул на стенные часы. Теперь уже скоро. Посмотрел на бутылку шампанского, которое хранил для торжественных случаев. Бутылка в ведерке со льдом. Прикинул, не начала ли перегреваться духовка, проверил, как варится картошка.

— Пап, я есть хочу! — крикнула Эмили.

Он посмотрел на дочку. Она снова вернулась под елку и играла там.

— Еще чуть-чуть, и садимся, — пообещал он.

Голубые и розовые серебристые гирлянды окружали малышку, превращая ее в маленькую принцессу.

— Дай-ка я тебя сфотографирую у елки, — сказал Мэтью. — И мы пошлем маме твою фотографию, чтобы она быстрее бежала к нам.

И только он взялся за телефон, как тот завибрировал в руке.

Звонила Кейт.

25

В Долине Теней

Соперничество, словно яростный ветер, мешает нам идти туда, куда мы хотим, срывает то, что мы о себе думаем, показывая такими, какие мы есть.

Артур Голден^[37]

24 декабря 2010

Джамайка Плэйн (предмесье Бостона)

20 часов 59 минут

Яркий свет освещал больничную палату. Ник Фитч находился в коме в ожидании операции. Отныне жизнь магната зависела только от аппарата искусственного жизнеобеспечения, который стоял рядом с его кроватью. Кейт прищурилась, следя за путаницей питающих проводков, за экраном аппарата с данными, за его добросовестной работой. Наклонилась и коснулась губами губ любовника.

«До скорого. Не волнуйся. Я делаю все, что нужно».

Она прикрыла глаза, набираясь новых сил, глубоко вздохнула, сняла халат и вышла из палаты.

«Главное, не отступить. Следовать намеченному плану».

Кейт спустилась на лифте на первый этаж и направилась по коридору к служебным помещениям, здороваясь с коллегами, которые ей изредка встречались.

«И не терять времени!»

Как она и предполагала, в больнице царила тишина. Кроме порезов ножом для устриц, травм в новогоднюю ночь обычно не было. Ночь на Рождество всегда была куда спокойнее дня 31 декабря. Даже комната отдыха вопреки веселому убранству словно бы дремала.

Кейт забрала из своего шкафчика пальто, сумку и мобильный телефон. Сначала она позвонила мужу. Говорила с ним на ходу, торопясь по стеклянному переходу, который вел к автостоянке. Это был разговор образцовой супруги, которая слышит каждое слово мужа.

— Застряла на больничной стоянке, дорогой, — врала она. — Машина никак не заводится. Ты, как всегда, прав, мне и в самом деле пора избавляться от старой калоши.

— Я говорил тебе это тысячу раз.

— А мне жалко! Старенькое купе «Мазда»! Ты же знаешь, первая моя машина, я купила ее самостоятельно, когда была еще студенткой!

— А было это в девяностом году, сердечко мое! И к тому же она была подержанной.

— Попробую добраться на метро.

— Ты шутишь? В этот час у вас в квартале небезопасно! Я сажусь на мотоцикл и еду за тобой.

— Не надо, слишком холодно. Ты знаешь, что идет дождь со снегом? На мотоцикле опасно, Мэт!

Кейт прекрасна знала, что муж будет настаивать, и не мешала ему играть роль мужчины-защитника. В конце концов она согласилась.

— Так и быть. Только будь осторожен. Жду тебя, — сказала она, минув автоматические двери.

Нажала отбой и направилась к стоянке.

Холод обжег ей лицо, но она его не почувствовала.

Самир Нарахим повернул ключ зажигания на своем муковозе и выехал с территории мукомольного завода в предместье Джамайка Плэйн.

Последняя ездка, и он вернется домой к Сажани, своей жене. День был долгим и трудным. Самир не должен был работать сегодня, в канун праздничного дня, но шеф позвонил ему с утра в панике и предложил срочно заменить шофера, который не вышел на работу. Самир с женой рассчитывали провести этот день дома, в семейном кругу, но отказаться от «предложения» шефа он не решился. Учитывая экономический кризис и беременность Сажани, время было не самым подходящим, чтобы рисковать работой.

«Черт бы побрал эту проклятую погоду!.. — Самир взглянул на светящийся квадрат часов на панели и заторопился. — Не хватало только опоздать!»

Он должен был отвезти муку в Куинси на юге от Бостона и успеть туда до десяти часов. Самир понемногу прибавлял и прибавлял скорость, но из границ дозволенного не выходил.

Он даже вообразить не мог, что через несколько минут его муковоз кого-то раздавит...

21 час 05 минут

Кейт вошла на открытую стоянку и направилась к своей машине. Место номер 66. Подошла и не поверила своим глазам: машины на месте не было! Ее украли!

«Не может этого быть!»

Она приехала сегодня в больницу во второй половине дня и поставила свою старенькую «Мазду», как всегда, на обычное место! Поставила! Кто-кто, а она в этом не сомневалась!

Гнев перехватил горло. Она застыла, соображая, что делать дальше. Да, конечно, позвонить Тарасову и дать ему «зеленый свет» прежде, чем Мэтт выедет из дома. Но суть ее плана заключалась в том, что на место аварии первой придет она. Во что бы то ни стало она должна опередить «Скорую помощь» и полицию. У нее было двойное преимущество, она была врачом и женой пострадавшего. В больницу его должны были везти под ее «присмотром». В больнице сделали бы ангиографию мозга, подтвердили смерть, но она бы позаботилась, чтобы сердце искусственно поддерживали в рабочем состоянии. Уладить проблему с передачей органов не составляло труда. Она сама проверила утром бумажник Мэтью: в нем лежала карта донора органов, официальное согласие на использование всего, что понадобится, при несчастном случае. Три года тому назад она уговорила его оформить эту карту. Еще нужно было согласие родственников. Кейт прекрасно знала, что руководство больницы обратится за согласием именно к ней. Родители Мэтью жили во Флориде, и отношения с сыном у них были весьма прохладные. В Бостоне, кроме нее, у Мэтью родственников не было.

Чтобы план Кейт сработал, все должно было происходить очень быстро. Как только дадут разрешение на использование сердца, лаборатория незамедлительно приступит к проведению анализов и изучению всех его характеристик. После того как характеристика будет составлена, начнут рассматривать потенциальные кандидатуры больных: кому может подойти это сердце.

Ник находится в срочном списке — «красном», как его называют.

Вот уже два месяца Кейт самым тщательным образом планировала все операции. Сама оперировать Ника она не могла, поэтому на эту решающую ночь поставила другого, очень опытного кардиохирурга.

Годы, месяцы, дни она жила по заранее намеченному плану...

Но вот кражи машины предусмотреть не могла.

«Только не терять спокойствия!»

Она не могла предположить, что возникнет такого рода препятствие, но во что бы то ни стало должна была сохранять хладнокровие. Как будто играла в шахматы. Она вспомнила правило Тартаковера, их главного шефа: «Тактика — это знание того, что нужно сделать, когда есть возможность что-то делать. Стратегия — это понимание, как действовать в практически безвыходной ситуации».

Кейт бегом побежала на пост охраны и сообщила о том, что у нее украли машину.

— Это невозможно, мэм. Я дежурю с двенадцати часов дня. Прекрасно знаю вашу машину и могу поручиться, что она не выезжала за пределы больничной автостоянки.

— Но вы видите, что машины нет!

— Значит, вы припарковали ее в другом месте! Это случается чуть ли не каждый день! На прошлой неделе доктор Стерн уверял нас, что у него украли его «Порше», но оказалось — он забыл, что приехал на работу на такси.

— Но послушайте, я же не сумасшедшая!

— Разве я на это намекаю, доктор?! Сейчас посмотрю, что делается у нас на нижних этажах, мэм, — и охранник подошел к камере слежения.

«Только этого не хватало!»

Кейт повернулась, чтобы уйти, но тут охранник ее окликнул.

— Вот же она, ваша «Мазда», мэм. Третий уровень, место сто двадцать пять! — торжествующе сообщил он, указывая на экран с широчайшей улыбкой, которая без обиняков говорила: «Ох, уж эти врачи! Все немного *того!*»

Кейт не стала дожидаться лифта и побежала по лестнице вниз на подземную стоянку.

Идиот охранник оказался прав, «Мазда» стояла на третьем этаже.

Но как это могло произойти? Она точно припарковала свою машину на открытой стоянке. Внизу она не была ни разу в жизни! Ее машину кто-то перегнал. Но зачем? Может, и ключи, которые она потеряла в начале недели, имеют к этому отношение? Вопросы замелькали в голове Кейт, но она отмела их. Сейчас не до вопросов.

Взглянула на мобильник: «нет доступа к Сети». Естественно, она же под землей.

Кейт села в машину, включила зажигание и выехала из подземной автостоянки. Подъезжая к воротам, набрала номер, прежде чем выехать на дорогу. Позвонила Олегу Тарасову и дала отмашку.

А когда выезжала, заметила в зеркальце муковоз, который выехал из-за угла и двигался ей наперерез.

Бывшая промышленная зона Виндхам

21 час 08 минут

В холодильной камере было темным-темно.

Ромуальд достал из коробки еще одну спичку и зажег ее. Спички ему удалось украсть у киллера, они лежали на столе возле пачки табака. Паренек наивно полагал, что они ему могут пригодиться. Но что можно было поджечь в ледяном холодильнике? Деревянные поддоны, сваленные в углу, были слишком влажными, чтобы загореться.

Деревянная палочка вспыхнула, затрепетала маленьким огоньком и погасла.

И снова крошечная тьма.

Холод пронизывал подростка до костей, лицо онемело, боль сковывала нос и уши. А руки? Ноги? Они тоже застыли и болели. Холод проникал всюду. Казалось, что даже в мозг. Невидимый враг, борьба с которым невозможна.

Сердце Ромуальда, бывшее поначалу так лихорадочно, понемногу замедлялось. Он чувствовал, что силы оставляют его. Что он становится все слабее и слабее. Чтобы не заснуть летаргическим сном, он поставил себе целью зажигать каждые десять минут спичку и сосредоточился на новом ритуале.

Пытался растереть костенеющие руки и ноги. Из уроков биологии он запомнил, что организм, борясь с излишним охлаждением, посылает всю кровь к главным органам — сердцу и мозгу.

Мысли у него в голове мешались, похоже, он терял сознание. Он чувствовал, что уже не способен открыть рот, заговорить... Движения давались все с большим трудом... С каждой секундой ему все труднее становилось дышать, даже откашляться сил не было. Теперь уже каждый вдох давался парнишке с усилием.

Ни в каком кошмаре он представить себе не мог, что холод бывает таким безжалостным. Каскадер был прав: самое страшное, когда знаешь, что некому прийти к тебе на помощь. Знать, что вот-вот умрешь, один, в темноте, чувствуя мучительную боль от сковывающего тебя холода.

Бостон, Бэкон-Хилл

21 час 9 минут

Едва успев нажать на отбой, Олег Тарасов увидел, как Мэтью Шапиро спускается с крыльца по ступенькам лестницы. Русский натянул шлем, перчатки, не выпуская из поля зрения молодого преподавателя. Он зорко следил за ним: вот парень оседлал мотоцикл. Олег не мог не отдать должное модели. Надо же, сияющий хромом «Триумф Тайгер» конца 50-х в безупречном состоянии, с круглой фарой и низким седлом.

Он дал возможность Шапиро отъехать и нажал на газ своего «Харлей-Дэвидсона», собираясь ехать за Мэтью следом.

21 час 11 минут

Спеша забрать Кейт, Мэтью мчался по городу на предельной скорости. Квартал он знал как свои пять пальцев, маршрут тоже, ведь ездил не одну сотню раз. Чарльз-стрит, Бэкон-стрит, Эрлингтон-стрит... Несмотря на мелкий дождь со снегом, его старый мотоцикл не скользил и прекрасно слушался хозяина. Мэтью еще прибавил скорости, выехав на Коламбус, мощную артерию, напрямую соединяющую центр с Соут-Эндром, Роксбери и восточной частью квартала Джамайка Плэйн. Было совсем не поздно, но город уже опустел. Нарядные гирлянды светились на офисах и магазинах. Серебряные ангелы парили на фонарях. Куда ни взгляни — везде сверкали звезды. Фосфоресцирующие шары отбрасывали блики сквозь ветви деревьев. Казалось, ты попал в волшебную сказку будущего.

Ближе к окраинам яркого света и гирлянд становилось все меньше. Мэтью, проезжая через перекресток поблизости от вокзала на Джексон-сквер, почувствовал, что мотоцикл завихлял. Он без труда его выправил, обогнул вокзал и выехал на «карниз» — бетонную автостраду между Роп-стрит и Колонн-авеню, той самой улицей, на которой находилась больница Кейт. Вообще-то он не имел права так сокращать себе дорогу, для мотоциклов автострада была запрещена. Но Мэтью ни разу в жизни не видел здесь полицейских и всегда ездил очень осторожно, зная, до чего тут неровное покрытие. Приготовившись к крутому повороту, он вдруг заметил в зеркальце еще одного мотоциклиста, который следовал за ним на огромном «Харлее» что-то уж слишком близко.

Свет фары ослепил Мэтью.

«Не до гонок сейчас, парень!» — подумал он, сбавил скорость и подался вправо, позволяя «Харлею» обойти себя. Мотоциклист пошел на обгон, но в последний миг резко сбавил скорость. Переднее колесо «Харлея» задело заднее колесо «Триумфа», и «Триумф» потерял равновесие. Не ожидавший толчка, Мэтью не сумел выровнять мотоцикл.

Действуя на автомате, Мэтью повернул руль, заблокировал переднее колесо, останавливая мотоцикл, тот заскользил на мокром асфальте и застрял между металлических прутьев решетки. Мэтью вылетел из седла и покатился по мостовой, стукаясь шлемом. Остановился он, только когда зацепился ногой за столб. Он не сразу сообразил, что с ним произошло. Попытался встать, но взвыл от боли. Правая нога, скорее всего, была сломана. Мэтью оперся о столб, приподнялся и стащил с

себя шлем. Лицо обожгло ветром. И тут Мэтью увидел, что мотоциклист бежит к нему, держа в руках бейсбольную биту. Вот он уже наклонился над ним, собираясь перебить шейные позвонки...

«Гарпун Тайзера» впился в затылок русского, ударив его электрическим зарядом и пригвоздив к месту. Каскадер повалился сразу, как будто сраженный ударом молнии.

Эмма в черных легинсах и кожаной куртке воспользовалась неподвижностью агрессора и разоружила его.

— Вы в порядке? — спросила она Мэтью, наклонившись к нему.

Он поднял глаза на женщину, которая появилась неведомо откуда, чтобы спасти ему жизнь... Лицо ее закрывал вязаный шлем.

— Что это такое было? — спросил он.

— Ваша жена задумала вас убить! — крикнула Эмма.

— Бред какой-то! Что за чушь! Кто вы такая?

Эмма не успела ответить.

Свет двух фар разрезал темноту. «Мазда» Кейт затормозила рядом с «Харлей-Дэвидсоном». Кейт вышла из машины и оценивающим взглядом окинула лежащих на асфальте мужчин.

Все выходило не так, как было задумано.

— Кейт! Милая! — позвал ее Мэтью.

Она даже не взглянула на мужа. Ее интересовало другое: кто эта женщина с ухватками женщины-кошки, которая посмела нарушить ее планы?!

«Проблемы решаются последовательно».

Кейт наклонилась к Тарасову и заметила гарпун, вонзившийся ему в затылок. Так. Значит, нервная система парализована. Киллер будет валяться на асфальте и придет в себя еще не скоро. Порывшись во внутреннем кармане куртки Олега, она нашла то, что искала: заряженный «глок 17». Выхватив его, она стала стрелять в сторону Эммы, желая напугать ее и заставить покинуть поле боя. Затем, зажав пистолет крепче, она вытянула руку на всю длину и направила оружие в сторону мужа.

«Я могу еще спасти Ника. Одна пуля в голову Мэтью, и можно воспользоваться его сердцем».

— Кейт, что ты задумала, дорогая?! Ты что, собираешься...

— Молчи! — резко прикрикнула она. — Я тебе не «дорогая»! Ты не знаешь меня! Ты вообще не знаешь НИЧЕГО!

«Я готова сгнить в тюрьме, лишь бы Ник остался жив...»

Как же изменилось лицо красавицы Кейт! Где доброта? Живые краски? Бесстрастная фарфоровая маска вместо родного лица, и только глаза полыхают яростным огнем. Как робот, она продолжает приближаться к мужу, наставив на него пистолет.

— Я бы охотно тебе кое-что объяснила, Мэтт, но ты меня не поймешь.

Эмма сжалась в комочек на противоположной стороне дороги. Прищурившись, она заметила, что каскадер тщетно старается принять вертикальное положение. И еще заметила револьвер, привязанный к щиколотке Тарасова. Решение пришло мгновенно. Она подползла к лежащему и вытащила из кобуры «смит-вессон 36». Крепко взяла его в руки и вытянула их, держа под прицелом Кейт.

«Не до вопросов!»

Дуло «глока» смотрело в лоб Мэтью, дуло «смит-вессона» — в грудь Кейт. Обе женщины приготовились выстрелить.

Эмма молилась, чтобы рука у нее не дрогнула.

Она выстрелила первой.

Пуля попала Кейт в грудь, и она упала на спину. Ударилась о столб и покатилась вниз по склону в кювет.

Наступившая после выстрела тишина оглушала.

Отдача повалила Эмму на землю, и она лежала, не в силах подняться, чувствуя, что ее колотит дрожь, что у нее пропал голос.

Олег Тарасов с трудом поднялся на ноги и сообразил, что самое лучшее для него — это смыться. Не ища шлема, он взгромоздился на «Харлей», надавил на газ и исчез в направлении, противоположном тому, откуда прибыл.

Через пятьсот метров на перекрестке муковоз Самира Нарахима сбил его на полном ходу.

Эмма понемногу пришла в себя. Она видела Мэтью, он лежал в нескольких метрах от нее, в полубессознательном состоянии, но живой...

«Ромуальд!»

Эмма вскочила и побежала к машине Кейт. На месте, откуда только что уехал «Харлей», она заметила навигатор, ненадежно прикрепленный присоской к рулю, — вот почему убийца потерял его. Она подобрала навигатор и села в машину Кейт.

В машине сняла с себя вязаный шлем и занялась навигатором. Как она и предполагала, он сохранил несколько предыдущих маршрутов, какими следовал киллер. Эмма включила зажигание и на полной скорости покинула «карниз».

Бостон был пустынен. Она выехала на автостраду и помчалась, не соблюдая никаких правил движения и безопасности, не думая ни о патрулях, ни о риске.

«Ромуальд! Только бы с ним ничего не случилось!»

Примерно с полчаса она мчалась по автостраде, а потом по подсказке навигатора свернула в сторону Виндхама, на границе Массачусетса и Нью-Гэмпшира. Она слушалась навигатора, сворачивала на боковые дороги и наконец уткнулась в ограду

заброшенной промзоны.

«И что дальше?»

Эмма посмотрела на экран навигатора. Цель была совсем близко, но проехать к ней на машине было невозможно. Она оставила фары зажженными и вылезла из машины. Темнота. Вокруг крошечная темнота. Различить она могла только ограду, которая возвышалась перед ней. Эмма решила перелезть через нее. И когда перебиралась на другую сторону, пропорола себе грудь.

От боли чуть не закричала. Хлынула кровь, расплзаясь пятном на свитере, но жалеть себя не было времени. Эмма свалилась на землю по другую сторону, поднялась и стала забираться на насыпь, чтобы хоть как-то рассмотреть призрачный город, в который она попала. Корпуса заводов, пустые склады тянулись насколько хватало глаз. Место пугало какой-то потусторонностью. Его словно бы приготовили для фильма ужасов. Несколько ржавых вагонов застряли на рельсах. Ветер гроыхал железными листами. Металлические конструкции, торчащие там и здесь, словно бы собирались развалиться. Долина призраков, захватившая пять или шесть гектаров.

Как отыскать Ромуальда в лабиринте металлических развалин?

— Ромуальд! Ромуальд! — звала Эмма, и ветер со снегом уносил его имя в пустоту.

Она пыталась отыскать хоть какой-то указатель, какую-то деталь, которая могла бы ей помочь... Но что можно был разглядеть в этих потемках?

Стирая с лица мокрый снег, Эмма светила себе телефоном, как фонариком. Задыхаясь, она двигалась против ветра на другой конец промзоны. Она не сомневалась, что Тарасов должен был поставить свою машину как можно дальше от дороги, в самое укромное место. Неприятный скрипучий звук напугал ее, и она остановилась. Посветила себе под ноги и немного успокоилась — у нее под ногами скрипел на дорожке гравий.

Дорожка вела к огромному барaku.

Эмма подошла к нему поближе и осветила проржавевшую вывеску:

РАЙОННАЯ БОЙНЯ,
ОКРУГ ХИЛЛСБОРО

Она двинулась дальше, к главному зданию, заметив на земле следы шин, которые уже начал затягивать снег. Сердце забилося в груди как сумасшедшее. Здесь точно кто-то был совсем недавно.

Эмма изо всех сил толкнула здоровенную дверь, которая вела в помещение, и снова закрыла ее за собой, чтобы избавиться от ветра.

— Ромуальд!

Вокруг было жутко и темно, но тихонько ворчали трубы отопления и кондиционер.

Эмма нащупала выключатель, и слабый желтоватый свет озарил просторное, почти пустое помещение с темными бетонными стенами.

В стороне она увидела вишневый пикап каскадера.

Подошла к машине и заглянула внутрь.

«Никого».

Как она пожалела, что не прихватила с собой маленький револьвер киллера.

— Ромуальд!

В конце помещения был виден коридор, куда выходили железные двери. Эмма заглянула в первую. Пусто. Остальные оказались запертыми. В отчаянии она прикрыла глаза. Но тут же взяла себя в руки.

Уходя, киллер все выключил. Нет, не все...

Едва слышное дребезжание. Она приняла его поначалу за «ворчанье» отопления или кондиционера.

Теперь она старалась определить, откуда идет этот шум. Характерный гул шел от холодильной камеры. Эмма принялась колотить в металлическую стену.

— Ромуальд!

«Нет! Такого не может быть! Только не это!..»

— Ромуальд! Это я, Эмма! Ты меня слышишь?

Она попыталась открыть дверь, но дверь не открывалась. Она посмотрела вниз и увидела на двери что-то вроде металлической ручки. Взялась за нее, повернула, и дверь холодильника открылась.

На нее сразу повеяло могильным холодом, но она отважно ринулась внутрь.

— Ромуальд!

При слабом свете телефона она разглядела отороченный мехом капюшон и куртку Ромуальда.

Эмма кинулась к нему. Подросток лежал без сознания. Напрягая все силы, она выволокла его из смертоносного холода и уложила там, где было потеплее. Нажала кнопку громкой связи, набрала 911 и вызвала «Скорую помощь» к замороженному.

В ожидании, когда придет врач, она пыталась поймать дыхание Ромуальда, найти на его руке пульс, но так нервничала, что никак не могла с этим справиться. Кожа Ромуальда побелела до синевы, он был похож на мертвеца.

«Нет! Ни за что!»

У Эммы не было ничего, чтобы хоть как-то согреть отважного мальчишку. И вдруг она вспомнила, чему их учили на занятиях по гражданской обороне, на которые в «Императоре» были обязаны являться все служащие. Тогда она сочла эти занятия полным идиотизмом. Просто представить себе не могла, что эти глупости ей понадобятся. И вот теперь... Она отчетливо вспомнила, что делала тогда с манекеном. Положила Ромуальда на спину, встала возле него на колени, подняла на груди свитер и положила руки, одну на другую, на сердце. Потом стала нажимать руками на грудную клетку замерзшего, заставляя бежать кровь по жилам.

«И раз, и два, и три! И раз, и два, и три!» — повторяла про себя Эмма.

Она сделала тридцать нажимов, потом дважды вдохнула воздух из своего рта в рот мальчика.

«Не умирай!»

И снова принялась массажировать сердце, стараясь нажимать как можно ритмичнее.

«И раз, и два, и три...»

Нажимая на грудную клетку, Эмма боялась, что сломает что-нибудь несчастному Ромуальду.

«И раз, и два, и три...»

Время остановилось. Эмма ничего не замечала. Она воевала. Как жизнь воюет против смерти.

«Не умирай, Ромуальд, только не умирай!»

ПРОШЕЛ ГОД...

Перезагрузка

Если правда, что мы проживаем лишь часть того, чем обладаем, то какова судьба неиспользованного времени?

Паскаль Мерсье^[38]

Гарвардский университет

Кембридж

19 декабря 2011 года

Амфитеатр переполнен студентами, но в аудитории мертвая тишина.

Стрелки на бронзовом циферблате старинных настенных часов показали два часа сорок пять минут. Лекция по философии молодого преподавателя Мэтью Шапиро близилась к концу.

Звонок освободил студентов. Мэтью сложил свои записи, надел пальто, завязал шарф и вышел на улицу студгородка. На улице он тотчас же закурил сигарету и двинулся к выходу через Ярл.

Парк тонул в мягком осеннем свечении. Вот уже десять дней неожиданное для осени солнце дарило обитателям Новой Англии тепло бабьего лета, особенно отрадное в эту пору.

— Господин Шапиро! Отбейте мяч!

Мэтью повернул голову в сторону, откуда донесся голос. К нему летел футбольный мяч. Он ловко поймал его и отправил обратно к игрокам в квотербэк, которые его окликнули.

Еще несколько шагов, и он, миновав массивные ворота, вышел за ограду студгородка и очутился на Гарвард-сквер.

Он уже двинулся по пешеходной дорожке по направлению к станции метро, как вдруг старенький «Шевроле Камаро Купе» ярко-красного цвета вылетел, фыркая, из-за угла Массачусетс-авеню и Пибоди-стрит. Молодой преподаватель резко отпрянул назад, чтобы не попасть под колеса автомобиля, который со скрежетом затормозил прямо перед ним.

Стекло опустилось, и Мэтью увидел перед собой русую гриву Эйприл Фергюсон, своей соседки. После смерти Кейт он стал сдавать верхний этаж своего дома.

— Хэлло, брюнет-красавчик! Подвезти?

Мотор «Камаро» оглушительно рычал в тихой заводи, где ездили в основном на велосипедах.

— Спасибо, отдаю предпочтение городскому транспорту, — отклонил Мэтью любезное предложение. — Ты гоняешь, будто играешь в «Жажду скорости».

— Да ладно! Брось свои пешеходные замашки! Я вожу отлично, и ты это знаешь!

— Не настаивай. Эмили уже лишилась матери. Я не хочу оставить дочь сиротой в четыре с половиной года.

— Не преувеличивай! Давай влезай скорее, а то я тут все движение перегородила!

Подгоняемый со всех сторон яростными сигналами, Мэтью покорился и со вздохом влез в «Камаро».

Едва он успел застегнуть на себе пояс безопасности, как «Камаро» вопреки всем правилам резко вильнул влево и помчался на бешеной скорости на север.

— Бостон в другую сторону, — успел сообщить Мэтью, схватившись за ручку дверцы.

— Мы на секунду сгоняем в Белмонт. Тут и езды всего ничего. А за Эмили не беспокойся, я попросила няню посидеть еще часок.

— Не предупредив меня? Я же тебе говорил...

Молодая женщина снова нажала на акселератор, и они помчались так, что у Мэтью перехватило дыхание. Олимпийски спокойная Эйприл снисходительно посмотрела на него и протянула картонную папку.

— У меня, кажется, появился покупатель на эстамп Утамаро, — объявила она. — Усек?

«Шевроле» выехал из студенческого квартала и покатил по скоростной дороге вдоль Фреш Понда, самого большого озера в Кембридже, а потом дальше в Белмонт, небольшой жилой городок западнее Бостона. Эйприл ввела адрес в навигатор и стала следовать указаниям гида, который привел их в очень богатый и очень уютный квартал. Окруженная деревьями школа, за ней площадка для игр, парк, спортивный комплекс. Неподалеку даже стояла тележка с мороженым, которую продавец привез сюда, словно бы из 50-х. Пренебрегая правилами дорожного движения, «Камаро» обогнал школьный автобус и остановился на тихой, застроенной небольшими особняками улочке.

— Ты со мной? — спросила Эйприл, забирая у Мэтью папку.

Мэтью отрицательно покачал головой.

— Лучше подожду тебя в машине.

— Я задерживаться не собираюсь, — пообещала Эйприл, смотрясь в зеркало заднего вида и подкрашивая губы, достав помаду из сумочки.

— А не слишком ли вызывающе? — подначил приятельницу Мэтью.

«Я совсем не плохая, меня так нарисовали», — промурлыкала она в ответ голосом Джессики Рэббит из фильма «Кто

подставил кролика Роджера».

И наконец-то выпрямив свои длинные ноги в легинсах, зашагала к дверям самого большого коттеджа на этой улице.

Мэтью перевел взгляд на другую сторону дороги. Мамочка с двумя малышами украшали сад перед домом, готовясь к Рождеству. Да, действительно, до Нового года осталось немногим больше недели, и при мысли об этом он ощутил состояние, близкое к панике. Близилась годовщина смерти Кейт: ужасный день 24 декабря, превративший в 2010 году его жизнь в тоску и мученье.

С тех пор как погибла его жена, он жил в непрекращающемся кошмаре. А как могло быть иначе, если вдруг выяснилось, что любимая женщина, которая делила с тобой жизнь на протяжении четырех лет, мать твоего ребенка, вышла за тебя замуж с единственной целью — убить тебя? Убить ради того, чтобы пересадить твое сердце и спасти своего любовника? Как можно спокойно жить после этого? Встречаться с людьми и доверять им? Представить себе, что с тобой рядом снова может быть женщина?

Мэтью вздохнул. Только маленькая дочка помогала ему не сойти с ума, не покончить с собой. После смерти Ника Хорька черный замысел супруги Мэтью стал известен широкой общественности, он сражался, как лев, чтобы оградить маленькую Эмили от жадного любопытства журналистов. Бывали непереносимые дни, когда журналисты не хотели оставить его в покое ни на минуту. Издатели предлагали бешеные деньги за книгу с его историей. Голливуд хотел сделать о его трагедии фильм. Желая покончить со всей этой шумихой, Мэтью стал всерьез подумывать о том, чтобы расстаться с Массачусетсом. Но он был так привязан к Бостону, к своему дому, к ученикам...

Хорошо, что вот уже несколько недель как газетная шумиха пошла на спад. Но что поделаешь с внутренним состоянием? Угнетенность, тоска. Хорошо, что с течением времени он перестал быть одиозной, печально известной фигурой.

Ему даже показалось, что он начал оживать, радоваться обычным житейским мелочам: прогулке с Эмили в солнечный денек, футбольному матчу со своими студентами, удачной шутке Эйприл.

Но минуты покоя были такими короткими. Боль подстерегала его, готовая каждую секунду схватить за горло, задавая все те же вопросы, на какие не было ответа. Как можно смириться с тем, что самые счастливые годы твоей жизни были ширмой, притворством, маскарадом? Как можно обрести уверенность в себе после того, как тебя так обманули? Как найти слова, чтобы объяснить случившееся Эмили?

На лбу Мэтью выступил холодный пот, сердце в груди колотилось как сумасшедшее. Он опустил стекло, нащупал в кармане джинсов успокоительное и положил таблетку под язык. Лекарство медленно таяло, химия действовала. Пройдет несколько минут, и сердцебиение выровняется. Чтобы окончательно успокоиться, ему нужна была сигарета. Он вышел из машины, запер дверь, сделал несколько шагов по тротуару, закурил и глубоко затянулся табачным дымом.

Прикрыв глаза, подставив лицо осеннему ветерку, Мэтью наслаждался сигаретой. Отличная погода. Сквозь ветви светило солнышко. Несколько минут он так и стоял неподвижно, потом открыл глаза. В конце улицы возле одного из коттеджей собралась небольшая толпа, и он двинулся туда. Ему стало любопытно, что там такое. Коттедж типичный для Новой Англии: большой дом, обшитый деревянными досками, с высокой, будто на кафедральном соборе, крышей и множеством окон.

Перед домом на лужайке хозяева устроили что-то вроде распродажи. Мэтью замешался в толпу зевак, что сгрудились на лужайке. Распродажей руководила миловидная молодая женщина с темными волосами, с добрым улыбчивым лицом. Рядом с ней сидел песочного цвета шарпей и грыз латексную кость.

Среди навала самых разных вещей Мэтью заметил пятнадцатидюймовый MacBook Pro. Не самая последняя версия этой модели, скорее всего, предыдущая или даже чуть раньше.

Мэтью подошел, взял ноутбук в руки и стал рассматривать со всех сторон. На алюминиевом корпусе красовалась виниловая самоклеящаяся картинка: Ева, похожая на красавиц Тима Бёртона, изысканная, сексуальная, и в руках у нее яблоко, напоминающее логотип знаменитой фирмы «Apple». Внизу под картинкой можно разобрать подпись «Эмма Л.», вот только непонятно, то ли это подпись художницы, которая ее нарисовала, то ли автограф бывшей владелицы ноута.

«А почему бы и нет?» — подумал Мэтью, еще раз взглянув на фирму. Его старенький Powerbook отдал богу душу в конце лета. Конечно, дома у него стоял персональный компьютер, но без ноутбука тоже не обойтись. Хотя вот уже три месяца он этот расход откладывал на потом.

Ноутбук оценили в четыреста долларов, и Мэтью счел эту цену разумной.

Он подошел к молодой женщине, занимавшейся распродажей, и показал ей ноутбук.

— Он ведь в рабочем состоянии, не так ли?

— Конечно. Это мой старый компьютер, но у него сменили жесткий диск и операционную систему, так что он теперь как новенький.

— Понятно, но я не уверен... — начал Мэтью.

— Нет, вы уверены, что я хочу вас обмануть, — с улыбкой поддела его молодая женщина.

Мэтью невольно ответил ей улыбкой. А она протянула ему свою визитную карточку.

— Давайте сделаем так, — предложила она, — если на протяжении полугода у вас возникнут какие-то проблемы с ноутбуком, я обязуюсь их исправлять. Мой лучший друг настоящий ас по части компьютеров.

Мэтью взглянул на лоснящийся прямоугольник бристольского картона.

Эмма Ловенстайн

Главный сомелье

«Император»

30, Рокфеллер Плаза, Нью-Йорк, Н-Й 10020

— Вы работаете в ресторане «Император»?

— Да. Вы там бывали?

— В другой жизни, — буркнул он, прогоняя воспоминание, которое возвращало его к супружеской жизни с Кейт.

Шарпей потерся о ногу Мэтью, приветливо поскуливая.

— Его зовут Хлодвиг, и, похоже, вы ему очень понравились, — обрадованно сообщила Эмма.

Мэтью потрепал Хлодвига по голове. Солнце золотило листву на деревьях.

— Моя дочка мечтает о такой собачке, как ваша, — сказал он с улыбкой.

— А сколько вашей дочке?

— Четыре с половиной.

Эмма понимающе покивала.

— А у вас есть дети? — поинтересовался Мэтью.

— Еще нет.

Мэтью почувствовал, что забрел на слишком интимную территорию, и тут же сменил тему:

— Так, значит, вы живете в Нью-Йорке...

— И вернусь туда через несколько часов, — прибавила она, взглянув на часы. — Я приехала помочь брату, но ни за что не опоздаю на самолет.

Мэтью еще несколько секунд постоял в раздумье, но потом все-таки решился.

— Хорошо, я его беру, — сказал он, показывая на ноутбук.

Достал бумажник и обнаружил, что у него всего-навсего триста долларов. В смущении он не знал, что ему делать, но молодая женщина сама пришла ему на помощь.

— Ничего страшного, я отдам вам его за триста, — сказала она.

— Это так любезно с вашей стороны, — продолжая смущаться, отозвался Мэтью и протянул ей деньги.

Тут он увидел у входа Эйприл и помахал ей. Эмма протянула ему картонную коробку, куда успела уложить ноутбук.

— Значит, я без стеснения звоню вам, если ноутбук не будет работать, — заключил Мэтью, помахивая визитной карточкой.

— Если вам захочется позвонить мне просто так, то не обязательно ждать, чтобы ноутбук сломался, — отважилась сообщить ему с улыбкой Эмма.

Мэтью тоже улыбнулся, постаравшись скрыть свое удивление. Простился и догнал Эйприл.

Подойдя к машине, он настоял, что поведет сам. И они вернулись в Бостон, потеряв немало времени в пробках. Всю долгую обратную дорогу Мэтью думал об Эмме Ловенстайн.

Бостон

Квартал Бэкон-Хилл

Восемь часов вечера

Мэтью потеплее укутал Эмили, погасил свет, оставив включенным тусклый ночничок над кроватью, поцеловал и, перед тем как закрыть в ее комнату дверь, пообещал, что Эйприл придет пожелать ей спокойной ночи.

Потом спустился по лестнице в гостиную, освещенную мягким неярким светом. Подошел к окну и залюбовался на миг яркими цепочками гирлянд, которыми украсили решетку парка. Отошел от окна и отправился на кухню. Достал из холодильника упаковку светлого пива, откупорил бутылку и собрался принять еще одну таблетку анаксиолитика.

— Эй, красавчик, поосторожнее с такими смесями, они тебе могут сильно навредить, — окликнула его Эйприл, спускаясь по лестнице.

Она собиралась провести вечер с друзьями и была, как всегда, ослепительна: на умопомрачительных каблуках в эксцентричном шикарном наряде.

Свои роскошные волосы она подобрала в шиньон, на лицо наложила тон с перламутровым отливом, благодаря которому особенно выразительно смотрелись ее кроваво-красные губы.

— Ты не хочешь пойти со мной? Я иду в «Выстрел», новый паб, неподалеку от набережной. Там подают такую свиную голову, что убиться можно! А мохито! Просто слов нет! К тому же там сейчас ужинают самые красивые девушки нашего города!

— А Эмили? Я оставлю одну четырехлетнюю малышку, чтобы пить мохито с лесбиянками и сатанистками?

Всерьез огорченная Эйприл поправила широкий браслет с пурпуровыми арабесками.

— Да будет тебе известно, «Выстрел» вовсе не бар для лесбиянок, — нервно возразила она и настойчиво прибавила: — Мэтт, я говорю тебе совершенно серьезно, тебе нужно выходить, видеть людей, постараться снова нравиться женщинам, заниматься любовью...

— Мне? Влюбиться? Как ты себе это представляешь? Моя жена...

— Я прекрасно понимаю, как тебя травмировала история с Кейт. Но ты можешь справиться с этим испытанием, Мэтт! Сделай только шаг! Постарайся! Встряхнись! Дай себе шанс снова почувствовать вкус к жизни!

— Я еще не готов к этому, — признался он.

— Хорошо, я не настаиваю, — отступила Эйприл, застегнула пиджак и вышла за дверь.

Оставшись в одиночестве, Мэтью достал из морозилки покрытую изморозью картонную коробку, извлек из нее пиццу, сунул в микроволновку, включил таймер и устроился на любимом диване. Он ни в ком не нуждался. Ему хотелось быть одному. Он не искал ни понимания, ни утешения. Хотел лелеять свою боль, свое горе с верными анаксиолитиками и любимым пивом «Корона».

Мэтью прикрыл глаза, и перед ним с удивительной отчетливостью возникла молодая женщина, которую он видел на распродаже. Пышные волнистые волосы, смеющийся взгляд, милые веснушки, лукавая улыбка, задорный голос. Что она ему сказала?

«Если вам захочется позвонить мне просто так, то не обязательно ждать, чтобы ноутбук сломался».

И Мэтью вдруг понял, что ему очень хочется снова увидеть эту молодую женщину.

Он поднялся с дивана и отправился к деревянной стойке на кухне, где оставил бумажник с визитной карточкой.

«Эмма Ловенстайн... А что, если позвонить ей прямо сейчас и пригласить ее в ресторан?»

Мэтью на секунду застыл в нерешительности. Она, должно быть, сейчас в самолете, летит в Нью-Йорк... Но ей можно отправить сообщение...

Мэтью стал набирать первые цифры телефона на мобильнике и внезапно остановился. Руки у него дрожали.

«Зачем? Зачем я это делаю?!» — спросил он себя. Не надо тестить себя иллюзиями. Он больше ни во что не верил. Не верил в близость, в согласие, взаимопонимание... Приступ гнева перехватил ему горло.

Четыре года...

Четыре года он прожил с совершенно чужим человеком, с женщиной-преступницей, которая манипулировала им, как куклой.

За час до того, как она планировала его убийство, он выбирал для нее ее любимые блюда! И дело не в том, что он оказался жертвой Кейт. Дело в том, что он лопух, жалкий наивняк, который нарывается на обманы, позволяет обводить себя вокруг пальца! Он заслужил то, что с ним произошло. Заслужил и должен нести свой крест до самой смерти!

В ярости Мэтью метнул мобильник в стену, проглотил таблетки, запил пивом и снова растянулся на диване.

Нью-Йорк

На следующий день

21 декабря 2011

— Эй!

Эмма сидела на скамейке в Вашингтон Сквер Парк и махала Ромуальду. Тот заметил ее, подошел, поздоровался и протянул сверток в коричневой бумаге.

— Я зашел к «Мамоунс» и купил фалафели. Попробуйте, ужас до чего вкусно!

Ромуальд уселся рядом с Эммой на скамейку, и они развернули свои пакеты.

Прошел всего год, а Ромуальда не узнать. Маленький тощий француз превратился в красивого элегантного юношу, поступил в Нью-Йоркский университет. Теперь он студент первого курса. После невероятных приключений, которые они с Эммой пережили, они очень подружились и виделись теперь чуть ли не каждый день. Эмма помогла Ромуальду найти себе квартиру в Манхэттене и внимательно следила за его успехами в учебе.

— Ты продолжаешь думать о своей профориентации? — спросила она, откусывая кусок питы. — Твои позавчерашние слова, я думаю, шутка?

— Ничего не шутка. Я хочу стать психиатром. Или полицейским.

— Ты?!

— Ну да. Теперь я точно знаю, что люди куда любопытнее компьютера. Они влюбляются, мстят, ненавидят...

Эмма понимающе посмотрела на него и улыбнулась.

— Твои фалафели объединение, — одобрила она с полным ртом.

— А я думал, ты принесешь вина, — пошутил он. — С бокальчиком бургундского было бы совсем убойно!

Эмма ему заговорщицки подмигнула, а он продолжал:

— Ладно, оставим. Хватит меня мариновать, скажи, наконец, как ты слетала в Бостон?

— Не совсем так, как я предполагала, — нахмурилась молодая женщина.

— Ты увиделась с Мэтью?

— Да. Он пришел на распродажу и даже купил мой старый компьютер. Я была очень растрогана. Это было так странно снова увидеть его после всего, что произошло.

— Так. И вы поговорили?

— Всего несколько слов.

— Он тебя узнал?

— Нет, и это к лучшему. Прошел целый год, он видел меня всего несколько минут, и на мне был шерстяной шлем.

— Ты оставила ему свои координаты?

— Оставила, но он мне не позвонил.

— Позвонит, — пообещал Ромуальд.

— Не думаю, — отозвалась Эмма. — Может, это и к лучшему.

— Но почему не рассказать ему правду?

— Ты же прекрасно понимаешь, что это невозможно. Во-первых, потому, что правда совершенно невероятна, а во-вторых...

— Что?

— Ты смог бы влюбиться в женщину, которая убила мать твоего ребенка?

— Ты спасла ему жизнь, Эмма!

Молодая женщина передернула плечами и отвернулась. Она не хотела, чтобы Ромуальд заметил блеснувшие на ее глазах слезы.

Но уже в следующую секунду она справилась с эмоциями. И стала расспрашивать, как продвигаются любовные дела Ромуальда. У него все шло неплохо: он успешно продолжал завоевывать внимание Эрики Стюарт, студентки филологического факультета из Гарварда, которая была на три года его старше. Они встретились на воскресном рынке в Унион Сквер месяц тому назад, и Ромуальд смертельно в нее влюбился. Поначалу девушка не обращала на него ни малейшего внимания: она и представить себе не могла, что будет встречаться с парнем младше себя. Ромуальду удалось узнать ее адрес, и по совету Эммы он стал писать ей по письму в день. Настоящему письму, написанному настоящей ручкой на хорошей бумаге. Искусство эпистолярного обольщения не было сильной стороной Ромуальда, и Эмма, второй Сирано де Бержерак, частенько брала в руки перо вместо него. Такая старомодная попытка завоевания девичьего сердца стала приносить свои плоды. Теперь Эрика не только стала отвечать на письма Ромуальда, но и приняла его приглашение пообедать в «Императоре» в будущую субботу.

— А ты в курсе, что люди по три месяца ждут, чтобы пообедать у нас в ресторане? — совершенно серьезно осведомилась у приятеля Эмма.

— Конечно, в курсе, — кивнул он с вытянутым лицом, — но я думал, что...

— Разумеется. Я помогу тебе со столиком! Будет самый лучший, у окна с видом на Эмпайр-стейт-билдинг!

Ромуальд горячо поблагодарил Эмму, и она отправилась провожать его пешком до университета.

Мэтью кончил пробежку в полном изнеможении. Он бегал чуть ли не час по набережной реки Чарльз до зданий Массачусетского технологического института и обратно до публичного парка.

Посидел немного, сгорбившись, положив руки на колени, восстановил дыхание и двинулся не спеша по дорожкам главного городского парка.

Но ноги как-то странно подводило, голова кружилась, сердце никак не успокаивалось. Что же это с ним такое делается?

Дурацкое самочувствие — вовсе не результат пробежки. Сегодня утром, как только он встал, он чувствовал что-то необычное. Что-то давнее, забытое кружило ему голову. Давний забытый хмель. Что бы он ни делал, куда бы ни шел, из головы не выходила Эмма Ловенстайн. От нее не убежать. Не спрятаться. Ее присутствие превращало его совсем в другого человека. Свободного от груза прошлого. Способного смотреть в будущее. Да, это было так. Мэтью это понял.

Он уселся на скамейку, посмотрел на стальную синеву неба, на играющие на воде солнечные блики и подставил лицо мягкому ветру.

Вокруг играли и бегали маленькие детишки.

Жизнь снова кипела вокруг.

Попрошавшись с Ромуальдом, Эмма взяла такси и поехала на работу. Первую половину дня она провела, обсуждая с коллегами, какие вина нужно заказать для своих клиентов для банкетов праздничной новогодней ночи.

В три часа дня мобильник завибрировал у нее в кармане. Она исподтишка взглянула на экран.

От кого: Мэтью Шапиро

Кому: Эмма Ловенстайн

Тема: Без утаек

«Дорогая Эмма,

я посылаю вам письмо с помощью вашего компьютера. Он работает превосходно. Ища повод позвонить вам, я собирался как-нибудь испортить „железяку“, но отказался от уловок, предпочтя откровенность. У меня к вам предложение.

Я знаю маленький итальянский ресторанчик в Ист-Энде — „Номер 5“ — южнее Томпкинс-сквер-парк. Содержат его Витторио Бартолетти и его жена, мои друзья детства. Я ужинаю у них всякий раз, когда бываю в Нью-Йорке.

Не знаю, какой у них выбор вин и придется ли он по вкусу опытному сомелье, но, если вы любите аранчини по-болонски, лазанью, тальятелле с овощами и конолли по-сицилийски, то этот ресторанчик вам понравится.

Не согласитесь ли вы там со мной поужинать? Сегодня. В восемь часов.

Мэтт».

Сердце Эммы чуть не выпрыгнуло из груди. Она ответила, не медля ни секунды.

От кого: Эмма Ловенстайн

Кому: Мэтью Шапиро

«Буду очень рада, Мэтью!

Значит, до вечера!

P.S. Я обожаю лазанью и аранчини. А еще тирамису!»

И еще один телефонный звонок.

— Алло, клоп?

— Я все понял, Эмма, — зашептал Ромуальд.

— Мне нужна твоя помощь. Свяжись с сайтом Акахико Имамуры.

— Парикмахера? Опять?

— Да. Я должна быть у него через два часа.

— Но я же принял решение: исправиться, сидеть тихо и больше никогда не хакерствовать!

— Ах, так? Тогда можешь попрощаться со столиком в «Императоре» и ужином с Эрикой.

Охваченная счастливым возбуждением, Эмма вышла на Рокфеллер Плаза и поспешила по Пятой авеню в магазин «Бергдорф Гудман».

Она казалась себе актрисой, с которой снимают еще один дубль. Но на этот раз она надеялась изменить конец фильма. Не обращая внимания на продавщиц, она спешила между секций огромного нью-йоркского магазина. Даже если мода немного изменилась за этот год, она все равно найдет то, что ищет: накидку из парчи. Шелковистую, с чудесными золотыми и серебряными разводами. И пару замечательных лодочек на головокружительных каблуках, меняющих цвет, будто кожа змеи, отливая то серым, то сиреневым.

Покупки не заняли у нее много времени, и в салон Акахико Имамуры Эмма отправилась пешком. Спустя два часа у нее была точно та же самая прическа, что и год тому назад: приподнятые на затылке волосы струились каскадом. Изысканная неожиданная прическа придавала ее лицу нежное сияние, выделяла светлые глаза, подчеркивала женственность.

Эмма остановила такси и назвала адрес ресторанчика в Ист-Энде. Уже сидя в машине, поняла, что ее колотит дрожь. Достала

косметичку и немного подкрасилась — чуть-чуть розовых румян, золотистые тени на веки, коралловый блеск на губы.

Шофер остановил машину перед дверью ресторана «Номер 5», и Эмму вновь охватила тревога. А что, если и на этот раз Мэтью нет на месте?

Эмма вспомнила себя, какой была год назад. Это был долгий путь.

Но можно ли без конца искушать судьбу? Безнаказанно нарушать планы Провидения? Какую цену она заплатит за то, что вторглась в поток времени и сразилась с фатумом?

Сейчас она все узнает. Эмма расплатилась по счетчику, вышла из машины и толкнула дверь в итальянский ресторан.

С колотящимся сердцем миновала, не глядя, стойку бара. Почувствовала, как здесь уютно, как тепло. Да, именно таким этот ресторан ей и запомнился.

Она поднялась по ступенькам деревянной лестницы, что вела на галерею под сводчатым потолком. А потом двинулась к столику у ограды, откуда был виден главный зал.

Мэтью уже сидел за столиком.

Он ждал ее.

Благодарности

Ингрид, Эстелле Тузе, главному сомелье «Мериса», доктору Сильви Анжель и доктору Александру Лаброс, Бернару Фиксо, Эдит Леблон и Катрин де Ларузьер, Валери Тайфер, Жан-Полю Кампо, Брюно Барбет, Стефани Ле Фол и Изабель де Шарон.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)

Сноски

Примечания

- 1
- Тарун Дж. Теджпал — знаменитый индийский журналист и главный редактор популярного еженедельника, включенный журналом «Business Week» в число пятидесяти людей, которые меняют современную Азию. Автор романа «Алхимия желания».
- 2
- Японская гравюра эротического содержания.
- 3
- Наука о вине.
- 4
- Деловая часть города.
- 5
- TriBeCa* — небольшой квартал в Нижнем Манхэттене.
- 6
- Английская актриса. Звезда цикла кинофильмов о вампирах «Другой мир».
- 7
- Канадская актриса. Прославилась, исполнив роль Кейт Остин в драматическом сериале «Остаться в живых».
- 8
- Психотропные лекарственные средства, самые распространенные транквилизаторы, снимающие тревогу и страх.
- 9
- Больница в Бостоне при университете.
- 10
- Песня Франка Синатры.
- 11
- Джон Николас Кассаветис* (1929–1989) — американский режиссер, актер и сценарист. Один из важнейших представителей американского независимого кино. Отличался эффектной, подчеркнуто мужественной внешностью.
- 12
- Кит Джарретт* (1945) — американский джазовый музыкант-исполнитель и композитор.
- 13
- Кэри Грант* — англо-американский актер, дважды номинант на премию «Оскар». Воплощение остроумия, невозмутимости и хладнокровия.
- 14
- Билли Уайлдер* (1906–2002) — американский режиссер и сценарист, создавший фильмы в жанре нуар.
- 15
- «*Магазинчик за углом*» (1940) — классическая рождественская романтическая комедия.
- 16
- Общественный парк в центре Бостона.
- 17
- Дословно «дом из коричневого камня» — так называют определенный тип домов в больших городах Америки.
- 18

Афоризм, принадлежащий Лауре Конан, франкоязычной писательнице из Канады.

19

Года, в который сделано вино.

20

Главный герой сериала «Тайны Смолвилля», современная версия Супермена.

21

Перевод О. Мандельштама.

22

Булочка для хот-дога с салатом из омаров.

23

Поль Моран (1888–1976) — французский писатель, дипломат, член Французской академии. Автор романа «Венеции».

24

Расстройство психики, при котором пациент испытывает колебания между депрессивными фазами и состояниями ремиссии, включающими порой и эйфорию.

25

Нанесение надрезов на кожу.

26

Вы в меня врезались! Я старая женщина! Вернуться бы вам в школу, уж там-то вас бы научили хорошим манерам! (*Швед.*)

27

Эмили Элизабет Дикинсон (1830–1886) — американская поэтесса.

28

На купюре в сто долларов изображен Бенджамен Франклин.

29

Черный цыпленок со скорлупкой на голове, герой одноименного мультсериала японо-итальянского производства.

30

Коктейль из молока, сахара, яиц, сливок и рома, напоминает «гоголь-моголь».

31

Морис Магр (1877–1941) — французский поэт, автор романов об альбигойцах, драматург, оккультист.

32

Особый ход в шахматной партии, разрешающий одновременное перемещение двух фигур: короля и ладьи. Цель — увести короля из центра. При короткой рокировке король эвакуируется на королевский фланг, при длинной — на ферзевой. Король переносится на одно поле, ладья становится на то, через которое «перепрыгнул» король.

33

Мат при помощи двух слонов; впервые его поставил Сэмюэль Боден Шулдеру в 1853 году в Лондоне.

34

Поль Элюар (1895–1952) — французский поэт, один из самых ярких представителей сюрреализма и участников творческой жизни Парижа первой половины XX века. Знаменит в том числе благодаря участию в знаменитом любовном треугольнике: Поль Элюар — Гала — Дали.

35

Перевод Б. Пастернака.

36

В октябре 2012 года Международным обществом по переливанию крови (ISBT) были признаны тридцать три основные системы групп крови (в том числе систем AB и Rh).

37

Американский японист и писатель. Автор романа-бестселлера «Мемуары гейши» (1997).

38

Паскаль Мерсье (1944) — псевдоним швейцарского прозаика и профессора философских наук Питера Биери. Самый известный роман «Ночной поезд на Лиссабон».